

№9

Сентябрь 2011

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГРУЗИЕЙ
УТРО МОЕ
ЗАЖЖЕНО

КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

ПОЛОЖЕНИЕ О КОНКУРСЕ

1. Общие положения.

Цели конкурса:

Конкурс проводится с целью укрепления межнациональных литературных связей, формирования ценностного отношения молодежи к русскому языку и культуре России, развития творческих инициатив и поддержки поэтически одаренной молодежи.

Задачи конкурса:

- возрождение и укрепление интереса к русскому слову, к культуре русской речи, популяризация русской речи среди молодежи;
- развитие интереса к национальной и русской истории, культуре, языку через осмысление исторических традиций и актуальности культурно-литературных связей;
- возрождение литературных традиций общения между интеллектуально-творческими кругами стран Закавказья;
- творческое стимулирование и реальная поддержка одаренной молодежи стран Закавказья.

2. Участники конкурса

К участию в конкурсе приглашаются молодые поэты Азербайджана, Армении, Грузии в возрасте от 17 до 30 лет, пишущие на русском языке.

3. Сроки и этапы проведения конкурса:

Конкурс проводится в пять этапов с 1 июля по 1 декабря 2011 года.

1 этап – информационно-оповестительный (1 июля – 15 сентября 2011 года);

2 этап – подача заявок и работ для участия в конкурсе (16 июля – 15 сентября 2011 года);

3 этап – оценка региональными жюри (Азербайджан, Армения, Грузия) представленных на конкурс работ (15 сентября – 1 ноября 2011 года);

4 этап – оценка единым международным жюри работ, прошедших региональный отбор (1 ноября – 15 декабря 2011 года);

5 этап – приезд и пребывание лауреатов конкурса в Тбилиси. Награждение победителей конкурса (декабрь 2011 года).

4. Содержание и формат представляемых на конкурс работ

Форма и тематика представляемых произведений являются творческой авторской прерогативой.

Объем работ – не более 15 тысяч печатных знаков (20 000 знаков – для крупных поэтических жанров и форм).

Работа должна быть выполнена на листе формата А4, шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал – одинарный.

5. подача работ на конкурс

Подача заявок и работ для участия в конкурсе осуществляется с 16 июля по 15 сентября по электронной почте: rusculture@mail.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№9⁽⁷¹⁾
Сентябрь 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ...	6
	ДОРИСОВЫВАЯ СНЫ	11
	ЕЛЕНА И ЛЮДИ	14
	МЕДИУМЫ СЛОВЕСНОСТИ	16
РУССКИЙ МИР	НАС ОБЪЕДИНЯЕТ ЯЗЫК	18
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО В ПОДАРОК	20
ПОЗИЦИЯ	УВОЛЕН, НО НЕ СЛОМЛЕН	22
О, СПОРТ!	ЧЕМПИОНСКИЙ ПОЧИН АМУРА	24
ЮБИЛЕЙ	«СГОРАЮ ДОТЛА, ЧТОБЫ БОЛЬШЕ ОСТАЛОСЬ...»	28
ПАМЯТЬ	К НЕМУ ТЯНУЛИСЬ ЛЮДИ	32
НАСЛЕДИЕ	«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»	38
ПРИЗНАНИЕ	К НАИВЫСШЕЙ ЦЕЛИ	42
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	НАШИ «ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ»	46
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ВОЗВРАЩЕНИЕ	51
ПРОЩАНИЕ	ОНА БЫЛА ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ...	52
	ТРАГИЧЕСКАЯ АКТРИСА	53
ОБЪЕКТИВ	КУТАИСИ МЕНЯЕТСЯ НА ГЛАЗАХ ...	

На обложке - поэт Джансуг Чарквиани.

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалде, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалде, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуацеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полканина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ПУЛЯ ДЛЯ РЕФОРМАТОРА

Ровно 100 лет назад, 14 сентября 1911 г. в Киевском городском театре в антракте к премьер-министру России, знаменитому, уважаемому и проклинаемому Петру Столыпину подошел молодой человек и, не торопясь, как в замедленном кино, достал револьвер, тщательно прицелился и выстрелил два раза. Петр Аркадьевич удивленно посмотрел на растекавшуюся на белом мундире кровь, потом поднял глаза к царской ложе, из которой на выстрелы выглянул царь Николай II, перекрестил самодержца и потерял сознание. Через четыре дня он умер. Его убийцу, Дмитрия Богрова, осведомителя охраны, повесили через десять дней почти без всякого суда и следствия. По стране пошел шепоток, что «концы упрятали в воду». Действительно, загадочная торопливость – следствие посчитало убийство акцией одиночки. Чуть больше шести лет был у власти премьер Столыпин. Страна ему досталась раздираемая крестьянскими восстаниями и городскими революционными выступлениями 1905-1907 гг. И предстояло ему усмирить Россию, пусть даже умыв ее кровью, и провести знаменитые столыпинские реформы, которые, если бы были доведены до конца, предотвратили бы революционный беспредел 1917 г. и последующую гражданскую войну. Не любит Россия перемен.

11.09

11 сентября 2001 г. в США совершен самый крупный в истории террористический акт. В башни-близнецы Международного торгового центра поочередно врезались два пассажирских самолета, а еще один угнанный самолет упал на Пентагон в Вашингтоне. Это была спланированная и скоординированная ата-

ка с участием смертников. Группа участников исламистской террористической организации «Аль-Каида» одновременно захватили четыре самолета и направили их на важные цели, чтобы вызвать хаос в Америке. Но сделать им это не удалось. И хотя помимо девятнадцати террористов погибло больше 3000 человек и больше 6000 было ранено, Америка сплотилась, как перед лицом военной угрозы. Мир был потрясен, когда на экранах поочередно обрушивались башни-близнецы, как уходящий под воду «Титаник». Злодеи, конечно, знали, что в Международном торговом центре одновременно может находиться до 50 000 человек. Но было раннее утро и их кровавая жатва не была такой обильной. Невзирая на важную роль Международного торгового центра в финансовом и биржевом деле, парализовать экономику Америки не удалось. В момент терактов в подземных хранилищах центра хранилось почти 12 тонн золота и более 900 тонн серебра. Но даже потеря такого количества драгоценностей не оказало серьезного влияния на американский рынок. Этот теракт не помог исламистам, наоборот, навлек на них и их союзников всю мощь американского оружия – началась война в Афганистане, а потом в Ираке. И никому не стало лучше.

ОТЕЦ И СЫН

11 сентября 1862 года родился знаменитый грузинский писатель Давид Клдиашвили. Он родился в Батуми, но долгие десятилетия прожил вдали от Родины, учась вначале в военном училище в Киеве, а после в Москве. Долгое время служил офицером русской армии. В своих произведениях он описывал быт мелкопоместного дворянства, обреченного историей после отмены крепостного права на тяжкий труд и сложности выживания в новых реалиях. Они пополнили ряды небогатой прослойки городских обывателей, озабоченных устройством своих детей на государственную или военную службу, чья сущность в то же время протестовала против их нового социального положения. Многие из них в итоге пришли к революции, как и сам писатель, который был уволен из армии за поддержку выступлений трудящихся в Батуми во время первой революции. В отставке он занялся литературным трудом, оставив нам ряд колоритных произведений из жизни крестьян Западной Грузии в эпоху исторического перелома. А кроме своих книг он подарил Родине еще одного писателя и драматурга – своего сына Сергея Клдиашвили.

О ВРЕДЕ АСТРОЛОГИИ

510 лет назад родился знаменитый математик и механик Джероламо Кардано – очень просвещенный человек эпохи высокого Возрождения. Жил он на севере Италии и работал преподавателем различных университетов. Как все великие люди Ренессанса, он был разносторонне одарен: преподавал и медицину, и математику, и биологию, и рисование. Но в особенности он прославился как астролог, нажив себе

тем даже неприятности с Церковью. Доводилось ему сидеть в темнице на хлебе и воде – ну дернула же его нелегкая составить гороскоп самого Иисуса Христа! Пришлось вымаливать прощение у самого Папы. А еще Кардано изобрел весьма забавный способ безошибочного предсказания пола ребенка. После смерти открылось, что Джероламо немного жульничал: у него было два журнала регистрации собственных прогнозов. Скажем, приходил к нему человек и просил угадать, кто у него родится. Джордано говорил: «мальчик», а в журнале записывал «девочка» и брал «заслуженные» деньги. Если рождался мальчик, то клиент был доволен. А если девочка, то претензии клиента Кардано картинно удивлялся и просил посмотреть регистрационный журнал, где была записана «девочка». Оставалось только извиниться и пристыженно уйти восвояси. Но в астрологию изобретатель карданного вала, к сожалению, верил всерьез. Он имел неосторожность публично предсказать дату своей смерти и, чтобы не нарушать своего прогноза, в этот день покончил с собой. Вот до чего доводят лженауки!

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ

2 сентября 911 г., то есть 1100 лет назад киевский князь Олег в Константинополе заключил договор с тамошним императором. А попробовал бы император не подписать – ведь на заключение этого договора русских приехало на двух тысячах ладей по сорок человек на каждой. Не помогли бы ни тяжелая конница, ни высокие городские стены, ни огромные византийские ворота, на которые князь Олег прибил свой щит. А договор, в принципе, был неплохим – о мире, о торговле, о дружбе между народами, о береговом праве и многом, многом другом... В частности, по условиям договора, русские купцы получили право жить в Константинополе по полгода за счет Византийской империи, естественно, с правом беспрошальной торговли. Вот оно, искусство дипломатии!

сандр Скрябин. А еще он придумщик палиндромов – фраз-перевертышей, которые читаются одинаково с конца и с начала. Вот кое-что из изобретений великого пианиста: «Не пошел Шопен», «Репу поп упер», «Леша на полке клопа нашел», «Сенсация! Поп яйца снес!» и многое другое, а также заголовок этой заметки.

ЗЕМНОЙ СВОЙ ПУТЬ ПРОЙДЯ ДО СЕРЕДИНЫ

690 лет назад теплым сентябрьским днем не стало величайшего поэта эпохи Возрождения Данте Алигьери. И не был он так уж стар – 56-ти лет. Даже в те века в солнечной Италии люди жили дольше. Нам мало что известно о его жизни – знаем только, что он был флорентийским дворянином, вероятно, был хорошо образован и, что еще вероятнее, был небогат. Также известно, что в тридцать шесть лет – в середине жизни – он стал изгнанником. В его родной Флоренции произошел военный переворот, Данте бежал от погромов и репрессий и больше никогда не возвращался в родной город. Славу поэта он обрел еще в молодые годы, воспевая свою возлюбленную Беатриче, но главный труд – возвышенную и мрачную «Божественную комедию» - он писал в последние пятнадцать лет своей жизни. Завершив последнюю часть – «Рай» - он умер в Равенне от малярии. По легенде, с гроздьем золотистого винограда в руке. Говорят, что Данте осознавал всю гениальность своего поэтического дара, но, конечно же, и представить не мог, что память о нем будут хранить на протяжении семи столетий.

Роб АВАДЯЕВ

105 ЛЕТ НАЗАД

30 сентября мы отмечаем 105 лет со дня рождения выдающейся актрисы театра и кино Сесилии Такайшвили. Это была одна из самых выразительных, точных характерных актрис. Еще до своего появления на киноэкранах Сесилия играла главные роли на сцене театров Ш.Руставели и К.Марджанишвили от Катарины в шекспировской комедии «Укрощение строптивой», королевы Елизаветы в «Марии Стюарт» Шиллера до бабушки из бессмертного произведения Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион». В кино она сыграла около полусотни ролей, каждая из которых была запоминающейся и отражающей истинно народный характер.

АРГЕНТИНА МАНИТ НЕГРА

110 лет назад, 25 апреля 1901 г. родился выдающийся русский пианист-виртуоз Владимир Владимирович Софроницкий. Русская земля была богата талантами исполнителей на фортепьяно, но даже среди них Софроницкий выделялся изысканной техникой и точным звуком. Его одноклассниками по Петроградской консерватории были Дмитрий Шостакович и Марина Юдина. Он стал концертирующим пианистом и профессором Московской консерватории. Софроницкий считается одним из лучших исполнителей такого непростого композитора, как Алек-

Участники фестиваля у Пестрой бани

ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ...

Равиль БУХАРАЕВ - поэт, писатель, переводчик, ученый, историк. Родился в Казани. Окончил механико-математический факультет Казанского университета и аспирантуру МГУ по кибернетике. Печатается с 1969 г. Пишет стихи на русском, татарском, английском и венгерском языках. С начала 1990-х живет в Англии. Работает продюсером на русской службе Би-би-си. Член СП СССР, СП Венгрии, ПЕН-клубов Венгрии и США, Европейского общества культуры (Венеция), Международной академии поэзии (Мадрас), Всемирной академии искусства и культуры (США-Тайвань). Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, лауреат премии Республики Татарстан имени Мусы Джалиля и Государственной премии Татарстана имени Габдуллы Тукая. В апреле 2011 г. Институт истории Академии наук Татарстана присвоил Р. Бухараеву звание почетного доктора.

Лидия ГРИГОРЬЕВА - поэтесса, эссеист, фотохудожник. Родилась в Украине, раннее детство провела на

Крайнем Севере, среднюю школу закончила в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Долгие годы жила в Москве, была автором и ведущей литературных программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио. Член Союза писателей России, действительный член Академии российской словесности, Всемирной академии искусства и культуры (США-Тайвань), Европейского общества культуры (Венеция), Международного ПЕН-клуба (Нью-Йорк). Автор более десятка телефильмов о пребывании в Лондоне художника Бориса Анрепа, поэтов Марины Цветаевой, Николая Гумилева, композитора и пианиста Александра Скрябина и др. В последние годы активно работает в созданном ею жанре «фотопоэзия». Поэт Евгений Рейн назвал Л. Григорьеву «непрочитанным поэтом эпического размаха, автором единственного в современной поэзии романа в стихах».

Хорошие стихи всегда больше своего автора.

Но и автор всегда больше своих стихов, потому что он – не только его стихи.

А вот читая и слушая супругов Равиля Бухараева и Лидию Григорьеву – очень разных поэтов и очень родственных друг другу людей, беседуя с ними, я убеждалась, что мне трудно, почти невозможно определить, где же кончается их творчество и где начинаются они сами. Поэзия – это не только тот воздух, которым они дышат, но и тот, который выдыхают. Понимаете, это не образ жизни, как принято говорить. Это, видимо, просто единственно возможный способ существования.

Подлинная поэзия (помимо самого главного, тайного, объяснимого дара божьего – либо дано, либо нет) подразумевает все-таки гармонию, естественность и чест-

ность. Добро. Она, как и добро, пожалуй, не должна быть с кулаками. В концов концов, мы считаем аксиомой бессмертное «чувства добрые я лирой пробуждал»... Именно поэтому то, как живут и пишут Равиль и Лидия, - это и есть поэзия. Поэзия стихотворения, эссе, перевода, фотографии. А еще - поступка. У них можно не только поучиться ремеслу, но взять пример, как жить, как поступать - не только в радости, но и в самом, упаси господи, горьком горе...

Впрочем, если мы с вами прочитаем то, что ими написано, послушаем, что ими сказано, - считайте, что Равиль и Лидия уже взяли нас в свои ученики. Уроки будут благодатными.

Равиль Бухараев. Мой опыт жизни на Западе убеждает, что за все надо платить. Здесь жизнь очень организована. Даже заорганизована. Когда все познается через рекламу, это неизменно сушит душу. Несовместимы Бог и Мамона. Торгующих в храме быть не должно. Потребительское самоощущение, а оно обычное на Западе, постмодернизм, который уничтожил все святыни и понятия о святынях... Душа не может этого выдержать - она засыпает или исчезает. На Западе очень сложно говорить с людьми на духовные темы - они либо уходят от этого разговора, либо вообще не понимают, о чем ты тут им толкуешь.

- Уходят от разговора, потому что...

Р.Б. Потому что не могут поддержать разговор. Знаете, в чем удивительное родство Грузии и России? Я вчера сидел в хинкальной, играла музыка, которую я с юности знаю, она меня насквозь пронимает. И я подумал - вот какой-нибудь американец будет здесь хинкали кушать, он даже не услышит этой музыки, просто не услышит, в

На дегустации грузинского вина

нем ничего не отзовется. А русская душа (точнее, российская, потому что я не русский человек, а татарский, который также отзывается на татарское) - отзовется. Мы на одной струне трепещем. Мы еще умеем плакать.

- Еще умеем. Но этому умению многое угрожает.

Р.Б. Угрожает.

- Угроза - в рекламе и психологии потребления? Мне с утра до вечера твердят, что если я почищу зубы этой пастой, куплю эту машину, отдохну на этом курорте, то буду счастлива. То есть мне навязывают именно такое представление о благе?

Р.Б. Дело еще и в том, что вы перестаете мыслить самостоятельно. Западный мир выдает себя за мир свободной мысли и свободного выбора. Но на самом деле у

вас вообще свободного выбора нет - нам все время талдычат какие-то выборы, которые вы принимаете за свои. А они не ваши. Вам их навязали.

- Многие зависят от человека. Некоторых очень раздражает навязчивость.

Р.Б. Нет, при таком напоре противостоять невозможно. Либо необходимо выключить телевизор и закрыть глаза и уши. Есть люди, которые не смотрят телевизор вообще. Но их единицы.

- В итоге потребительские идеалы заменяют собой идеалы нравственные?

Р.Б. Тут не просто подмена. Это исчезновение идеала как такового - ведь идеал можно обменять на что-то другое. Вам ничего не дорого, потому что вы все можете купить. Весь вопрос в том, что идеал - это, к чему ты все время стремишься и никогда не достигаешь. А потребительский мир тебе говорит - нет, ты всего можешь достигнуть, если у тебя деньги есть. Это всасывается с молоком матери, на этой идее выросли целые поколения.

Лидия Григорьева. Я сторонница идеи Льва Гумилева и считаю, что в каждом обществе, от диких, неразвитых общественных форм до самых цивилизованных (хотя, как известно, когда цивилизация доходит до своего пика, она погибает), есть пассионарные личности, способные стать духовными лидерами и своего дикого племени, и своего цивилизованного, одичавшего от потребления племени. Именно эти единицы, эти светочи мысли, вдохновения, таланта и есть показатели духовности. Нет единицы духовности на какое-то количество душ населения. Возьмем самые забытые уголки России, северные деревни - там плетутся удивительные кружева, создаются потрясающие частушки, и ни один современный поэт не придумает такие гениальные рифмы. Это и есть те самые россыпи, тот цветной бисер, который рассыпан по всему миру, независимо от социального или материального состояния того или иного человека.

- Эксклюзив, независимый от общих тенденций?

Л.Г. Да, я думаю так. Нет, не думаю, я знаю, что и в обществе потребления есть такие люди, и совсем необязательно отказываться от потребления для того, чтобы стать духовным лидером. Можно много потреблять или не потреблять ничего, быть абсолютным аскетом, и все равно светиться изнутри духовным светом, чему показатель - многочисленные монашеские, подвижнические жития во всем мире. Есть подвижники, но есть и педофилы. На кого мы будем равняться?

- Это какой-то антипример.

Л.Г. Антипримеры как раз подчеркивают примеры. Все дело в том, что о духовном подвиге какого-нибудь католического или православного аскета мы с вами ничего не знаем. А почему? Потому что об этом не рассказывают средства массовой информации. А о расцвете педофилии все будут знать и возмущаться - ах, какая бездуховность!

Р.Б. Лида в своем аспекте права. Я говорю о так называемых простых людях - не святых и даже не церковниках. Был у меня хороший друг - венгр. Так получилось, что у меня с Венгрией было много связано, я там жил...

- И даже написали на венгерском языке венок сонетов.

Р.Б. Да... И мой друг сказал, что граница с Западом на самом деле проходит по Дунаю, поперек Венгрии. Есть восточная и западная Венгрия, есть Буда и Пешт. В чем разница? На востоке, в Буде поют и плачут - умеют плакать, когда поют. А в Пеште - уже не умеют. Конечно, есть разные люди. Но я говорю в целом. В каждой стране я стараюсь разговаривать с людьми на их родном языке - в Венгрии, Германии, Великобритании.

- Скоро и по-грузински заговорите.

Р.Б. Дай бог. Джер ар вици («пока не знаю» - груз.). Я стал писать по-английски, по-венгерски. Я очень много в это вложил. Но я вижу, что толку нет. Это непробуемо. Уровень, который они себе ставят для познания, - очень маленький. Они себя этим не обременяют, им этого не надо – ни особенных знаний о мире, ни духовности. За 20 лет жизни на Западе у меня появилось всего три друга, с которыми я могу на эти темы разговаривать на английском языке – один англичанин, двое шотландцев.

- Поэзия – занятие элитарное?

Л.Г. Я всегда склонялась к мысли, что поэзия – элитарное искусство. Как опера. Или симфоническая музыка. Для того, чтобы воспринимать классическую музыку,

нужно обладать, как минимум, музыкальным слухом, потом – хоть каким-то минимальным образовательным цензом, чтобы отличать Верди от Вагнера. Также и в поэзии. Хотя поэзия в свое время в России вышла на площадь и шумела, то же самое творилось в Америке во времена хиппи, когда авторская песня собирала огромные толпы...

- А творчество Высоцкого – не пример, что поэзия может носить не элитарный характер?

Р.Б. Во-первых, он хороший поэт. Но он бард. Шансонье. Это несколько иное. Мы говорим о другом.

- Тогда так - хорошая поэзия может быть не элитарной?

Л.Г. Может. Например, те же самые частушки, народные песнопения. Есть просто шедевры. Но о Высоцком я бы добавила несколько слов. Я вообще склонна к тому, что поэзия должна развиваться в пограничной зоне разных жанров. Я, например, сейчас занялась фотопоэзией. Я не снимаю, если за этим не вижу текста, я снимаю только то, за чем стоит метафора. То же самое с Высоцким. Он работал на границе жанров – поэтического, актерского и только потом музыкального. И вот это – прорыв в народные массы. Я уверена, что, например, мой венецианский фотоальбом, как бы мне не было обидно, будет пользоваться большим успехом, чем моя поэтическая книга. Поэзия – это всегда наедине. А то, что делал Высоцкий, - синтез, хотя, конечно, в первую очередь, это выдающийся талант. Бардов были сотни. А запомнились единицы.

- Наивный вопрос - зачем читать и зачем писать стихи?

Р.Б. Зачем писать? Это, конечно, очень простой вопрос. Если можешь не писать, лучше не писать. Это потребность души, твоего естества. У Лиды есть очень хорошие стихи: «В этом возрасте стыдно писать, если это не письмо». Великие стихи, и это правда. И если сейчас я пишу одно или два стихотворения в год, я для себя гарантирую, по Пушкину, «сам свой высший суд», что это я могу оставить и что это останется. Я могу писать и больше, но ради чего? Ради того, чтобы показать, что я еще живой? У меня есть другие способы показывать. А вот зачем читать стихи... Элитарные вещи, или чересчур усложненные, или индивидуалистические стихи я не восприни-

маю как факт общественной жизни – это факт личности, культуры, цивилизации, но не факт общественного влияния. Потому что люди, в основном, к этому не подготовлены и воспринимают как издевку. То есть – если я этого совершенно не понимаю, либо надо мной издеваются, либо я совсем тупой. Оба состояния очень неприятные, и человек от них уходит. В нашей жизни происходят страшные катаклизмы, и человек ищет утешения. Он никогда не пойдет утешаться к человеку, который пишет элитарные стихи. Он пойдет к своему товарищу, который пишет что-то очень простое, что сразу в душу входит. И если в такой момент ему предложить, например, такие четыре строки: «Наедине с тобою, брат,/Хотел бы я побыть:/На свете мало, говорят,/Мне остается жить!» Представляете? Это же сразу насквозь пронизывает человека.

- Любого?

Р.Б. Любого! Классика нужна для того, чтобы понять, что стихи – не вид искусства, а способ общения и способ познания человеком самого себя.

Л.Г. Помимо того, что это, все-таки, вид искусства.

Р.Б. Человек, который не читает стихов, может ничего о себе не узнать. Понимаете?

Л.Г. Равиль затронул очень важную тему. Стихи – это концентрация времени и пространства, это закодированное душевное состояние поэта, которое случилось, может быть, двести или триста лет назад, и когда ты это читаешь, оттуда начинается светящееся излучение, и это действительно проникает в душу. Настоящая поэзия – это скрытая радиация. Это оздоравливающее облучение. Почему, когда я читаю Катутула «Давай, о Лесбия, любить друг друга», у меня перехватывает горло? Равиль недавно перечитывал «Илиаду» в переводе Гнедича и был потрясен, насколько это великое произведение... Сопредельна только музыка – она несет такую же энергетику. Зачем читать стихи... Их нужно читать не только в беде и отчаянии, не только, когда ты в тупике, но и в самом спокойном состоянии. Если хочешь получить энергетический заряд невиданной силы, ты должен открыть поэтическую книгу или послушать классическую музыку. Все-таки эта душевная потребность заложена в каждом человеке изначально. Но она бывает в зачаточном состоянии, а бывает душевно воспитана, выращена.

Р.Б. Считается, что у интеллигентного человека должен быть набор понимания каких-то вещей... Но на самом деле есть только один-единственный вопрос в мире, на который стоит искать ответ – зачем живет человек? Все, что помогает отвечать на этот вопрос или поставить его, является необходимым. И если ничто вам такой вопрос в жизни не ставит, значит, что-то не то с этой жизнью. Необразованные души хотят праздника, но понимая, что праздник на самом деле является вознаграждением за поиск ответа на вопрос «зачем ты живешь?»

- А вам не кажется, что этот вопрос может задать себе человек необразованный, но в момент, когда он испытывает глубочайшее страдание? Есть такая концепция, что путь страданий – это...

Л.Г. Путь к просветлению.

Р.Б. А иначе и быть не может. Человечество создало то, что оно создало, путем страдания, а не счастья. Вообще, боль – это ощущение жизни. Человек, который не чувствует боли, не ощущает жизни. На самом деле любой человек и любое общество идет путем наименьшей боли. Как дерево растет? Оно по-всякому может выгнуться, потому что ищет путь, где ему менее больно расти.

Л.Г. Но иногда страдание может перекрыть все духовные потоки. Пути Господни просто неисповедимы... Страдание очищает, даже чужое страдание. Человек любого образовательного ценза слышит трагедийную музыку, застывает в столбняке и вдруг понимает, что непра-

Лидия Григорьева

вильно жил, что все не так, что надо все менять. Все дело в пассионарных личностях, которые появляются в тех или иных точках планеты независимо от нас. Я, как человек верующий, считаю, что это божья воля – иди и «глаголом жги сердца людей». И ты пойдешь – и по углям горящим, и все страдания перетерпишь. Потому что у тебя есть цель – сказать свое заветное слово.

- Поэзия – это желание сказать заветное слово?

Л.Г. Если ты хочешь сказать свое заветное слово как самостоятельная личность, – вот он – я, этакий, явился в этот мир – то вряд ли у тебя что-то получится. Должна вести какая-то идея. Например, богоборчество молодого Маяковского было от ощущения «я должен, я знаю, что я могу, а почему – не знаю».

- А мне кажется, что это было пижонство.

Л.Г. Ну какое пижонство в 17 лет! Это было от силы молодецкой, от той силы, которую он, кстати, получил на грузинской земле.

Р.Б. Я считаю, что признак зрелости – когда человек больше слушает, чем говорит. Я был очень честолюбивый человек и всю жизнь боролся с собственным честолюбием. Но обретение покоя – это не обязательно бездействие... На океане бывает штиль, но внутри есть течения, которые меняют мир. Для этого необязательно бурлить сверху. И поэтому я последние годы, десятилетия гораздо больше слушаю. Я считаю, что поэт – в моем представлении – это инструмент Бога. Чем меньше в нем «я», тем он более счастливый человек. Он должен быть постоянно настроен и никогда – празден. Настроен на то, что звучит, что говорится. И величайшее счастье, когда скажешь сам и удивишься самому себе, тому, какую верную ноту ты взял...

- Разрешите немного придраться к вашим словам. Взять верную ноту – это один акт. Но вы – человек, который написал четыре венка сонетов. А сонет – это форма поэтического совершенства. Написать сонет – это, помимо всего прочего, великий труд...

Р.Б. Мастерство – совсем другое дело. Это обязанность поэта – быть мастером. И если это его дело на всю жизнь, то поэт совершенствует свое мастерство, как любой гончар.

- Мастерство мастерством, но как его совместить с верностью ноты?

Р.Б. Нота – это камертон, по которому можно строить симфонию. А как ты ее строишь? – вот тут и начинаются труды. У меня даже стихи есть: «Невыносима туга или нет, не пропадут потуги./ В том, что ты неплохой поэт, нет никакой заслуги./ Сколько породы ради руды, как далека дорога.../ От человека исходят труды./ Все остальное – от Бога».

Л.Г. Вот прочитал бы это со сцены для всех... На фестиваль приехала замечательная поэтическая команда. Но некоторые считают, что они – поэты, и весь мир должен им внимать, их кормить и поить. Молодой человек, который еще ничего не сделал, заявляет: «Если будете меня приглашать, то я приеду». Почему тебя? Кто ты такой? Так нельзя себя вести. Это ты обязан обществу, а не оно тебе.

- Видимо, важно не только как ты пишешь, но и как ты себя ведешь...

Л.Г. Я в 17 лет выписала для себя фразу Гогена: «Талант к живописи не освобождает человека от обязанности вести себя прилично». Это формула. И всякий раз, когда я себя ловила на том, что сейчас, как говорится, плюну в небо, я всякий раз себя сдерживала...

- А с Эйфелевой башни вниз плюнуть?

Л.Г. Нет, этого не было никогда.

Р.Б. Так воспитали родители.

Л.Г. И так воспитали великие примеры, которым я

всегда подражала. Я знала, что если я вышла на поэтическую стезю, то могу оказаться нищая, голая, умереть непризнанная на каком-то чердаке, что это входит в пакет предлагаемых мне услуг. И я никогда не требовала большого. И то, что я в какой-то мере признана, не голодаю, – чудо... Даже иногда задумаюсь – а, может, мне не достало таланта, чтобы умереть голодной на чердаке?

Р.Б. Для меня великие примеры тоже были учителями в первой половине жизни. Во второй половине я стал читать меньше книг и больше Священных писаний... В Коране сказано, что «за поэтами следуют заблудшие – посмотрите, как они бродят по каждой долине, говорят и ничего не делают». Есть известное изречение Руми, которое гениально звучит по-турецки, а по-русски так: «Или будь тем, кто ты есть, или стань таким, каким хочешь казаться». Для меня поэзия – именно это. Что говоришь, то и делаешь.

- А вы сами такие, какие есть, или стали такими?

Р.Б. Мы стали.

Л.Г. Стали. Мы такими никогда не были. Я, естественно, в молодые годы была бунтаркой, и у меня было полное неприятие окружающей действительности. Правда, я никогда не была диссиденткой – я не понимала, зачем это нужно. Делай что должно, и будь что будет – это тоже всегда была моя любимая формула. Я никогда об этом не рассказывала, но уже в студенческие годы мне на хвост плотно сел КГБ, и мне испортили много крови... Ну представьте себе: юная девушка, натуральная блондинка, пишет стихи. И вдруг оказывается, что эти стихи очень важны для государства, которое начинает с ними бороться. Я думала, что же такого в моих стихах? Да, они были необычны – у меня были другие образцы, я писала диплом по французской поэзии и ориентировалась не на советские, а на западные культурные ценности. Это раз-

Равиль Бухараев

дражало, и в Казанском университете, где я училась, завели дело, которое называлось «Салон Лидии Григорьевой». При том, что я была бездомная, жила у чужих людей. Собирались друзья, и кто-то доносил, что я говорю, какие книги читаю, какие даю почитать. Была реальная угроза, что меня посадят. Меня не брали на работу, но я не чувствовала себя гонимой, я создавала, что я общественно значимая фигура – а это очень важный момент. Поэтому я никогда не обижалась на КГБ, не делала из этого биографию, и нигде про это не писала. Меня притесняли не по политическим, а по эстетическим взглядам. И на допросах я объясняла – поймите, я только поэт, и если я не буду читать те книги, которые читаю, я не буду

знать своих предшественников. Мне задают вопрос: «Вы читали Аллилуеву?» - «Зачем она мне? Я читаю Мандельштама». И они приняли мои аргументы, потому что там сидели образованные люди, выпускники того же факультета, на котором училась я. Они меня понимали и, может быть, даже завидовали. Я знаю фамилию капитана, который меня спас от окончательного ареста. Дело по салону закрыли, но на работу не взяли...

Р.Б. А я всегда боролся с тьмой, депрессивной тьмой внутри себя. В каждом человеке она существует наряду со светом. Я довольно резко порвал с богемным образом жизни. Знаете, почему у меня нет проблем с грузинскими винами?

Л.Г. Все перепробовал.

Р.Б. Я все на вкус помню. Мне не нужно пить для того, чтобы быть пьяным. Я смотрю на гору Давида и вспоминаю, как мы сидели там в ресторане – до закрытия, после закрытия. Но моя книга называется «Трезвые пиры». Пирсы продолжаются. Но теперь они трезвые.

- *Пирсы разума.*

Р.Б. Может быть, даже души больше, чем разума. Что мне осталось? Я до сих пор помню, как мы пели «Шен хар венахи»... И ничего не изменилось – поем, как и пели. Смотрели фильм «Не горюй!», выучили его наизусть и пели вместе с героями – «квели, пури, хачапури, цицила»... А потом у меня начался период работы. Я столько времени потратил на все эти похмельные дела – и теперь надо было работать. Работал я жутко много. Но вы знаете, какая штука? Тогда я в бога не верил, хотя искал. У меня была идея, что работа, как шампанское, всегда вышибет пробку, и все начнется. Лидия знает, сколько мной было сделано с 80-го по 90-й год – книги, переводы, пьесы, статьи... Даже языки выучил. К 90-му году я понял – нет, только один труд, как бы созидателен он ни был, человека не утешает. Нужно что-то большее. И сейчас я состою в общине – это чистый ислам, в котором нет ни тени насилия. Лозунг – «любовь ко всем, ненависть ни к кому». Этот тот ислам, который согласен с христианством во всем, кроме троицы. Но это другой вопрос.

- *Не канонический ислам?*

Р.Б. Наоборот, именно канонический. А ислам, который всем виден, - не канонический, он полностью

искажает идею ислама политикой, несчастьями, нищетой, засильем священнических классов – все эти муллы, аятоллы, которые все диктуют... А 60-70 процентов в мусульманском мире - неграмотны, что же вы хотите? Моя община называется «Движение за возрождение ислама» – это 60 миллионов человек по всему миру. Ортодоксы считают нас еретиками, потому что мы не признаем джихад как войну, а только как душевное очищение.

Л.Г. Я как человек православный свидетельствую, что это правда. Я уже

20 лет вплотную наблюдаю жизнь этой общины, и не перестаю удивляться. Я спросила у одного нашего друга: «Почему вы все время улыбаетесь? Я у себя в православной церкви этого не вижу... Наоборот, иногда на такое там нарываешься... Почему у вас нет ни агрессии, ни беспокойства?» Он отвечает: «Потому что мы уповаем на бога». И все. Такое доброжелательное спокойствие, такое отношение к детям, жене... Я не оговорилась – к жене, а не к женам. Это ведь первая ехидная реакция – а-а-а, мусульманин, четыре жены. Я не встречала ни одного человека, у кого, скажем, было бы две жены. Ведь мало кто из христиан задумывается над тем, что пророк Мухаммед ограничил количество жен четырьмя – а было четыреста. Только четыре – и то, если ты можешь их равно содержать и уделять внимание. А то, что у христианина уже было три жены подряд и четыре любовницы, и при этом он ни перед кем не несет ответственности – никого не интересует. После того, как я отредактировала брошюру «Экономическое положение женщины в исламе», я поняла, что хочу стать такой же защищенной. Мы живем, я бы сказала, в постхристианском мире... В Европе пустые храмы. Мы дружим с американским священником – он один молится в своем огромном храме. Один...

Р.Б. В 90-м году, когда я понял, что все зависит от бога, я совершенно успокоился. И в течение двух лет не писал ничего, кроме переводов на русский язык исламской литературы. Я считал так: я был поэтом, это меня не вознесло к небесам, но я сделал все, что мог. Знаете, когда говоришь себе, что сделал все, что мог, это невероятно утешает. А потом все вернулось – потому что бог возвращает человека, если считает, что он должен пройти по этой дороге. Ни с того, ни с сего, мне вдруг стали приходить приглашения, начали выходить книги без всякого моего участия. Так что, мы стали такими.

- *Такими, какими хотели казаться?*

Л.Г. Я очень борюсь с собой, со своим характером... В юные годы я записала в записной книжке: «Интересно, получится или нет у меня стать хорошим человеком?» Теперь я могу признаться – я не очень любила людей, не любила детей... Во мне было заложено очень много негативного. Я всю жизнь с этим в себе боролась.

- *Получилось стать добрее к людям?*

Л.Г. Как только родился сын – моментально. Он меня изменил. Не говоря уже о том, что он настоящему привел меня в церковь. Я была крещена с рождения, но полное воцерковление произошло благодаря сыну. Равиль считает, что это был ангел, который отслужил свой земной срок, и Господь его забрал. Причина для ухода нашего сына из этого мира не было ни одной, врачи не нашли ничего... Мгновенное сужение сосудов...

- *Горе великое...*

Л.Г. И если бы не вера в бога... Мы знаем, что наш сын – вечный. И когда маленькую Сашеньку, нашу внучку, спрашивают, где папа, она отвечает, что папа служит у бога, охраняет его.

Р.Б. Я прочту... «Ты стоишь над рекою Сада, / как над новой своей рекою... / Ничего мне уже не надо. / Буду страж твоему покою. / Но не будет конца отныне / покаянной моей дороге, / как моленью отца о сыне, / как томлению души о Боге». Это полностью исчерпывает тему.

Л.Г. А я посвятила сыну книгу «Небожитель», которую вам сегодня и подарю.

А.Радашкевич и Р.Бухараев

АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА. ПОЭТ,
ПЕРЕВОДЧИК. ОКОНЧИЛА ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ДОКТОРАНТ ГДАНЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (ПОЛЬША). ПОБЕДИТЕЛЬ
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА «ТАК НАЧИНАЮТ
ЖИТЬ СТИХОМ...» (2001), ФИНАЛИСТ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ИЛЬЯ» (2004),
ПРИЗЕР МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО
КОНКУРСА «CASTELLO DI DUINO» (ТРИЕСТ,
2009, 2010, 2011). В 2008 ГОДУ ВОШЛА В ШОРТ-
ЛИСТ ПРЕМИИ «ДЕБЮТ» В НОМИНАЦИИ
«ПОЭЗИЯ».

ДОРИСОВЫВАЯ СНЫ

Анастасия Векшина

*Струи воды, струи воздуха,
струны труб завода –
не умеют играть,
у них своя забота:
эти строки написаны для кого-то,
кто еще не умеет читать.*
А.Векшина

Из выступления на церемонии награждения премии «Дебют»:

«Если спросить меня, чем я занимаюсь, я ни за что не отвечу, что пишу. Я скажу, что учусь в аспирантуре, что работаю переводчиком. А стихи никого не касаются. Вернее, они касаются только близких людей и тех, кому действительно интересно...»

Город Гданьск, он же Данциг. По соседству расположены Гдыня и Сопот, что вместе образует Троймасто («Трехградье»). Город любит туристов, а туристы этот сказочный город. Тут много простора, а для людей творческих – это место для полета фантазии. Здесь ро-

дилься Артур Шопенгауэр, Гюнтер Грасс... Недалеко от дома создателя «Жестяного барабана» живет поэт Анастасия Векшина, представлявшая летом Польшу на нашем поэтическом фестивале «Сны о Грузии».

В 2007 году Настя уезжает из Москвы и в течение двух лет учится в докторантуре Тартуского университета. И после переезжает в Польшу. Здесь ей нравятся люди, их традиции и культура, и интерес этого народа ко всему, что происходит в России. Поляки «нервно дышат» к России, они максимально в курсе российских новостей культуры, литературы, политики. Полтора года назад в Варшавском университете прошла презентация ее первого сборника стихов и прозы «Море рядом». Она часто ездит в Москву, где участвует в поэтических чтениях.

*...Мне снится иногда, что все еще брожу
в лесах многоэтажек
ищу метро в районе незнакомом
автобус жду и пыль отчества клубится
на ударной стройке
... строка же убежит из сна под горку
по коже мостовой и мимо кирпичи...*

Поэзия Насти напоминает архитектурные сооружения – и они не громоздкие, отнюдь, в них есть воздушность и легкость, они словно пронизаны кислородом. Порой ей снится урбанистический пейзаж с заброшенными зданиями, пустыми коридорами, там ее вдруг встречают пасущиеся лошади, коровы...

Поэзия во сне или наяву? А по большому счету, какое это имеет значение? Не стоит искать грани, тем более что образы – они кочевники, любители путешествовать.

В Насте Векшиной объединены два начала – филолога и поэта, ей интересны сегодняшние реалии, но иногда она дорисовывает сны «прозрачным грифелем»...

*Мне виделись во сне морские звезды
со вкусом моря и морепродуктов
и фиолетовые сливы.
Вкус не помню.
Приснилось, что мы едем к горизонту,
но номера трамвайные похожи,
и в темноте не разобрать дороги...*

*Вот только остается непонятным:
оборванный старик на мандолине
играет каждый вечер в переходе,
но музыки его никто не слышит.*

*А говорят, слепые снов не видят.
А говорят, морские звезды несъедобны.*

- Стихотворение зависит не только от того, про что оно, и неважно про поляков или индусов я пишу, - рассуждает Настя. - При этом оно должно быть понятно. Хотя дополнительные ассоциации возникают у каждого свои. К примеру, рисуешь картинку конкретного города, но человек представляет не только то, что ты написал, но и то, что у него с этим связано. Мы не можем достичь точно такого же отпечатка, каким является фотография. Да и фотография – это только один квадратик. Ты видел только вот эту часть горы, всего лишь деталь, а на самом деле гор-то много и там еще овцы, люди... Когда ты отказываешься от точной передачи увиденного, получается даже лучше. Это не стремление, а такой вот у меня взгляд – вижу какими-то квадратиками...

И, правда, в поэзии Векшиной много застывших кадров, словно она идет по жизни с наведенной камерой и на ходу отмеряет, отбирает, отмечает и отображает, что попало в сетчатку глаза ее и камеру.

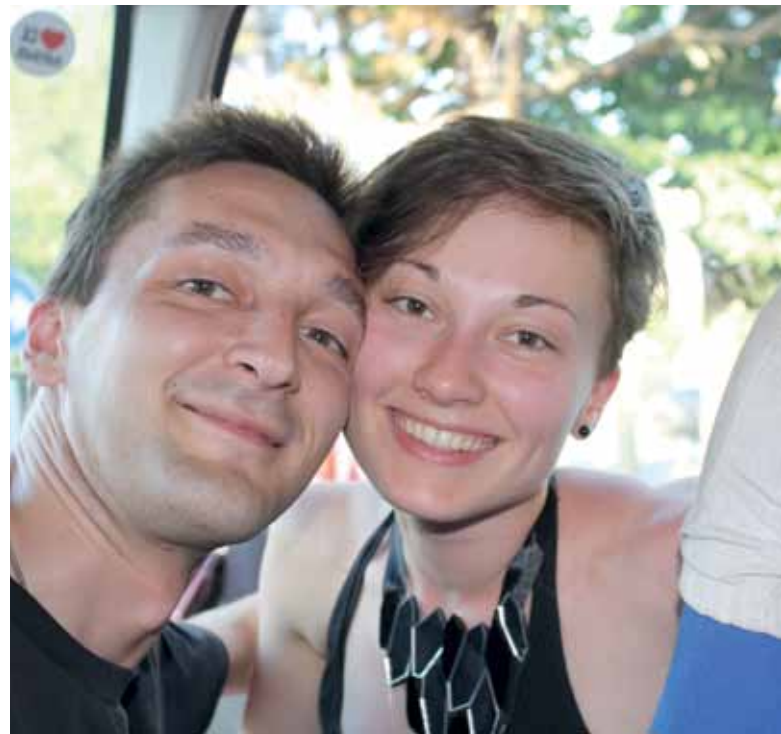
У каждого поэта свой рецепт сплетенья букв, сплетенья слов, «судьбы сплетенья». Но вот откуда он берется и откуда на свет Божий рождается творчество? Юкио Мисимой на удивление точно сказано – «слова жужжат в уши». А вот кому дано понять их, услышать и передать по цепочке – видит один Бог.

*Прямоугольники луны
играют с кафелем
и, преломляясь у стены,
рисуют профилем...*

- Абсолютно неизвестно, как это происходит. У меня был реальный случай: я пишу стихотворение, разговариваю с мамой и сестрой и еще смотрю телевизор. Это все одновременно! Было очень забавно. Стихотворение оказалось настолько сильно, что остальное мне не мешало, я могла параллельно отвечать, смеяться. Уединение не кажется мне необходимым, чтобы писать. Важно уловить внутренним слухом мотив начала. И за тобой остается решение, во что текст выльется – в стихи или прозу. Если это – пуля, если чувствуешь, что выстреливает, если это снос крыши – то это поэзия...

«Точки прорастают – и вот они уже запятые и вяжут предложения узлами. Ты бежишь вниз по лестнице новых, мгновенных строк, которые то уходят из-под ног, то сами ложатся под ноги. Лестница ускоряется, ускоряется, затягивает в свой водоворот – и выплевывает на улицу, и консьержка смотрит подозрительно, не узнает...»

Таким видится Насте Векшиной Текст. Когда читаешь ее прозу, насквозь проветриваемую сквозняками перемен и пропитанную всевозможными запахами, чувствуешь холодок по коже. Она не пытается быть красивой, правильной, она такая, какая есть. Пишет,

Павел Банников и Анастасия Векшина

«не пытаюсь угодить». Быть естественным стало не модно, не выгодно, не востребовано. Надеть чужую маску и в ней разыграть псевдожизнь, не себя – куда проще. Но искусственность ни за что не проберет вас так, что аж дух захватывает. А вот неподдельная искренность Насти – особый дар.

«Я рассыпалась мелочью по комнате, и меня не со-

Фотографии Анастасии Векшиной

брать, не набрать даже на маршрутку в один конец. Звоном в карманах напоминаю я о себе, пока не достанусь нищим в переходах – и жалость, и стыд, и слабость жизни выворачиваются наружу дырявым карманом»...

И вот тут ты понимаешь, что ты попал в ее сети, на «планету воспоминаний, ассоциаций..., убедительных доводов и разумных решений» Насти Векшиной. Малая проза для нее – это уже другое пространство.

- С поэтами какая штука? Как у них происходит? Случается какая-то встреча или какое-то происшествие – и приходит в голову идея... Надо же откликнуться в стихотворной форме. Эти, может быть, ценные мысли, чувства по инерции записываются в рифму или короткими строчками. Но это еще не значит, что это стихи. Жанров много и не обязательно все подряд «зарифмовывать». Что я несу людям? Мне просто хочется рассказывать о том, что я видела, а они нет, что мне интересно, и им, возможно, тоже станет интересно. И читатель сам выбирает и чувствует, что ему нравится, что нет. Главное, чтобы человек попал в такие условия, смог бы себя найти в этом тексте, в этих обстоятельствах.

Верно сказано, что некоторые книги делают нас свободными. Для Насти Векшиной «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери – «самая книга про эту Землю». Ей близка литература XX века – Хемингуэй, Брэдбери, Ходасевич...

Седьмого февраля шестнадцатого года

Шел Ходасевич. Снег

Ложился на пальто.

Под камнем Петербурга

С культурной памятью в глазах

Собака грызла кость.

А мимо проходил

Владислав Фелицианович –

Так звали человека,

Который мимо шел в шестнадцатом году,

По ветру против ветра,

И на носу очки,

И под ногами лед;

И в этот год

Зима была – зима,

Зима несла вперед

Стихи и пули. И собака,

Не ожидая милости поэта,

Смотрела, как положено, вослед.

И с нею не случилось ничего.

- Бывает, что есть строчки, они тебе нравятся, но тебе еще непонятно, что с ними делать. Сюжет как бы потерян, и вдруг, по прошествии времени – нескольких дней, а бывает и лет, вокруг них нарастает абсолютно новое тело, не зависящее ни от реальных событий, ни от какого-то первоначального плана.

снилась Марьина роща

кинотеатр Гавана

Суцеский вал

и небесная снежная шерсть

и простые конструкции улиц

целый день потом чувство

что кто-то меня позвал

но я не оглянулась

но вот выхожу из метро Марьина роща

и если такое возможно то только во сне

стоишь как дурак а вокруг вырастает площадь

новая площадь

в совершенно новой стране

Алена ДЕНЯГА

ЕЛЕНА И ЛЮДИ

Елена Фанайлова

... В тринадцать лет я поклялась деревьям за школьным двором, что стану новым Пушкиным. Я брала все, что плохо лежит, как сорока, и делала своим. Русская поэзия мною основательно обокрадена. Полагаю, кое-что мне удалось вне зависимости от моей вполне банальной любви к Апухтину и Некрасову, Мандельштаму и Гумилеву, Кузмину и Хармсу, список бесконечен. Его хронологически замыкает пара вполне здравствующих товарищей... (из интервью).

ЕЛЕНА ФАНАЙЛОВА – ПОЭТ, КРИТИК, ЖУРНАЛИСТ. АВТОР КНИГ «ПУТЕШЕСТВИЕ» (1994), «С ОСОБЫМ ЦИНИЗМОМ» (2000), «ТРАНСИЛЬВАНИЯ БЕСПОКОИТ» (2002), «РУССКАЯ ВЕРСИЯ» (2005), «ЧЕРНЫЕ КОСТЮМЫ» (2008), «ЛЕНА И ЛЮДИ» (2011). ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО (1999), ПРЕМИИ «МОСКОВСКИЙ СЧЕТ» (2003), ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ» (2008).

- Елена Николаевна, как вы думаете, что самое главное дало вам медицинское образование?

- Я училась в Воронежском медицинском институте им. Н. Бурденко. Медицинское образование дает некоторый системный взгляд на мир, на людей в целом. Потом, когда я получала второе образование, лингвистическое, мне это очень помогло. Надо сказать, у меня не было большой любви к точным наукам. Но с третьего курса, когда начались такие странные дисциплины, как патологическая анатомия или патологическая физиология, все это приобрело другой размах. Стало все ужасно интересно. А потом добавились и клинические дисциплины, вроде терапии и хирургии. В подростковом возрасте я была невротиком: мне казалось, как герою Джерома, что я чем-то болею. А тут меня научили классифицировать свои состояния, и оказалось, что все не так плохо. Что человеческий организм можно понимать и им даже управлять.

- А после мединститута?

- У меня была идея заняться наукой. Но в советское время это было очень регламентировано. Поэтому по распределению я занималась вовсе не наукой, а поехала работать в санаторий для кардиологических больных. Абсолютная сельская дыра в 110 километрах от Воронежа. Отдыхающим в санатории было хорошо, а вот докторам и медсестрам - не очень. Иногда были проблемы с продуктами. И потом, я, городская девочка, привыкла к тому, что можно пойти в кино, театр или библиотеку. Из всего этого была только библиотека, но и там выбор был ограничен. Нас, трех выпускниц из Воронежа и трех из Витебска, больше всего поразило, когда мы пришли в отдел кадров оформляться, требование сдать наши паспорта главному врачу. Мы сказали, что этого не будет. Со временем мы узнали, что половина сотрудников сдала свои паспорта, которые хранились в сейфе администрации. Это была такая почти колхозная система, они не могли уехать никуда. А у главврача была замечательная договоренность с администрацией района - они могли приехать в любое время, пользоваться номерами, услугами массажиста и так далее. Работники санатория оказывались в настоящем рабстве. Осталось только ощущение насилия, которое было в самой советской системе существования.

- И все-таки ценный опыт работы с больными у вас был?

- Пожалуй, да. Моими пациентами были очень по-

жилые люди, в основном, инвалиды и участники Великой Отечественной войны. В месяц я принимала 75 больных, что достаточно много. Меня поразило, что эти люди, прошедшие войну, самую чудовищную войну, были глубоко инфантильны. Они были уверены, что государство обязано обеспечить их всеми благами, что в их психологических травмах и проблемах виноват кто-то другой, и все вокруг плохие, кроме них самих. Меня они выбирали на роль психоаналитика - отсутствующую должность в системе советской медицины. И я слушала их жалобы не на сердце и давление, а на то, как их обижают начальство, чиновники и люди из поликлиники.

- Вы согласны, в таком случае, с метафорой, что поэт – это врачеватель душ?

- Я считаю, что не столько поэт, сколько поэзия – врачеватель душ. Про это еще доктор Фрейд написал. У него есть некоторые работы, в которых он утверждает, что такие инструменты поэзии, как ритмика, ритм, рифма и метафора, являются механизмами цивилизационной терапии. Они связаны с религиозным развитием человечества. Довольно убедительно и остроумно Фрейд показывает, что этот инструментарий появился для того, чтобы тревожность и агрессивность человека уменьшалась. Можно сказать, что поэзия нужна, чтобы человеку не было так грустно и одиноко в переживании собственных эмоций. Есть нечто, чего человек не может выразить сам. И это нечто он находит в поэзии. В данном случае неважно, хорошая поэзия или плохая. Человеку нужно переживать свои раны не в одиночестве. Ему нужны слова утешения.

- Поэзия как психотерапия ...

- Поэзия на время может стать лучшим психотерапевтом, чем настоящий психотерапевт. В нашей постсоветской общей традиции не очень принято посещать психотерапевта. А поэзия как раз позволяет быстро пережить, например, любовные травмы. Надо сказать, что травмами, связанными с трауром, поэзия меньше занимается. В любой культуре есть традиция плачей и других траурных песней. Это терапия. Хотя, поэзия как поэзия, а не как народное творчество, мало занимается темой смерти, думаю. Это предмет для серьезного исследования. Мне кажется, что о любовных ранах пишут больше. Это и понятно. Мы же любим чаще, чем умираем.

- Расскажите о вашей поэзии.

- Надо сказать, сознательно я работаю в русской поэзии 20 лет. Мне самой страшно. Можно сказать, 90-е были годами осмысления Серебряного века и русской неподцензурной поэзии, такими попытками нащупывания того, как современный русский язык может продолжить традиции русского модернизма начала прошлого века, явления не менее сильного, чем модернизм европейский. В этих поисках было много бессознательного. Эта поэзия скорее ощущалась, как настоящая поэзия, чем я что-то сознательно понимала. Какими способами она достигала меня – сказать сложно. Путем самиздата, в маленьких публикациях. В том числе в журнале «Литературная Грузия», где я впервые читала ахматовские и цветаевские подборки. Или Светлану Кекову.

- Какой вы видите современную русскую поэзию?

- Поэзия существует для гармонизации мира и утешения людей. Вопрос в том, как справляется с этим поэт, как творческое существо. Есть общественная функция поэзии - понять настроение общества. Основная интонация молодых русских поэтов сегодня – тревога. Молодой поэт - это городской зверек, пытающийся понять, как он присутствует в каменных джунглях. Человеку хочется ласки и тепла – но где найти источник этой гармонии? Мир стал очень медийным, а культура тем более.

- Ваше увлечение Фрейдом привело вас в педагогику. Расскажите об этом.

- Декан воронежского факультета журналистики, критик и специалист по Чехову Лев Кройчик пригласил меня по протекции одной моей подруги-филолога и сказал: – Лена, напишите спецкурс по психологии для студентов-журналистов. Поскольку я увлекалась Фрейдом, написала спецкурс «Психоанализ и культура». Я хотела научить студентов психоаналитическому взгляду, психоаналитическому подходу к производству текстов. Яснее посмотреть на мир, видеть, когда кто-то пытается выдать одно за другое. Есть ведь явный план текста, а есть то, что человек имеет в виду. Преподавала десять лет.

- Радио Свобода вы назвали в одном из своих интервью «журналистской поденщиной, которая позволяет видеть города, людей и события».

- В 1995 году я начала работать на Радио Свобода в качестве регионального корреспондента. Пара сюжетов в месяц на социальные темы с учетом региональной специфики. Однажды предложила поработать в Москве, на время летних отпусков у столичных коллег. А когда собралась уезжать, Савик Шустер, руководивший в то время московским бюро, предложил мне остаться. Что я и сделала. Пару лет работала корреспондентом. Работала в программе «Человек имеет право». Сейчас веду программу «Свобода в клубах». В начале двухтысячных у меня была программа «Далеко от Москвы: культура, города и люди бывшей советской империи», я ее очень любила.

- И одним из первых городов, куда вы отправились с этой программой, стал Тбилиси ...

- Да. В 2001 году проходил русско-грузинский фестиваль современного авангардного искусства Арт-Груз. Грузины ездили в Москву, а мы приехали в Тбилиси. Эстетика этого фестиваля – «контемпорари арт» – современное искусство с концептуальным медийным смыслом. Искусство, которое не концентрируется на произведении как таковом, а на послании, на акте. Например, одна из акций была по защите Старого Тбилиси. На какой-то улочке художники устраивали перформансы. Это аттрактивное, веселое, привлекающее публику, с элементами балагана, искусство. В фестивале участвовали Евгений Гришковец, Алексей Айги, Вячеслав Курицын, Глеб Шульпяков, Александр Анашевич, Никола Охотин, а делали его Кети Чухров, Юлия Шагинурова и Женя Лавут. В программе получилось сентиментальное путешествие в двух частях.

- Арт-менеджмент в последнее время набирает популярность. Чем это вызвано, на ваш взгляд?

- Наверное, человек чувствует недостаток в мире того искусства, которое ему нравится, и он хочет его добавить. Я могу судить, исходя из того, для чего это делают мои друзья. Я сейчас говорю об Эдуарде Боякове, который был директором «Золотой маски», а потом бросил все и создал театр «Практика» с социальной драматургией. Мой приятель Борис Бергер во Львове открыл недавно арт-кафе «Музей САЛО», это и кафе, и маленькая галерея современного искусства. Это делает пиар, это привлекает. Сало, как говорит Боря, это добро, а вокруг добра и люди собираются.

Нино ЦИПЛАНДЗЕ

МЕДИУМЫ СЛОВЕСНОСТИ

Вадим Муратханов

Недогадливый сын из грузинской сказки недоумевал, как ему, по просьбе престарелого отца, сократить дорогу и сделать ее повеселее. Но поэту Вадиму Муратханову и его попутчику, вашему покорному слуге, подобная легкая образная задача, несомненно, оказалась по плечу.

За беседой время пролетело незаметно.

- Вадим, не возражаешь, если я назову нас заложниками советской государственной стратегии?

- Полностью соглашусь, мы - представители общности людей, языковых «полукровок», выросших на пограничье культур. Мы можем только смотреть со стороны на раздел духовной «недвижимости» и капитала. На наших глазах единое некогда культурное пространство разрывается на клочки, режется по живому. И касается это не только российско-украинских, но и, допустим, узбекско-киргизско-таджикских взаимных претензий. Да и в других республиках все друг другу предъявляют счета, как супруги при разводе. Нужно время, чтобы все утряслось, но это может быть не одно десятилетие, а жизнь человеческая коротка...

- На днях я «бросил взгляд» в прошлое и ужаснулся: у нас украдено двадцать лет. Больше, если считать с 9 апреля 1989 года... Когда все покатило не «в соответствии», а «вопреки»... Мы оказались в каком-то параллельном мире, чем-то напоминая аквариумных рыбок из твоего стихотворения «Рыбы»:

*Удивляются рыбы в аквариуме,
что поверхность гладко лоснится,*

*что нигде, даже брачными парами,
не дано им уединиться.*

*Не ответить разумом рыбы
на загадку прозрачных оков.*

*Лишь за стеклами бледные глыбы
выдают себя за богов.*

Я не предлагаю расставлять стулья и справлять панихиду по Союзу... Сам в числе других подбрасывал в воздух бульдозериста, стащившего статую Ленина с пьедестала. Но обрушение колосса повлекло за собой катастрофу, сверх всякой меры длительную и жестокую...

- Да, и все это время мы ищем и пытаемся найти свое место, определить свою роль в условиях вялотекущего стихийного бедствия. Иногда, впрочем, взрывающегося... В 2001 году мы с единомышленниками, среди которых назову Санджара Янышева и Сухбата Афлатуни, выступили с манифестом «Несколько слов о русской и узбекской поэзии». Он был опубликован в журнале «Арион». Это - манифест основанной нами Ташкентской поэтической школы, и в нем декларируется наша необычная в создавшейся исторической ситуации роль.

- А именно?

- В силу обусловленной обстоятельствами невозможности «причалить» к тому или иному языковому «берегу», мы формулируем свою роль в литературном и культурном процессе эпохи как медиумов, межъязыковых посредников...

- К слову вспомнил строфу из своей элегии «Что ж, осталось последнее прошептать мне прости, в межъязы-

чь посреднику край родной не спасти»...

- А мы и не подражаемся на роль спасителей или даже спасателей. Наша задача - не дать засохнуть цветнику поэзии. В первую очередь, обмениваясь подстрочниками...

- Хорошая «лейка» для неленивого поливальщика. Но давай немного сменим ракурс... Тот же Сухбат Афлатуни, он же Женя Абдуллаев, в статье о твоём творчестве, тонко и образно высказался о его сути. Критик Абдуллаев определяет твоего лирического героя как растерянного, оставленного взрослыми мальчика, который до возвращения старших успевает и повзрослеть, и состариться...

- Со стороны, наверное, виднее. Согласен с тем, что многие мои прозаические и поэтические произведения написаны от лица человека из «потерянного рая», где все казалось единым и навечно связанным, наполненным любовью.

- Но основное в твоём творчестве - и в стихах, и в прозе - все-таки проблема «чужой среди своих, свой среди чужих»...

- Верно, можно даже сказать, что социально-философская основа моего творчества - национальный вопрос. И прежде всего на бытовом уровне. Меня интересует, как дышится человеку в чужой языковой среде, насколько комфортно он ощущает себя в непривычном культурном ареале...

- Или каково ощущать себя, как писал Есенин, иностранцем в своей стране... Я процитирую твоё стихотворение «в тему»:

*В кабинке шаткой чужака
напрасно к небу поднимают -
необозримые века
лукавой сказкой подменяет
обманщик-город. В свой черед
и я бродил по теплой пыли.
И разум спал. И ничего
глаза в пыли не находили.
Состарившись, приду опять*

*в чинар высокое собрание
босыми пятками читать
развернутую книгу Брайля.*

- Эта проблема меня интересует еще и в ракурсе смены поколений. Нас ведь готовили к жизни в одних условиях, когда же мы подросли, они оказались другими. Выяснилось, что правила игры резко изменились, более того, их надо было учить на ходу. Я написал на эту тему триптих «Три товарища» - о том, как три представителя нашего поколения всячески пытаются сохранить свою дружбу - наследство погибшей эпохи, но как их беспощадно разносит по свету и размывает все их связи, как жизнь выстраивает препятствия не только в карьере, но и в отношениях между близкими людьми.

- Пришло время заполнить визитную карточку Вадима Муратханова, поэта, переводчика, прозаика, критика, выпускника факультета зарубежной филологии Ташкентского государственного университета. Ты один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа», альманаха «Малый шелковый путь» и Ташкентского открытого фестиваля поэзии. Автор резонансных сборников поэзии и прозы и не менее резонансных эссе и критических статей в престижных российских и зарубежных изданиях. Ты заведовал отделом поэзии журнала «Звезда Востока». Переехав в Москву, стал руководить отделом поэзии в журнале «Новая Юность», совмещая с работой ответственного секретаря журнала «Интерпоэзия». По каким критериям отбираются авторы для публикации в «Новой Юности»?

- Критерий один - художественный уровень. Особенность журнала в том, что на его страницах нередко дебютные публикации авторов, впоследствии добивающихся известности. Все-таки по статусу мы не можем претендовать на место в одном ряду с «Новым миром», «Знаменем» и другими грандами, но наш статус позволяет быть более открытыми для молодых дарований и, в частности, авторов из регионов, от Москвы весьма отдаленных. Желанные гости у нас - грузинские литераторы. В этом году опубликуем твои стихи...

- И что говорят о наших поэтах московские литературные эксперты?

- В Грузии они обнаружили развитую, многообразную, ничуть не тронутую плесенью и нарочитым академизмом, как бывает в отрыве от языковых корней, свежую и лишённую эпигонства поэзию.

- В подражательстве наше поколение не обвинить. Не с чего было, да и негде, как говорится.

- А мне вот интересно - как сложится судьба следующего за нами поколения. Мы, хоть и не были с тобой знакомы в советские времена, но жили по одним правилам, дышали одним воздухом, имели много точек соприкосновения и могли понять друг друга без проблем, обмениваться подстрочниками, в первую очередь благодаря языковой общности, без посредства английского. Сохранится ли эффект духовного взаимопроникновения? Пока что точки невозврата я не вижу - остается возможность узнавания, опять-таки благодаря русскому языку. И за это в первую очередь мы должны благодарить форумы, подобные нынешнему V Международному русско-грузинскому поэтическому фестивалю. На постсоветском пространстве нет аналогов этому уникальному проекту. Еще и потому, что проводится он на совершенно неблагоприятном фоне межгосударственных отношений.

- Ну, у нас тут одна политика - межличностного духовного, человеческого сближения...

- Верно, здесь нет столкновения интересов и выгод, здесь мы вовлечены в поступательное движение взаимообогащения, и это - залог спасения и дальнейшего расцвета стратегии взаимопроникновения культур.

Владимир САРИШВИЛИ

НАС ОБЪЕДИНЯЕТ ЯЗЫК

«Давайте понимать друг друга с полуслова...» На сцене подмосковного международного молодежного лагеря в Колонтаево звучит песня Булата Окуджавы. «Ведь это все любви счастливые моменты», - поют, обняв друг друга за плечи, школьники из Грузии и Франции, Швеции, России и Германии, из Казахстана, Египта, Чехии, Украины, Китая... Юноши и девушки из тридцати четырех стран мира вот уже девять лет приезжают в «Московию» - Международную летнюю школу русского языка.

«Московия, Московия! Отметь на карте – это наша страна Московия! Московия - навек друзья и ты, и я» - это слова из гимна «Московии», страны, которой, конечно, нет на географической карте, но которая навсегда остается в сердце каждого, кто хотя бы один раз побывал в ней. Здесь учатся дружить, любить и понимать друг друга, изучая русский язык, знакомясь с Россией, культурой и традициями ее народа. Перед посланцами из разных стран и континентов зримо раскрывается само понятие «Русский мир».

Три недели в «Московии» - это дни, наполненные событиями, экскурсиями, поездками в музеи и театры, знакомством со столицей России, встречами с интересными людьми, яркими впечатлениями, учебой и творчеством. Здесь каждому дается возможность не только изучать русский язык, но и рассказать о своей стране, о себе, раскрыть свои способности и таланты. Фестиваль национальных культур и Малые олимпийские игры, в программе которых соревнования по футболу и другим видам спорта, фестиваль толерантности, фестиваль науки, во время которого гости встретились со специалистами и передвижной лабораторией нанотехнологии, День космоса, олимпиада и праздник русского языка, конкурс «Московидение», мастер-классы, проведенные актерами и режиссерами «Мосфильма», конкурс по инсценировке сказок народов мира, концерты и спектакли, видеоклипы, где в роли авторов сценариев, режиссеров и исполнителей выступали сами ребята. Кажется, о такой насыщенной творческой жизни можно только мечтать. Но в «Московии» мечты превращаются в реальность – такая уж эта умно задуманная, воплощенная в жизнь правительством Москвы, Департаментом образования и талантливыми педагогами удивительная страна.

Нашу небольшую делегацию представляли пять старшеклассников из городов Грузии. Каждый из них заслужил право поехать в Международную школу русского языка не только успехами в учебе, но и победами в городских, республиканских предметных и творческих олимпиадах. К поездке готовились с волнением: впервые в Россию, впервые в международный лагерь. Зная, что на фестивале национальных культур предстоит показать искусство Грузии, заранее подбирали репертуар, музыку, национальные костюмы, взяли с собой национальные инструменты – саламури и пандури. Каждый из ребят еще дома подготовил программу из национальных грузинских песен и танцев, разучил песни и

на русском языке. Домашних заготовок хватило бы на несколько концертов, и как все переживали, когда уже в «Московии» всего за два дня до выступления узнали, что на представление своей страны каждой делегации отводится только три минуты. Репетировали, спорили до слез, ссорились, мирились и опять репетировали. Кажется, невозможно за этот короткий отрезок времени показать и красоту, искрометность грузинского танца, и неповторимое очарование грузинской песни. Но потом, на фестивале, как здорово было слышать: «Браво, Грузия!». Эти три минуты стали минутами триумфа наших ребят. Но самое ценное, как признались сами подростки, это впервые пережитое чувство единой команды, гордости, сознания, что в твоём лице зрители увидели достойное, прекрасное лицо Грузии. Увидели и стоя аплодировали – тебе и твоей родине. Высокая планка была задана, и было интересно наблюдать, как вчера еще незнакомые подростки сплоченно боролись за то, чтобы ни в чем не опуститься ниже заявленной высоты. Как переживали перед олимпиадой по русскому языку, что знания этого языка, полученные по программе грузинской школы, оставляют желать лучшего, а соревноваться предстояло на равных в том числе и со школьниками из российской делегации. Но инновационная программа Международной школы русского языка настолько эффективна, что уже буквально через две недели ежедневных шестичасовых занятий школьники из разных стран, даже не владевшие русским языком, начинают говорить по-русски. Причем занятия проходят без напряжения – два-три часа в классе, а потом в процессе общения, специально разработанных игр, подготовки концертных и фестивальных программ. И как радовались все вместе и обнимали друг друга, когда узнали, что Анна Курдадзе и Анна Джангвеладзе вошли в число победителей олимпиады и были награждены поездкой на встречу с космонавтами в Звездный городок.

Одним из заданий олимпиады было сочинение на тему «Что для меня «Московия»? Интересно было читать работы подростков - рассказы-исповеди о сбывшейся мечте. «Я читала, что знания и опыт – два неразлучных качества образованного человека, - пишет семнадцатилетняя Анна Курдадзе, - Начав изучать русский язык, я с интересом начала познавать новый для меня мир. Мои старания привели меня в Международную летнюю школу русского языка, где я продолжила изучать язык и приобрела бесценный опыт общения... Учиться и еще раз учиться, чтобы найти себя, понять других, открывать секреты мира и стать полноценной его частью – вот для чего я приехала в «Московию». Конечно, можно учиться, читая книги, но для меня этого мало. Мне кажется, литература – это только карта реальной жизни, книги – молчаливые спутники. Жить одной только картой? Ну уж нет! А в «Московии» я ощутила настоящую, интересную, полноценную жизнь...»

Диана Баймлер из Германии признается: «Я никогда раньше не бывала в Москве. Первый раз в летней школе и в сердце России. Сначала все кажется удивительным и странным, но потом быстро привыкаешь и осваиваешься. «Московия» – особенная школа. Здесь можно не только изучать русский язык, но и общаться с детьми из других стран. Благодаря моим новым друзьям, я учу также английский и французский языки. Мне очень интересно ознакомиться с традициями и культурой других народов...»

Для нас - педагогов, воспитателей, наставников, любые, даже самые малые изменения в поведении наших детей, в их оценке окружающего мира и своего места в этом мире были предметом серьезного анализа. Здесь не могло быть мелочей. Учитель, как врач, который по маленькой капле крови может и должен поставить диагноз состояния всего организма. Об этом

говорили в «Московии» педагоги-русисты, руководители делегаций из разных стран мира. Мы не только помогали учиться нашим детям, но и учились сами, наблюдая за детьми, помогая им адаптироваться в новой для них среде, слушая лекции ведущих преподавателей московских вузов, и на мастер-классах, которые мы проводили, делясь с коллегами из разных стран собственным накопленным опытом. Конечно, мы говорили о положении русского языка в наших странах, о наших общих проблемах, о том, как катастрофически мало часов отведено в школьных программах этому предмету, о том, как идет планомерное ежегодное сокращение русских школ и русских секторов в странах постсоветского пространства. И дело совсем не в том, что интерес к русскому языку у нового поколения падает. Он падает там, где этого кому-то очень хочется. В угоду политическим амбициям взрослых. Глядя на то, с каким интересом и желанием изучали русский язык, знакомились с русской культурой наши воспитанники в «Московии», читая их сочинения, мы убеждались, что язык, который дарит радостное ощущение дружбы, расширяет границы привычного мира, воспитывает чувство толерантности, никогда не станет ненужным багажом в жизни нового поколения. Голос этого поколения звучит в сочинениях-исповедях подростков из разных стран, приехавших в «Московию».

«Летняя школа русского языка для меня, как и для многих других ребят, стала настоящим центром общения. Здесь можно прикоснуться к русской культуре и почувствовать всю силу и мощь русского языка. Ведь юноши и девушки, находящиеся в «Московии», прибыли из десятков стран, часто кардинально различающихся своей культурой, традициями, бытом, образом жизни. А объединить запад и восток, север и юг, Европу и Азию смог наш общий язык общения – русский. Я очень горд и рад, что, проживая в Молдове, овладеваю языком, на котором разговаривает одна шестая часть планеты. Общение со сверстниками, возможность глубже и масштабнее изучить русский язык и при этом прикоснуться к другим культурам, выучить хоть несколько слов на китайском, чешском, французском и других языках, а также научить моих новых друзей молдавским словам и выражениям – все это вместе объединилось для меня в прекрасный, незабываемый, полноценный отдых, наполненный смыслом и значением». Эти слова из олимпиадного сочинения Николая Гаврилицы, школьника из Кишинева, мне кажется, в полной мере отражают те чувства, с которыми уезжали на родину выпускники Международной летней школы русского языка 2011 года.

Я перебираю фотографии, привезенные из «Московии», и перед глазами опять возникают картины счастливых дней, подаренных нашим детям московским Правительством, Департаментом образования Москвы. И отдельно – сердечная благодарность и низкий поклон от детей и их родителей «Союзу грузин в России» и лично его президенту Михаилу Хубутия за заботу и бесценную поддержку, без которых эта поездка могла бы не состояться. Никогда не забудется то душевное, искреннее внимание и тепло, которым окружили нашу делегацию руководство,

сотрудники и члены «Союза грузин в России» – Нугзар Джимшелеишвили, Нонна Матуа, Ирина Багратион-Мухранели, Мака Кебурия. Одним из самых ярких и волнующих воспоминаний у детей остался день, когда представители Союза повезли нашу делегацию на экскурсию в Москву, по историческим местам поселения грузин в столице России. Поклонная гора, Арбат и Большая Грузинская, мастерская и сад скульптур Зураба Церетели, грузинская церковь Святого Георгия в центре Москвы. И сегодня с волнением дети вспоминают слезы на глазах настоятеля грузинской церкви, когда они испросили позволения и запели молитву на грузинском языке, сочиненную Его Святейшеством Католикосом-Патриархом Илией II. Это был душевный порыв, трогательная искренняя благодарность школьников из Грузии московской земле, всем тем, кто подарил им незабываемое прекрасное лето.

Виктория ПОПОВА

Отдых в «Московии»

«ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО» В ПОДАРОК

Не все золото, что блестит, простите за тривиальность. И не все многочисленные премии и награды, что ныне гордо называются «золотыми», соответствуют благородному наименованию.

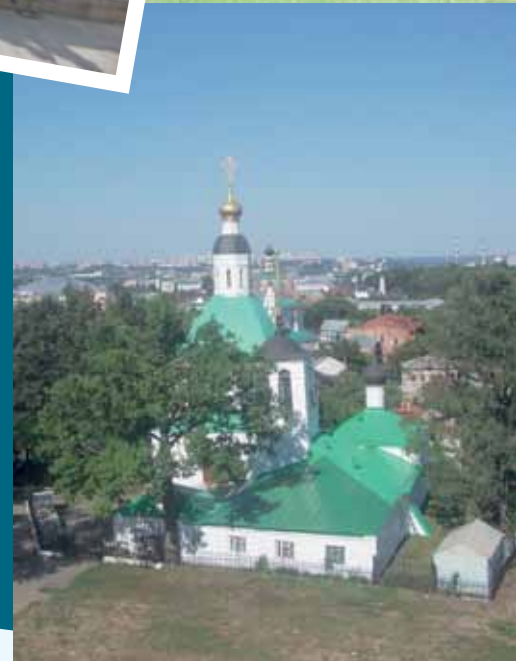
И все же сохранилось – одно из немногих – золотых имен, которое и в самом деле дорогого стоит. «Золотое кольцо России».

Читатели старшего поколения, в чьем полном и свободном распоряжении были все заповедные, курортные, исторические и памятные места огромного Советского Союза, хорошо помнят, что поездка по «Золотому кольцу» и в те времена была некоторой роскошью, настолько бесценное духовное богатство сохранили легендарные древнерусские города. «Кольцо» не теряет своего первозданного блеска, но возможность увидеть его воочию для нас сегодня сведена к минимуму. Ничего не поделаешь – таковы времена. Но надемся, не нравы.

В одном из недавних интервью директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России А.В.Чепурин привел довольно радикальное сравнение: «Есть американский фильм «Спасти рядового Райана». После его просмотра создается впечатление, что американцы готовы выслать целый флот, чтобы спасти рядового бойца. Готова ли Россия совершать аналогичные действия для помощи соотечественникам?»

Конечно, не хотелось бы, чтобы дело доходило до спасения рядовых, но акции культурной помощи, проводимой в рамках Программы работы с соотечественниками за рубежом правительства России, действительно производят впечатление.

Учитывая, что в слово «соотечественник» А.В.Чепурин, согласно новой редакции «Закона о политике РФ в отношении соотечественников за рубежом», вкладывает еще и тот смысл, что это «люди, которые считают, что они этнически, ментально, культурно, в языковом плане связаны с Россией как с Отечеством», можно смело причислить к соотечественникам и тех жителей в Грузии, которые не собираются забывать

русский язык и для которых, он, как было сказано Риммой Казаковой, тоже – отечество. В конце концов, родина – это не только родной город, но и любимая библиотека, например.

Вот уже более десяти лет Союз российских соотечественников в Грузии «Отчизна» является реализатором Программы работы с соотечественниками. Важное мероприятие Программы – бесплатная поездка по «Золотому кольцу» для 50-ти детей из Грузии.

В их числе по рекомендации Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» участниками поездки в этом году стали победители Конкурса детского рисунка «Путь к звездам», приуроченного к 50-летию полета Юрия Гагарина в космос, – Георгий Копадзе (Рустави) и Лука Готуа (Тбилиси).

Юные жители Грузии провели в России десять дней. Они увидели и посетили Красную площадь, Третьяковскую галерею, Храм Христа Спасителя в Москве, бывший Архиерейский дом XVII века - Ростовский Кремль, Спасский монастырь и Церковь Ильи Пророка в Ярославле, Спасо-Преображенский собор XII века в Переславль-Залесском, Ипатьевский монастырь в Костроме, Суздальский Кремль, Успенский собор Княгинина монастыря конца XV века во Владимире...

Поездка по «Золотому кольцу» – одно из ежегодных мероприятий, которые Союз «Отчизна» осуществляет в рамках Программы работы с соотечественниками.

- Эта программа существует с 1999 года, - рассказывает президент Союза Валерий Сварчук. – Экскурсионные поездки в Россию, как и поездки на летний отдых в Кобулету, где мы организовали лагерь отдыха «Отчизна», предназначаются детям, отличившимся в учебе, победителям различных олимпиад и конкурсов... Состав делегаций – интернациональный. Вопрос о национальной принадлежности не стоял никогда. Мы пользуемся рекомендациями организаций на местах, и квоты распределяем пропорционально. На протяжении лет этим непосредственно занимается президент Международного гуманитарно-благотворительного союза «Надежда» Ирина Сварчук – она сопровождает детей в поездках, у нее серьезный опыт, устоявшиеся связи. Я не могу не оценить по достоинству ее заслуг. Поездки дают прекрасные результаты. Дети убеждаются, что по ту сторону границы живут такие же прекрасные люди, как и здесь – народы не виноваты в том, что политики ссорятся. Дети обретают новых друзей, не хотят расставаться, продолжают дружить, переписываться, общаться. Россия поддерживает своих соотечественников и тех, кто ею интересуется, хочет ее узнать. Ежегодно мы посылаем студентов из Грузии на учебу в вузы различных городов России. В этом году у нас была квота на 200 мест – от Новороссийска до Новосибирска. Подобные программы – обмен учащимися, студентами, поездки на отдых, на учебу – надо расширять и увеличивать. Это – единственный мост, который сегодня может нас связывать и поддерживать.

...Как известно, ничего не происходит случайно и все имеет значение. Наверное, «Золотое кольцо» для подростков из Грузии останется в памяти не только как замечательный эпизод летнего отдыха в детстве... Все-таки, это их первый серьезный шаг в живую жизнь русской, мировой культуры. А значит, шаг в прекрасный мир, все еще полный духовных богатств и интеллектуальной роскоши.

Во всяком случае, именно на это хочется надеяться. Честное слово, хочется, чтобы наши дети выросли не в грохоте боев и не в тишине «холодных войн», а под шелест книжных страниц. Или под стук компьютерных клавиш.

СОБ. ИНФ.

Роберт Стура

УВОЛЕН, НО НЕ СЛОМЛЕН

Вся общественность взбурена последними событиями, связанными с отстранением Роберта Стура от должности художественного руководителя театра имени Ш. Руставели. На пресс-конференции, состоявшейся в тбилисском офисе РИА Новости, режиссер казался несколько подавленным — по признанию режиссера, скандальная слава последнего времени стала его тяготить. Было грустно, что художник мирового масштаба вынужден вновь и вновь возвращаться к теме ксенофобии.

«Смысл моего высказывания был в том, что я хотел бы, чтобы президентом Грузии был только грузин. И если он не совсем грузин, а только наполовину, то, по крайней мере, не должен это скрывать. Это совершенно не было оскорбительным. Если любой армянин, положив руку на сердце, скажет, что он мечтает видеть своим президентом грузина, или в этом же духе выскажется русский, то я принесу глубокие извинения армянам — моим друзьям. Недавно на Каннском кино-фестивале Ларс фон Триер не очень удачно высказался о гитлеровском периоде Германии. Я смотрел это выступление режиссера на

пресс-конференции... Но я совсем не имел в виду расизм, потому что воспитывался в Тбилиси — действительно интернациональном городе! Здесь на площади радиусом в сто метров мечеть, синагога, армянская и грузинская церкви. В доме с итальянским двориком, где я воспитывался, жили представители разных наций. Я сам когда-то неплохо говорил по-армянски — с детства моими друзьями были армяне. И у меня тетя — армянка. Словом, национальная нетерпимость абсолютно не свойственна мне! Не имея конкретных причин для того, чтобы снять меня с должности, решили подкинуть ужасное обвинение. Они действительно сняли меня потому, что в последнее время я стал высказываться особенно откровенно, максимально откровенно! А наше правительство не выдерживает никакой, даже элементарной критики».

В связи с этим режиссер вспомнил андерсеновского Голого короля, которому окружающие боятся сказать о том, что на нем нет никакой одежды. И только ребенок говорит правду.

Стура вновь подтвердил, что собирается принять официальное предложение А. Калягина стать приглашенным главным режиссером «Et setera», однако не склонен торопить события, ибо кульминации не было, и развязка еще не наступила. «Я хочу, чтобы процесс дошел до самого конца — он сейчас находится в развитии!»

В то же время Роберт Стура не скрывает симпатий к театру «Et setera»: «Я почувствовал себя в этом коллективе как дома. Актеры меня полюбили, я поставил там три спектакля — может быть, не шедевры, но мне эти постановки дороги... Когда ты выбираешь одну женщину из трех или четырех, то очень трудно объяснить свой выбор. Такая вещь, как любовь, очень сложно поддается анализу. Это именно то, что я испытываю к театру, возглавляемому Александром Калягиным, и еще, пожалуй, к «Сатирикону».

В то же время Роберт Стура не скрывает симпатий к театру «Et setera»: «Я почувствовал себя в этом коллективе как дома. Актеры меня полюбили, я поставил там три спектакля — может быть, не шедевры, но мне эти постановки дороги... Когда ты выбираешь одну женщину из трех или четырех, то очень трудно объяснить свой выбор. Такая вещь, как любовь, очень сложно поддается анализу. Это именно то, что я испытываю к театру, возглавляемому Александром Калягиным, и еще, пожалуй, к «Сатирикону».

По мнению Роберта Стуруа, его авторский театр сто в «Et cetera», его поймут и примут.

Режиссер выразил сомнения по поводу своего возвращения в театр Руставели. Потому что сложившаяся ситуация оскорбительна для него, и даже при отмене соответствующего решения властей он, скорее всего, не вернется в родные пенаты.

«Естественно, потерять свою страну не слишком приятно – ни грузину, ни армянину, ни русскому. Но возникают, может быть, какие-то моменты, когда хочется отойти от... Не хочется назвать это интригами. И немного передохнуть. Хотя мое будущее мне пока неизвестно... Думается, вернуться будет трудно. Кажется, что-то завершилось... Бывает, что муж с женой разводятся, а потом мирятся... Но даже если я бы очень хотел вернуться, сохраняется внутреннее ощущение, что связь завершилась. Очень в традициях нашего театра. К счастью, она не завершилась кроваво – как в 1937 году, когда расстреляли нашего гениального режиссера Сандро Ахметели».

Роберт Стуруа рассказал о положении в театре Руставели. По его словам, она такая же, как и в других театрах мира. Хорошие спектакли чередуются с не очень удачными. При этом плохие постановки дают более полное представление о ситуации в театре. «Наш театр прославился в 70-80-е годы, когда мы поставили «Кавказский меловой круг» и «Ричарда III». Хотя самый любимый мной спектакль – «Кваркваре Тутавери». Мы объездили весь мир, играли практически во всех странах. Это была золотая эпоха руставелевцев. Но меняется время, изменились и мы. И, конечно, все сегодня по-другому. Думаю о том, насколько эфемерно режиссерское и актерское творчество! Ну, где сейчас мои постановки? Записи некоторых сохранились, но они с трудом передают то, что было в спектаклях. Поэтому говорить молодежи, каким был наш театр когда-то, даже смешно. Прошлое молодежь не любит! Тем более, что такое отношение поддерживается в стране. Принято говорить, что все только сейчас начинается, и ничего в прошлом не было вовсе!»

Речь зашла и об отношении руставелевцев к ситуации вокруг Стуруа. Режиссера поддерживает подавляющее большинство.

«Актеры – зависимая профессия. И если кто-то меня не поддержит, то это вовсе не будет для меня ударом, сумасшедшим стрессом. Я считаю, что это нормально. Актер приходит в театр и ждет, когда ему дадут роль! В то время как поэт, композитор, художник могут свободно заниматься своим творчеством, никого не спрашивая, ни от кого не завися. Поэтому я буду спокойно относиться к тому, если не все меня поддержат. А если все, то мне это даже не очень понравится. Это как раз и подозрительно! Как выборы президента, когда за него голосуют единогласно...»

Стуруа воздержался говорить о планах: «Мне нужно немного прийти в себя! Несмотря на то, что я был готов к этому решению, во мне что-то изменилось. Хотя я воспитывался в такой семье, где меня приучили смотреть на все если не философски, то с юмором. Такими были и моя мама, и мой отец!»

Речь зашла и о последней премьере Стуруа – «Сезон охоты».

«Это спектакль, в основе которого – нетрадиционная драматургия. И написана пьеса поэтом Тамазом Чиладзе. И я ставил немножечко по наитию – как пишутся стихи. Сейчас, когда я посмотрел спектакль, то почувствовал реакцию зри-

тельного зала – очень взволнованного. Публика долго не могла покинуть зал... Да, очень странный у меня получился спектакль. Посмотрю его еще раз, что-то сделаю, исправлю. И тогда смогу о нем говорить!»

На вопрос журналистов, будет ли Стуруа критиковать российских лидеров, когда переберется в Москву, он ответил так: «Когда приезжаешь в другую страну, то должен еще иметь право на критику»

Коснулись и вопроса российско-грузинских отношений:

«Когда в России останавливают молодого человека и просят назвать врага его родины, он называет в качестве второго врага Грузию. До чего довели людей, если они полагают, что грузины – это враги России номер два! После США, разумеется.»

В ответ на сожаления по поводу его ухода из театра Руставели Стуруа сказал:

«С моим уходом ничего особенного не произойдет! Когда из театра ушли прежние лидеры, казалось, что театр прекратит свое нормальное существование. Но ничего подобного не случилось. И тогда я понял: когда говорят, что театр – модель жизни, это действительно так. Уйду я – придут другие. Театр Руставели на этом не кончается!»

Даже в предлагаемых обстоятельствах Стуруа не изменяет чувство юмора – он показал журналистам майку, на которой спереди написано: «Уволен!», а на спине отпечатано постановление об увольнении.

Вскоре после пресс-конференции маэстро отправился в Одессу: «Et cetera» показал спектакль Р. Стуруа «Шейлок». А у театра имени Ш. Руставели собрались протестующие – те, кого на самом деле волнует судьба руставелевцев и Роберта Стуруа. Одним из организаторов акции был замечательный актер Заза Папуашвили, блистательно сыгравший Гамлета и Мальволио. Он, в числе 77 руставелевцев подписавший письмо с требованием вернуть Стуруа в театр, обратился за поддержкой к широкой общественности. «Если Роберт Стуруа увидит, что действительно нужен своей стране и своему народу, он никуда не уедет!» – убежден Заза Папуашвили. «Властью была совершена ошибка, и нужно ее исправить! Этого мы и добиваемся».

Евгения ПОЛТОРАЦКАЯ

Сцены из спектаклей Р. Стуруа

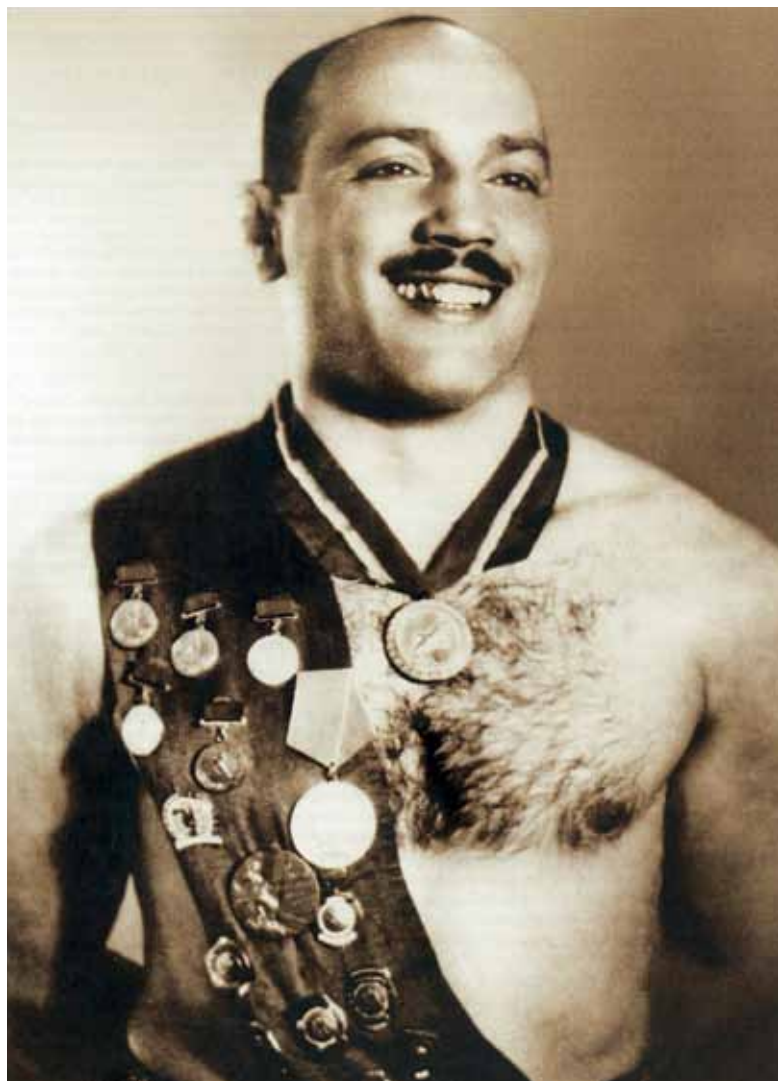

ЧЕМПИОНСКИЙ ПОЧИН АМУРА

Олимпийский зал «Мессухалли», рассчитанный на четыре тысячи зрителей, и ни одно место не оставалось свободным, встретил его настороженным гулом. Хозяева не скрывали, что очень рассчитывают на скандинавских борцов. Давид Цимакуридзе чувствовал на себе испытующие взгляды, дескать, докажи, каков ты на деле, Давид Михайлович. А доказывать, собственно говоря, он начал годом раньше, здесь же в Хельсинки и еще в Тампере, на матче СССР - Финляндия по вольной борьбе, положив на лопатки двух финских чемпионов. То было и прошло, но не забылось, ни обида хозяев за прошлые неудачи, ни триумфальные поездки наших борцов в страны Скандинавии. Ни пристрастное судейство арбитров, «не видящих» полноценные приемы посланцев страны Советов.

И вот в октябре 1999 года, спустя без малого полвека после Олимпиады-52, сидел я в тбилисском доме Давида Михайловича, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР, и слушал рассказ первого советского олимпийского чемпиона среди борцов вольного стиля.

«Готовиться к олимпийскому дебюту мы, советские спортсмены, начали заблаговременно, еще до Лондонской олимпиады. Но успехи американцев, особенно в легкой атлетике и плавании, настолько впечатляли, что рисковать спортивным престижем советской страны начальству не хотелось. Хотя уже тогда, в 1948 году, очень сильны были наши борцы, боксеры, гимнасты,

Давид Цимакуридзе

штангисты. В столицу Финляндии советская спортивная делегация приехала с твердой решимостью бороться за общую победу в командном зачете. Позади остались учебно-тренировочные сборы в Сочи и Выборге. Наконец, 14 июля, в дождливое утро тронулись и мы к финской столице. Первый блин на хельсинкском ковре для наших борцов-вольников вышел комом – проиграли ведущие атлеты, от которых не без основания ждали олимпийских медалей. Пришлось и мне испить чашу разочарования – я проиграл шведу Бенгту Линдбладу. Во многом по вине судей. Борясь в партере, провожу перевод с накатом, оцениваемый в два балла. Моему сопернику удастся только раз сбить меня в партер и заработать один балл. Ясно, что счет в мою пользу, и спокойно жду судейское решение по окончании схватки. Норвежский и французский арбитры дают победу шведу, и только турок отдает предпочтение мне».

Обидно, конечно, но от семикратного чемпиона СССР ждали только побед. Высказывалось мнение, что Давид проявил недооценку шведа, представителя могучей борцовской державы. Между тем, Линдблад действовал на ковре тактически мудро, избегал обострения борьбы, всячески тянул время, отдав инициативу сопернику. В итоге добился своего – один из сильнейших в советской команде проиграл, попав в архисложное положение в средней весовой категории, где на золото с полным основанием претендовали иранец Голам Реза Тахти, чемпион мира турок Х.Зафер,

американец Дан Ходж, венгр Дьердь Гурич, египтянин Мохамед Гуссейн...

В раздевалку приходит Арсен Мекокишвили, находит Давида, который нервно мнет в руках шерстяной свитер и не может попасть в рукава. Что сказать земляку в утешение? Что и говорить – плохо боролся, не использовал свою недюжинную силу. Но Давид в жалости не нуждается. Мекокишвили стоит, молчит и смотрит на Давида, которому, наконец, удастся справиться со свитером, надеть и расправить его вдоль могучего торса. В напряженной тишине слышны слова Цимакуридзе: «Все равно буду бороться за первое место. И только за первое».

Прекрасные слова, в которых проявился характер борца. Но это обещание, данное в запальчивости, ой, как трудно выполнить! После стартового поражения у Цимакуридзе три проигрышных очка и даже после двух побед по баллам перед ним замаячит красный свет – он выбывает из турнира с пятью проигрышными очками. Вывод? Надо выигрывать остальные схватки на туше.

И Цимакуридзе принимается за работу.

Но предоставим ему слово: «Во втором круге борюсь с американцем Ходжем. Иду на бросок с обвивом ноги – сбил он меня в партер. Иду на второй – опять сбил. Иду на третий – картина повторяется. Темп борьбы очень высокий, оба его придерживаемся. Только я проигрываю – 3:0 и 4:1. Смотрит на меня американец и, наверно, думает: «Может, хватит, товарищ Цимакуридзе, одно и то же делать? Придумай, пожалуйста, что-нибудь другое». «Нет, – думаю я, – мы, грузины, товарищ Ходж, упрямые люди: как положим что в голову, так назад не берем». Иду на четвертый бросок, и полетел наш Ходж на всю спину. То-то, говорю себе, знай, Ходж, наших! Надо сказать, что в первый день, после моего обидного поражения, руководители нашей сборной внесли протест, а с ним и пять тысяч марок.

В случае подтверждения моего поражения апелляционным жюри, а кто мог поручиться за объективность рассмотрения, плакали бы наши денежки. Но после чистой победы на шестой минуте над американцем, я в третьем круге на пятой минуте припечатал к коврику египтянина, а швед Линдبلاد с грузом проигрышных очков выбыл из соревнования. Необходимость в апелляции отпала. Протест нам вернули вместе с деньгами. Я вышел в финальную часть олимпийского турнира без проигрышных очков и мог бороться за золотую медаль чемпиона».

В полуфинале – схватка с могучим венгром Гуричем. Дьердь боролся осторожно, зная, что Цимакуридзе бросает со стойки, и ждал спасительной борьбы в партере. Но именно в партере ждало его разочарование – Давид дважды прокрутил его на мост. Теперь советскому борцу можно и не обострять борьбу. Присудили ему победу, а через 20 минут венгра снова вызывают на ковер, как проигравшего. Против Тахти. Давид видит: Гурич подзывает врача, показывает на колено. Отказывается бороться из-за травмы.

Только пять минут продержался против Давида опытный египтянин Гуссейн.

Так, оступившись на старте Олимпиады, Цимакуридзе пробился сквозь строй грозных соперников в финал, где его ожидал серебряный призер чемпионата мира (Хельсинки, 1951) Тахти, будущий чемпион Мельбурнской олимпиады-56 в полутяжелом весе, и через четырехлетие в Риме вице-чемпион, где он уступил турку Исмету Атли.

Теперь все решал поединок Цимакуридзе - Тахти.

«Соперник пятью годами был меня моложе, – рассказывал Цимакуридзе, – физически очень силен. Но и меня бог силой не обидел. На первенстве ВЦСПС в Ленинграде в 1947 году я выступал за команду Грузии и по борьбе, и по штанге. Борюсь не спеша – продолжительность схватки тогда была 20 минут, и слышу

объявление диктора: «На помост к штанге вызывается Цимакуридзе. Команда Грузии». Что делать? Я бросился на противника и положил его на лопатки. Еле дождался объявления результата, а потом помчался на тяжелоатлетический помост покорять штангу. В Выборге, на сборах, по соседству с нашим домом было десятиэтажное здание администрации с пожарной лестницей. Я дважды – утром и вечером – поднимался по этой лестнице с помощью одних рук. Набирая силу, тренировался со спарринг-партнерами, которые были весом тяжелее – с Арсеном Мекокишвили, Гиви Картозия, Августом Энгласом. Олимпийский наш финал с Тахти проходил напряженно. В самом начале я захватил его руку и бросил через себя – есть три балла. Еще три заработал, борясь в партере – перевернул его подсечкой ноги. Очень хорош был у него мост – высокий и железный, как наш Мухран-

С Арсеном Мекокишвили Хельсинки, 1952 X

Гвардейцы грузинского спорта: Роман Рура, Давид Цимакуридзе, Михаил Саладзе, Ростом Абашидзе, Шота Ломидзе, Гиви Картозия на «Арсеноба» в родном селе Гиоргицминда Арсена Мекокишвили

ский в Тбилиси. Потом он боролся сверху, но ничего сделать не мог. Подняли нас в стойку. Он отыграл один балл. Свисток судьи – и я чемпион. Не дожидаясь решения, ко мне бросаются Картозия, Вахтанг Балавадзе и Мекокишвили, поднимают на руки. Подходит Николай Романов. После моего проигрыша шведу он меня спросил: «В чем дело, Давид?» Я его успокоил, сказал, что выиграю Олимпиаду. И теперь руководитель советской спортивной делегации сиял от радости, поздравляя меня. Обнял, не обращая внимания на то, что я мокрый после схватки, поцеловал и сказал: «Молодец, сдержал слово». Мекокишвили боролся после меня с чемпионом мира, с «северным медведем» шведом Бертилем Антонссоном. Он говорит: «Я очень доволен, что ты выиграл. Ты открыл мне дорогу к победе!» Мекокишвили стал олимпийским чемпионом. Еще одну медаль – серебряную – принес советской команде в легчайшем весе Рашид Мамедбеков. Сборная СССР заняла первое место, опередив шведов и турок, занявших соответственно второе и третье места. Потом я стоял на пьедестале почета, слушал Гимн Советского Союза и был счастлив, как никогда. Вспомнил семью, друзей, мою дорогую Грузию, мой народ, свою победу посвятил ему. И сегодня, спустя десятки лет, продолжаю испытывать импульсы радости и энергии, вспоминая Хельсинки. Хочу сказать нашим молодым спортсменам: «Постарайтесь обрести хорошую подготовку, ведите честную борьбу на спортивной арене, пусть вас никогда не покидает стремление быть в числе лучших

представителей своего поколения».

Нашу беседу с олимпийцем прерывает звонок. Это пришла внучка Давида Михайловича с подругами – стайка молоденьких девушек, похоже, школьниц. Внучка бросает в нашу сторону быстрый взгляд, спрашивает лукаво: «Интервью?» – «Да, интервью», – отвечаю, а хочется спросить: «Откуда вы это все, не с конкурса ли красоты?»

А вопрос представляется отнюдь не праздным.

Дед в семье, первенец и общий любимец, рос крепеньким и хорошеньким, как ангелочек, и дома женщины называли его Амуром. Это имя так и осталось за ним, сопровождая его, уже взрослого красавца – богатыря, на крупнейших спортивных аренах мира. Но семье Цимакуридзе не привыкать к псевдонимам. Традиция шла от Михаила, отца олимпийского чемпиона, известного профессионального борца Мишико Мачабели, о котором знали далеко за хребтами Кавказа, в крупнейших городах России. Семейная легенда сохранила подробности строжайшего запрета родителя кутаисского гимназиста заниматься французской борьбой и, тем более, порочить фамилию выступлениями в цирке.

Эта история имела интересное продолжение. Нашелся в те времена в Грузии один уважаемый человек по фамилии Мачабели, страстный поклонник борьбы. Узнав о затруднениях Мишико Цимакуридзе, он сказал юноше: «Окажи мне честь – выступи сегодня под моей фамилией. А когда придут к тебе успехи, они позволят

тебе выходить на ковер под твоей фамилией». Так родился на большой цирковой арене непобедимый борец Мишико Мачабели. И так полюбился он зрителям, что уже не расставался со своим псевдонимом.

Любопытный факт – Мишико Мачабели закончил выступать на борцовском ковре в 1940 году, а его 15-летний сын Давид тогда же впервые переступил порог борцовской секции Петра Андреевича Иорданишвили, воспитателя чемпионов.

Посмотрел знаменитый тренер на новичка и понял, что из него получится перспективный борец. Давид до этого несколько лет увлекался гимнастикой, тренировался по программе мастеров, и первое время не мог забыть свою первую любовь, разрывался между двумя залами. Потом решительно избрал дорогу отца – борца, хотя и отвлекался в пользу тяжелой атлетики, и так серьезно, что выступал на соревнованиях.

Участниками первого чемпионата СССР по вольной борьбе в октябре 1945 года в Ленинграде стали 55 человек – борцы классического стиля, самбисты, представители национальных видов этого спорта мужчин – грузинской чхидоба, армянской кох, азербайджанской гулеш и других. Они внесли свой вклад в технику новой борьбы, только делавшей первые шаги в отечественном спорте. На учебно-тренировочном сборе, состоявшемся годом раньше в Тбилиси, предстояло обсудить и освоить этот новый вид борьбы, уже широко культивируемый за рубежом.

Первыми чемпионами страны, в порядке весовых категорий, стали А. Карапетян (Москва), Василий Илуридзе (Тбилиси), Арам Ялтырян, Василий Рыбалко (оба – Киев), Давид Цимакуридзе, Вагаршак Мачкалян, Арсен Мекокишвили (все – Тбилиси).

В октябре 1945 года в Ленинграде Давид Цимакуридзе выиграл золотую медаль первого чемпионата

СССР по вольной борьбе и потом шесть лет кряду не уступал никому первенства.

Лучшей своей схваткой Давид Михайлович считал финал первенства страны в Туле (1950) с ростовчанином Львом Хантимеряном. Последняя пара в среднем весе. У соперника – три проигрышных балла, у Цимакуридзе – пять. Цена победы в их поединке – золотая медаль.

«Чтобы стать чемпионом, - вспоминал Цимакуридзе в беседе с киевским журналистом Яном Дымовым, - я должен был положить Хантимеряна. Легко сказать! Я хоть и был к тому времени четырехкратным чемпионом страны, так ведь и Хантимерян имел две серебряные награды в вольной борьбе. Был он и чемпионом (в 1944 году – А.Е.) и серебряным призером первенства СССР (1938) по «классике». К тому же я его ни разу на лопатки не клал. Выигрывать случалось, но о лопатках и речи никогда не было. Как же можно было планировать чистую победу, «кладку», если соперника устраивал любой проигрыш по баллам, и он все равно – чемпион! Да он, во-первых, мог залезть в такую глухую защиту, из которой его и трактор не вытащил бы. А, во-вторых, защищаться же легче, чем нападать!

Включил я все скорости, на какие был способен, а Хантимерян стоит. Как настоящий лев стоит! Каким он был в те времена! Геракл! Я думал помру на ковре, когда атаковал, когда его защиту пробивал. Но я и мертвый атаковал! Мы слевой такие принципиальные были! Мы борьбу любили!

И вот в один из моментов во второй половине поединка, когда Лева тянул в свою сторону, а я – в свою, захват разорвался, и мы отлетели друг от друга на добрые три-четыре метра. Приземлились на пятые точки и какое-то мгновение сидели оглушенные. Я горжусь, что первым опомнился. Вскочил и как прыгну на него!

С Вахтангом Балавадзе и Гиви Картозия

Давид Цимакуридзе с отцом Мишико Мачабели

Не выдержал Лева этого прыжка, упал на спину. А если бы он прыгнул, я бы тоже не выдержал. Даже вспоминать страшно! Так я в пятый раз стал чемпионом страны...»

Вспоминаешь этот монолог великого борца, эти откровения олимпийщика, и дух захватывает, как в детективной истории. Вот, оказывается, как боролись прежде они слевой! Бороться нужно так, чтобы женщины от страсти плакали! – заключает свой эмоциональный рассказ Давид Цимакуридзе, первый грузин – олимпийский чемпион.

А что было потом вы уже знаете.

Арсен ЕРЕМЯН

«СГОРАЮ ДОТЛА, ЧТОБЫ БОЛЬШЕ ОСТАЛОСЬ...»

ДЖАНСУГУ ЧАРКВИАНИ – 80

Джансуг Чарквиани

Джансуг Чарквиани изначально был одним из лидеров талантливого поколения шестидесятников. Таковым остается. Поколение, которое объединяло, кроме писателей, и художников, скульпторов, музыкантов, искусствоведов, режиссеров, архитекторов... Лучшие из них группировались вокруг только основанного журнала «Цискари». Первым редактором его был Вахтанг Челидзе, человек с изысканным вкусом, широко образованный, писатель и переводчик, предводитель молодого поколения, интеллигент и общественный деятель.

Заложенные Вахтангом Челидзе традиции достойно продолжил Дж. Чарквиани. Одиннадцать лет он был редактором «Цискари». Надо сказать, эти годы самые плодотворные в жизни журнала, когда на его страницах было опубликовано большинство замечательных произведений второй половины XX века, которыми по праву гордится грузинская литература.

Блистательный художник современности Зураб Нижарадзе и сегодня с удовольствием вспоминает август-сентябрь 1961 года, когда группа молодых писателей и художников Москвы, Горького и Тбилиси отправилась в Италию. Руководителем делегации единодушно избрали Джансуга Чарквиани.

«Так содержательно и весело я никогда не проводил время, – рассказывает Зураб. – Ни минуты не скучали. Это был каскад песен, юмора, анекдотов, каламбуров. Все мы не переставали удивляться как может сочетаться в одном человеке столько энергии и фантазии». В том незабываемом путешествии принимал участие и наш классик литературы Отар Чиладзе.

Италия оставила яркий след в творчестве этих трех художников.

Дж.Чарквиани по впечатлениям от поездки создал цикл прелестных стихов «Раковины Средиземного моря». Во Флоренции, в галерее Уффици он увидел шедевр Сандро Боттичелли «Рождение Венеры». Это послужило толчком для создания стихотворения, которое посвятил знатоку и ценителю итальянского Ренессанса Зурабу Нижарадзе. «И волосы твои пшеницы золотее от глаз, и алых роз, и лавровых ветвей/ Весь обессилен я... Меж небом и землей всем телом задрожала Венера,/ наклонясь над раковиной дна» (перевод М. Синельникова).

Та же сила и размах чувствуются в стихотворении «Фреска Санта-Мария», воздушном и прозрачном, как хрусталь. Посвященном другу отрочества Отару Чиладзе. «Не будите!» Крыло ее – тоньше слуха. Не будите! Душа ее чище хлеба. Улетает по следу злого духа и приносит луч с темного неба» (перевод Ю. Мориц).

Сам Отар Чиладзе под впечатлением этого путешествия создал замечательную поэму «Итальянская тетрадь», где с редким мастерством и страстью нарисована грандиозная панорама Вечного города. С головокруглительной экспрессией представлены его славное прошлое и мирный современный быт.

Плодотворной оказалась поездка в Италию для волшебной кисти Зураба Нижарадзе, итальянские мотивы, уличные сценки по сей день продолжают питать вдохновение художника.

Нас с Джансугом Чарквиани связывает полувековая дружба. Никогда не забуду его тепла и братской помощи, когда на меня обрушились несчастья.

Была осень 1967 года. Я только-только перенес инфаркт легких. Джансуг предложил: «Поедем в мою де-

ревню Лечхуми, познакомлю тебя с моим дедом Ефремом Чарквиани. Хочу, чтобы ты увидел, чей я потомок».

Помню прекрасное, как сказка, село Сурмуши, прилепленное к небу, почти столетнего старца с белоснежной бородой. Он сидел с нами за патриархально накрытым столом и пил собственными руками перегнанную огненную водку. Приветливый, с поэтической душой, старый охотник. Смерть он называл «чужой птицей».

Джансуг потом посвятил ему стихотворение с тем же названием, стоящее особняком в его творчестве – свободный стих, напоенный грузинской мифологией. Конечно, боготворимого им предка поэт не дал бы на растерзание «чужой птице», с острыми когтями. И потому все стихотворение построено так, «чтобы про нас позабыла страшная птица. Свист ее крыльев все тише над Таригонем, вот она кружит все выше над Таригонем, вот она скрылась в тумане, в сумраках летних... Здравствуй, Ефрем Чарквиани! Празднуй столетье!» (перевод Вл. Лугового).

Так и кажется, что в специально раздробленных волнующих строках слышится отзвук гениального сванского «Зари». Финал стихотворения – истинный апофеоз жизни. Поэт видит непоколебимого, как скала, старца живой иконой, громогласно изъявляет ему благодарность за то, что тот явил солнечный свет своему потомству. По-иному этот орлиный клекот не воспринимается.

Дж. Чарквиани – певец жизни, влюбленный в нее. Каждая его стихотворная строка дышит любовью к родине, и в его взором увиденных рисунках чувствуется пейзаж родины. Он понимает, что надо беречь и лелеять это чудо природы.

«Раз жизнь лишь миг,/ жизнь надо лелеять,/ ты догнало меня у Ананури/ прелестное белое облако».

Тонкую лирическую зарисовку поэт заключает очень своеобразным, неожиданным и контрастным рисунком, что несколько не разрушает и не умаляет желаемого настроения и запоминается навсегда: «Зелень сломалась и сникла/ Черная пантера сидела на луне,/ в моей душе стояла твоя белизна,/ а вдали виднелась красивая Пшавия».

Джансуг Чарквиани никогда не разделял людей по национальному признаку. В каждой личности он ищет, главным образом, честь и добро. Раньше семья Чарквиани жила в старой части Тбилиси, на улице Джапаридзе. Соседи были как бы членами одной семьи. На эту тему поэт написал теплое, ласковое стихотворение «В Сололаки». Здесь оживает «погода городской души». Заключительные строки – боль по ушедшему времени и улетевшей молодости: «Снова шагаю по знакомой улице/ улица по-настоящему древняя,/ как жаль, что ушло то время,/ когда человек измерялся человечностью».

Президент МКПС «Русский клуб» Николай Николаевич Свентицкий сказал мне, как высоко он ценит творчество Дж. Чарквиани и лично его, с юношеской энергией участвующего в ставших традиционными русско-грузинских поэтических фестивалях, а потом добавил на грузинском языке: «Джансуг – истинный горожанин, и мне хочется, чтобы он достойно был представлен в нашем журнале».

Мы все отлично понимаем, что значит быть почетным гражданином Тбилиси, лауреатом Государственной премии им. Шота Руставели, премии Галактиона Табидзе. Джансуг Чарквиани всегда оправдывал эти свои высокие титулы.

В июне этого года на международном фестивале русско-грузинской поэзии «Сны о Грузии» я был свидетелем радостной встречи друзей – Юрия Ряшенцева, поэта и переводчика, так много сделавшего для грузинской поэзии, и Джансуга Чарквиани. Они вспоминали стихи друг друга, вечера поэзии в Мо-

скве и Тбилиси. Было ясно, что им нелегко друг без друга. Джансуг тут же пригласил Ряшенцева: «Завтра будешь моим гостем, приведи с собой кого хочешь». Но Юрий отвечал, что завтра утром уезжает и билет у него в кармане. Джансуг очень огорчился, но я уверен, что их такая волнующая встреча не пройдет бесследно, что они продолжат дружескую переписку и общение.

В июльском номере журнала «Русский клуб» напечатаны три стихотворения Юрия Ряшенцева, можно сказать, лучшие из тех, что написаны русскими поэтами в разное время о Грузии. Приведу лишь несколько строк из стихотворения «Вид на Тбилиси с горы Мтацминда»: «Не понимаю, почему,/ но я в вечернем этом граде/ почувал вдруг, как гость в дому,/ что дом хорош не гостя ради».

Нет другого мнения – отдаление русской и грузинской литературы, культуры нашим народам принесет только вред. В 20-х годах прошлого века Галактион Табидзе, Иосиф Гришашвили, Тицян Табидзе, Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Григол Абашидзе и другие выстроили глубокие, дружеские отношения, и они должны в скором времени восстановиться. Если бы не Борис Пастернак, Сергей Есенин,

С Юрием Гагариным

С Эмзаром Квитаишвили

Поэтическое застолье

Осип Мандельштам, Венедикт Лифшиц, Анна Ахматова, Николай Заболоцкий, Николай Тихонов, Арсений Тарковский, не их интенсивная переводческая деятельность, грузинская поэзия потеряла бы многое.

В Джансуге Чарквиани всех очаровывает врожденный дар доброго отношения к людям. И

На презентации сборника «22 июня»

не случайно, что в союзных республиках и за границей у него одни искренние друзья. Он был близок с Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Булатом Окуджавой, Риммой Казаковой, Юнной Мориц, Наталией Соколовской, Михаилом Синельниковым... Он продолжил традицию своих предшественников.

Истинную привязанность и внимание проявлял к Джансугу классик украинской литературы, блестящий переводчик грузинской поэзии Микола Бажан. Дж. Чарквиани считал своими собратьями украинских поэтов Виталия Коротича, Ивана Драча и Николая Винграновского.

Образцовой была его дружба с армянскими коллегами. У него в Тбилиси часто гостили Арташес Калантарян, Вардкес Петросян, Арутюн Овнатан (он родился в г. Ахалцихе, перевел книгу Джансуга). Чарквиани переводил стихи великого армянского поэта Аветика Исаакяна.

Множество стихов Дж. Чарквиани перевел талантливый молдавский поэт и режиссер Эмиль Лотяну. Он специально приезжал в Тбилиси для встречи с другом. Джансуг не остался в долгу – перевел на грузинский его стихи.

Он дружил с поэтами Прибалтики – латышом М. Чакайсом, с литовцем Ю. Марцинкявичюсом, которому посвятил стихотворение «Когда вы пишете?»

В бытность редактором «Цискари» Дж. Чарквиани вывел на писательское поприще тогда еще совсем юного азербайджанца Имира Мамедлы. Его стихи, написанные на грузинском языке, производили большое впечатление. Впоследствии Дж. Чарквиани предложил ему перевести «Витязя в тигровой шкуре» Руставели на азербайджанский язык. Великолепный перевод сделал Имира знаменитым на родине.

На престижном фестивале поэзии Джансуг наряду со знаменитым югославским поэтом Мирославом Джуревичем стал победителем и с тех пор они подружились.

Считаю себя обязанным отметить: невозможно назвать другую личность в грузинской поэзии, кто бы посвятил такое количество стихов своим близким и друзьям. Это люди разных профессий, национальностей, люди с разными характерами; выписав их имена и фамилии, мы получили бы огромную галерею. Всех их Джансуг Чарквиани объединил своей любовью.

Нельзя умолчать о том, что Джансуг Чарквиани автор бесчисленных эпиграмм, но вместе с тем, это человек с безгранично доброй душой, и поэтому он не сможет обидеть даже злейшего врага. В этом смысле он является истинным христианином, последователем великого Акакия Церетели.

Трудно перечислить людей, кому безвозмездно помогал Джансуг Чарквиани, назвать тех, кому он протянул руку помощи.

В Пшавии, в селе Магароскари, жил блестящий знаток народной поэзии Гоги Турманаули. Его связывали дружеские узы с Чабуа Амирэджиби и Джансугом Чарквиани.

Однажды летом Гоги Турманаули пригласил нас, нескольких писателей, в свою деревню. «По-своему угощу вас», – объявил он. Чабуа взял с собой своего старшего друга профессора Александра Папава. Они вместе провели годы в застенках ГУЛАГа. Среди нас были Тамаз Чхенкели, переводчик и блестящий литератор, Зураб Кинадзе, ученый и переводчик. Сопровождал Джансуга его сын Мамука – эстрадный певец и автор многих песен. Мы сказочно провели время на берегу Арагви, много чего видели. Помню, недалеко от нас остановился «Виллис». Из него вышел легендарный ректор ТГУ, истинный Миндия грузинской природы, академик Нико Кецховели: «Где же я еще увижу столько достойных людей? Я должен вас сфотографировать». Когда мы вернулись в Тбилиси, всем прислал фотоснимки с памятными надписями.

В сентябре того же года Джансуг получил записку от Гоги Турманаули, которую зачитал нам в редакции «Цискари»: Гоги всем слал привет с пожеланием счастья. А к редактору обращался с просьбой: в тбилисской школе преподает грузинскую литературу умница молодая уроженка Пшавии. Дело в том, что ее собирались уволнять. «Прошу тебя, сделай так, чтоб ее не обижали. Для тебя это не представит труда, как для меня ловить форель в Арагви».

Прочтя записку, Джансуг позвонил какому-то влиятельному чиновнику, объяснил суть дела и за десять минут все устроил. «Никто не посмеет тронуть ее и пальцем», – объявил он нам.

Стихи Джансуга Чарквиани легли в основу очень многих песен. В этом плане в современной грузинской поэзии никто не сравнится с ним. Только одна Русудан Себискверадзе сочинила более сорока песен, отмеченных национальным характером, его поэтической натурой.

«Тихо выведу тебя в поле,/ тихо налью тебе вина,/ спою тебе такие песни,/ что из глаз потекут слезы».

О поэтической и музыкальной семье Джансуга мы не получим полного представления, не упомянув внучку, дочь Тако, феноменальную маленькую пианистку Ирму Гигани. Ее редкий талант крепнет с каждым днем и обещает ей очень скоро оvation в самых больших концертных залах мира.

Редко встречал я другую такую гармоничную семейную пару, как Джансуг Чарквиани и его супруга, литератор и ученый Ирма Чхеидзе (вместе с тем она автор прекрасных стихов). Джансуг посвятил своей спутнице жизни 25 стихотворений. Поэтическая и утонченная душа Ирмы чувствуется в его стихотворении «Иринола». На этот текст положил музыку и создал популярную песню их сын Мамука.

Уже давно безошибочной интуицией Дж. Чарквиани заметил тревожный отход молодого поколения от вековых традиций предков, и тридцать лет назад посвятил молодым глубоко волнующее стихотворение «Двадцатилетним». Он умоляет их «идти по стопам отцов», не отучаться от любви... Этот горячий призыв проходит рефреном сквозь все стихотворение, звучащее сегодня особенно актуально и тревожно.

Можно без конца говорить о достоинствах стихов моего друга «К усталому солнцу», «Красивая смерть», «Бетания», «Тмогви», «Снег», «Солетрамонт – заход солнца», «Потерял я маленькую девочку», «Астория», «С одним условием», «Канарейка», «Смерть поэта» и других шедевров поэта, пришедшего в этот мир, чтобы принести в него добро, любовь к жизни, веру.

Именно таким я представляю Джансуга Чарквиани.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевела Мея КУБАНИЕШВИЛИ

ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ.
СТИХОТВОРЕНИЯ

***

У всякого свой бог, его зовущий,
своя вершина, жгущая глаза,
свой ветер, паруса тугие рвущий,
своя, апреля ждущая, лоза.

У всякого - своя земля-страдалица,
свой с детства уголок, свое дитя,
и всякий со своей бедой сражается,
поклонов униженных не кладя.

И всякий слышит, как суровы трубы:
век короток - прислушаться к басам...
Но первых листьев вытянуты губы
навстречу потеплевшим небесам.

Но начеку хребты. Но радуг дуги,
они - как те заветные врата...
И, словно в сказке, никнут злые духи,
и Землю будоражит доброта.

Перевод Б.Окуджавы

ХЕВСУРСКАЯ ДЕВА

Тридцатое сентября

День поэзии -
светлый, осенний, сухой.
Наши книжечки -
пестрые листья на каждом прилавке...

Ты умрешь -
и очнешься, бог даст,
уцелевшей строкой,
недоступной сомненью
и авторской правке.

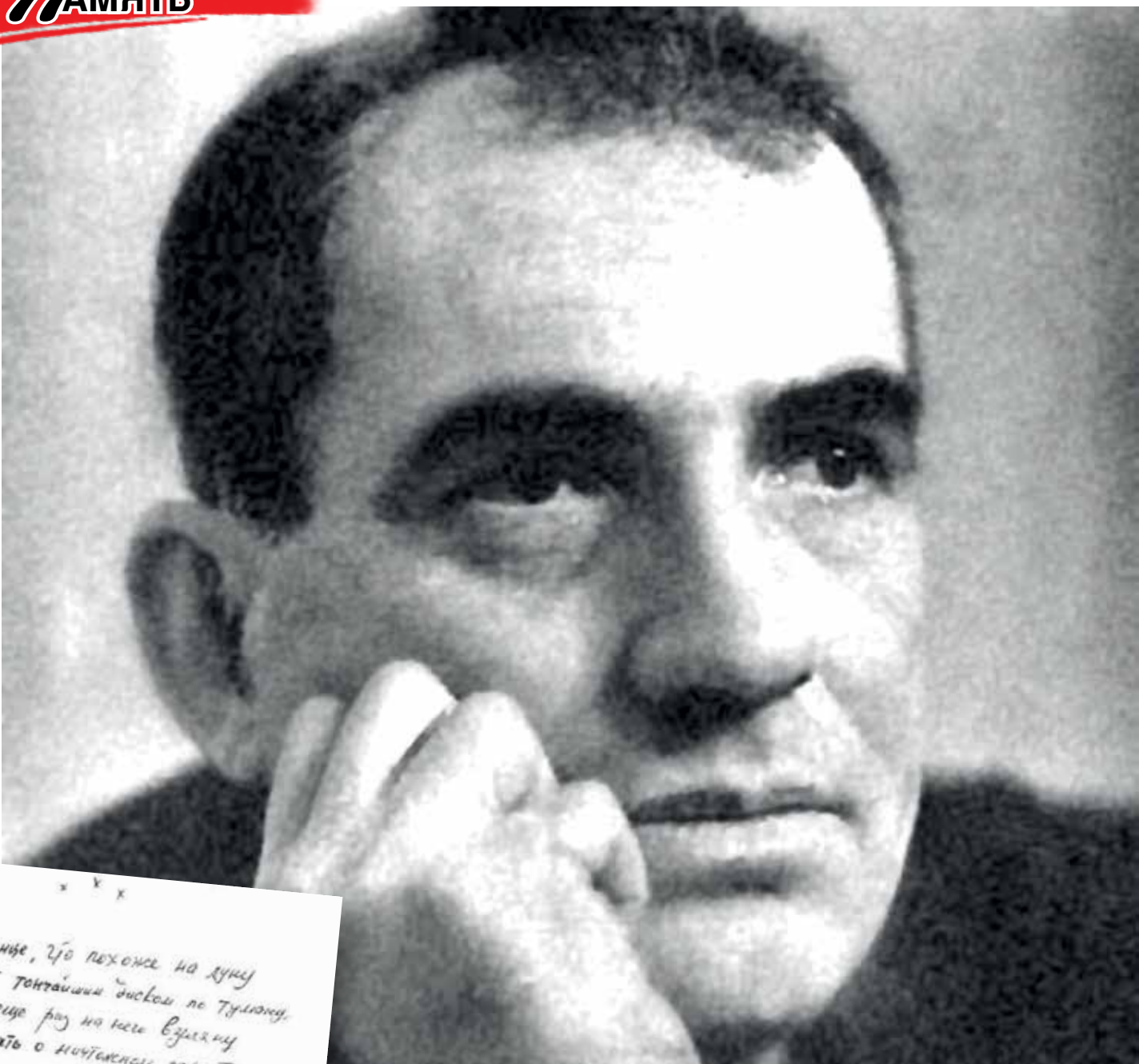
Разноцветная груда...
Не правда ли, странный товар?
Беден спрос, и туга
барабанная перепонка.
Опустелый, охрипший,
в подвал, где старик-антиквар,
я спускаюсь
и солнце веду за собой,
как ребенка.

Темнота по углам.
Потускневший товар - времена...
Оскудение.
Вижу луноподобную вазу:
с бубном пляшет хевсурка,
ликует она...
Мне такая веселая
еще не встречалась ни разу.

Я прошу: эту небыль
заверни, завяжи,
с днем моим увяжи как-нибудь,
дева пляшет - и груди -
перепелки рябые летят изо ржи...
Погибают
тридцатишестилетние люди.

Крайний день сентября.
Свет усталый и пыльный, косой.
И не вспомнит сегодня,
и никто «с днем рожденья» не скажет.
Только дева
мне сердце утешит наивной красотой
и хорошее что-нибудь спляшет.

Перевод В.Леоновича

К НЕМУ ТЯНУЛИСЬ ЛЮДИ

Александр Цыбулевский

В Музее-квартире Андрея Белого на Арбате в Москве состоялся литературный вечер памяти русского поэта, прозаика, литературоведа Александра Цыбулевского, организованный музеем и Мандельштамовским обществом. Вечер вел Павел Нерлер, филолог, поэт, основатель и руководитель Мандельштамовского общества.

Предлагаем стенограмму вечера Сергея Злобина и Юлии Сейтаковой с небольшими сокращениями.

Павел Нерлер. Когда нам с моими сосоставителями книги Александра Цыбулевского Сергеем Злобиным и Андреем Трейвишем показалось, что наша работа выходит на финишную прямую, возникла мысль, а не собрать ли тех, для кого это имя не пустой звук, и не провести ли такой вечер? Я закончил самую трудную

Президенту МКПС «Русский клуб» Свентицкому Н.Н. Уважаемый Николай!

Уже несколько раз от своих друзей Нины Тархан-Моурави, Алеши Цветкова, Юры Юрченко слышал о Вас, Вашем журнале, фестивале поэзии... В порядке заочного приветствия и виртуального рукопожатия шлю Вам – для журнала – материал о вечере памяти А.Цыбулевского, который прошел недавно в Москве.

С уважением,
Павел Нерлер.

***
И Солнце, что похоже на луку
Сквозит тончайшим диском по Тулану,
Пойду еще раз на него взгляну
И думать о ночном лесу перестану.
Наискоз в небитие – лаваш!
Февронка с ним из лавки побежала.
~~И Февронка~~
Скажи на милость – что это за бланш –
Фуша из пророчеств побежала.

часть этой книги – записные книжки. И от Сергея был сигнал, что корпус изданных поэтических и прозаических произведений тоже отработан. Андрей подготовил «Высокие уроки». И вдруг, будто из какого-то источника, посыпались неожиданно новые находки, тексты, возможности. И, хотя некоторые вещи, к огорчению, продолжают быть недоступными, например, часть записных книжек, которая была оставлена Кириой, вдовой Цыбулевского, для «Литературной Грузии», находилась у Гаиянэ Хачатурян, а у Гаиянэ ее взял посмотреть некто Баазов, взял и до сих пор, несмотря на настояния Киры, не вернул. Шурины друзья в Тбилиси, я надеюсь, заберут у Баазова эти дневники. Тем не менее нескольких записных книжек пока в будущей книге нет, но, может быть, этот вопрос еще разрешится. Вдруг в самых разных местах, в разных архивах, в двух государственных грузинских архивах, в частных собраниях, здесь в Москве, и даже у меня дома - обнаружилось немало дополнительных материалов. Чудеса начались уже во время подготовки – кому бы я ни позвонил, практически до всех дозванивался! А ведь я уже много лет не звонил, и телефоны могли поменяться... Евгений Евтушенко сейчас в Америке, но отозвался мгновенно, чтобы заочно принять участие в этом вечере. Он написал стихотворение, посвященное Цыбулевскому:

Но жил в Тбилиси Шура Цыбулевский –
русско-грузинский, в сущности, поэт,
идеалист, в цинизме уцелевший,
за что и был посажен с юных лет.

В терроре вовсе не был он замаран,
за недонос попав по простоте
на ангела подполья – Эллу Маркман,
какую Коммунэллой звали все...

Не вымерло еще в России племя
тех, для кого Тбилиси так родной.
Как искупить все ссоры, преступленья?
Признать всю ложь ошибкой и виной.

Порой мудрее выпить по стакану
за разговором братским и мужским,
по Руставели жить, по Пастернаку,
а не по интриганам никаким.

Так что поделатъ с Грузией, Россией,
чтоб обойтись без ругани, войны?
Да вы бы Цыбулевского спросили –
в себе соединил он две страны.

Не все решает тайная диппочта.
Живите, тайной жизни дорожа.
Есть братство и любовь. Есть мудрость – вот что
и сторожат ночные сторожа.

В связи с нашим вечером Евгений Александрович написал и статью, которую назвал «Русско-грузинский поэт». Я прочту из нее только то, что связано с Цыбулевским: «Я с нежностью вспоминаю сегодня об Александре Цыбулевском. В двухлетнем возрасте, в 1930 году, родители перевезли его из Ростова в Тифлис, который он считал своей духовной родиной. Здесь все называли его Шурой. Годы шли, он седел и сутулился, а глаза оставались юношескими, любознательными и доверчивыми. Хотя он знал, что доверчивость может дорого обойтись.

Я познакомился с Шурой в Тбилиси в середине пятидесятых, как только он освободился из заключения

в Рустави, где отсидел восемь лет за недонесение на подпольную студенческую группу «Смерть Берии» (следователи не решились занести в дело это крамольное название и заменили его нейтральным – «Молодая Грузия»). По своему мягкому характеру Шура никаким серьезным подпольщиком быть не мог. Кажется, ему просто нравилась очень милая независимая девушка, тоже идеалистка, Элла Маркман, помышлявшая о спасении завоеваний революции от бюрократов. Он был хорошим фотографом, снимал свой любимый Тбилиси, у него были выставки. Он написал литературоведческую работу о русских переводах поэм Важа Пшавелы, которого обожал. Не успевшая полностью воплотиться потенциальная genialность Цыбулевского проступает в его статье об Александре Блоке «Живая точность тайн...», где есть, по-моему, удивительная догадка о его поэтической магии: «Кажется, нет ничего яснее блоковских стихотворений, они созданы по закону предельной ясности и простоты, и, тем не менее, в этой ясности тайна, которая, и раскрываясь, не перестает быть тайной. Ничего общего с раскрытием фокуса. Тайна тут связана с сокровенным... Может случиться и так: чем больше постигается тайна, тем больше она ею остается...»

(Ведущий хотел было передать микрофон Элле Маркман, но та предложила первым выступить поэту и двоюродному брату Александра Цыбулевского).

Вадим Ковда. Я расскажу о корне, о том роде, откуда есть пошли Цыбулевские. Одесса. Там жил Яков Цыбулевский. Родители не очень-то рассказывали - что там и как было. В 20-е годы разбежались из Одессы. Моя мать, Раиса Яковлевна, уехала учиться в Краснодар в 1925 году. Ее сестра Мария Яковлевна уехала вместе с ней. Семен Яковлевич, отец Шуры, уехал в

Выступает Элла Моисеевна Маркман

Ростов. Яков нэпман он был, имел часовую мастерскую, были наемные работники, из-за чего поступать в вуз в Одессе его дети не могли. Шура родился в Ростове, а в 1930 году Семен Яковлевич из Ростова переселился в Тбилиси. Я с Шурой познакомился в 1955 году, когда он вышел из тюрьмы. Причем, оказалось, что группа все-таки была – они развешивали листовки против Сталина, Берии, но Шура просто не донес на них. Но только через 4 года, когда группа уже разбрелась, кто-то «стукнул», и их взяли. Шура был тогда старшеклассником, а взяли его студентом 2-го курса. Но поскольку тогда ему не было еще 18-ти лет, он попал под амнистию 1955 года и вышел рано. Он бы от-

сидел 10 лет. Элле Маркман дали 25. Родители никогда не говорили, что мой брат сидит по политической части. И вдруг он появляется в июне 1955 года - нормальный, спокойный, тихий человек. Мы с ним спали в одной комнате, я на раскладушке, он на кровати. Беседовали немного, разница у нас была 8 лет. Некоторые беседы я запомнил. Он не втягивался в разговоры о том, что же было в лагерях. Я пытался, но он уклонялся: «Да потом, да как-нибудь...» Потом он еще приезжал несколько раз, пытался поступить в Литературный институт, но его так и не приняли. Потом он появлялся иногда в Москве, у него много было друзей, знакомых, у которых он останавливался, но к нам заходил. Пришел и спросил однажды: «Ты что, пишешь что ли?» - «Да». Он был поражен - я к этому времени окончил мехмат, а перебрался в кинооператоры документального кино. И тут он мне переслал фотографии, в которых его душа выражается не меньше, чем в стихах. Хоть он и перевел несколько стихов, но не любил переводить и переводил мало. Писал статьи о переводах. Не писал текстов для песен, не сидел в президиумах. Он был похож на персонаж фильма Иоселиани «Жил певчий дрозд». Любил дружеские беседы, застолья в кафе. И беседовать было с ним на редкость интересно: он говорил мало, но очень глубоко размышлял. Какая-то тайна в нем есть, которую трудно выразить. Кого только не перезабывали у нас, а Шуру помнят. В его личности была какая-то особенность, но не харизма, так как он был не лидер, как Евтушенко. Шура был начальником

в нем было, что к нему тянулись люди. Он не был красавцем, как Ален Делон, но его любили женщины. Он не умел авторитетно говорить, чтобы все его слушали и кивали ему, но люди, поняв с кем имеют дело, начинали его любить, уважать, даже какой-то культ Шуры был. О нем написаны повести, стихи, статьи... Он любил жизнь, посмотрите на его фотографии. Он не роптал, хотя и пострадал от власти, не склонен был бороться. Он видел более высокое, в этом и притягательность его личности. У меня такое ощущение, что он – последний поэт Золотого века, а не Серебряного.

Петр Тубеншляк. Когда я сделал Элле предложение стать моей женой, она сказала, что я беру не ее одну, а еще Гио, Этери и Шуру, потому что это было единство их между собой. И после меня приняли в этот круг, научили поэзии... Исходя из того, что регламент выступления у всех по десять минут, то я уступаю свои минуты Элле, которая знает Шуру лучше всех.

Элла Маркман. Про Шуру, Гио и Этери я могу говорить двадцать четыре часа подряд. Про то, как появился Шура в нашей жизни, и в жизни стихов, Грузии... Тбилиси, сороковые-роковые, вы сами можете себе представить, и военные, и фронтовые. Несмотря на это, мы все вспоминаем с благоговением это очень трудное время. И для Тбилиси была возможность показать себя совершенно потрясающим и другим, и человеком, протягивающим руку, и пропитанным стихами городом. Совсем, как у Самойлова - «Просторно, холодно, высоко»... В 40-е и немного позже по тбилис-

ским институтам, и, в первую очередь, по университету, прокатились попытки людей заявить о том, что человек не должен заниматься только риторикой, и были аресты – одиннадцать человек. Сейчас в Москве живет Шура близкий товарищ Рашид Кетхузов, который окончил философский факультет. Они вместе заканчивали школу. А в это время в Тбилиси уже существовала довольно интенсивно работающая при «Заре Востока» группа поэтов и прозаиков, она потом именовалась МОЛ. Ваша покорная слуга недолго, но была членом этой группы. Недолго - потому, что кончилась война, и группа распалась. Все уехали в Литературный институт, в ГИТИС... О ком-то вы слышали и знаете – например, Александр Миндадзе, сын Гали Миндадзе и Анатолия Гребнева, которые были очень активными... И вот, услышав, что есть такая группа, нас разыскали Рашид Кетхузов, Рома Чернявский и Шура Цыбулевский. Это были старшеклассники 43-й школы. Они пришли со стихами. Поэма, которую принес Шура Цыбулевский, называлась «Почему не дописан голос». Это была поэма с вопросом: «А почему все не

так в нашей стране, почему скалят зубы?» Помните, у Маяковского: «Я веселым был, да быть веселым честь ли?» Вот в таком роде была написана поэма, десять листов. Для Шуры это очень удивительно, потому что более далекого от политики человека я не знала. Занимался он действительно только стихами. Он говорил мне: «Элла, мы не имеем права два раза повторять то, что мы сказали один раз. Мы сказали, и это дальше уже идет для афиши». Человек он был очень сложный. Я хотела бы сказать две важные вещи, которые открылись мне постепенно. Например, у него – «Я

С сыном Сашей

фотолаборатории Института востоковедения Академии наук, ездил по Грузии и однажды заехал в какой-то городок, в старинный парк, увидел дупло и сообразил, что лет 200 назад оно было ниже. Он не поленился, залез рукой в это дупло и вытащил грузинскую поэму 17 века. О нем писали газеты. Я неожиданно открываю «Литературку», а там статья Симона Чиковани о Шуре. И ту книжечку выпустили, и вторую тоже. Но это поразительно, что человек сообразил, что надо влезть на дерево и сунуть руку в дупло. На какой-то период он стал национальным героем Грузии! Какое-то качество

радуюсь наполовину, а грустно все же целиком» или «Это дальше - недалнее, и дано - не дано» - все время противоположные вещи. Амбивалентность, когда люди одновременно реагируют, в них зарождается и симпатия, и антипатия. У Шуры были и радость, и горе. Это его черта во всем. Я его шутя называла – диамат. Вторая его черта – для психологов, которые пишут о ГУЛАГе. Как ведут себя люди в ГУЛАГе, насколько эти люди побеждают все попытки внешней силы, когда у них отняли право считать себя человеком? Если кто-то когда-нибудь захочет получить докторскую степень по ГУЛАГу, я советую заняться такой проблемой – стихи и ГУЛАГ. Стихи помогли стать сильнее, выше, больше, чем те, кто пытался командовать и в камерах, и в лагерях. У меня есть тост, который всегда поддерживают: «Пьем за то, что даже в пору, злую, как разгул стихий, есть у нас всегда опора, значит, выпьем за стихи». И это всегда спасало.

Павел Нерлер. Большое спасибо. Великое чудо, что сегодня вы рядом с нами. Я передаю слово тем, кто застал Цыбулевского в Тбилиси в 60-70-е годы.

Михаил Синельников. Я тепло и благодарно вспоминаю первый вечер знакомства с ним. В жизни каждого литератора есть какое-то счастливое мгновение. Может быть, это был счастливейший день моей жизни - 17 октября 1971 года. Шура лежал с высокой температурой, я пришел к нему с одним литератором, читал стихи. Он встал, предложил прогуляться. Мы пошли в духан на Плехановском проспекте, выпили. Потом он повел меня к Маргвелашвили. Общение с литератором, писателем вовсе не предполагает обязательного личного знакомства с ним. Я как читатель всю жизнь нахожусь в общении с Толстым, Ахматовой. Я, конечно, с ними Цыбулевского не сравниваю. Я не могу сказать, что литературно с ним был близок. Мандельштамом я переболел в 18 лет, знал наизусть каждое стихотворение, каждую строчку. А Цыбулевский находился в этом состоянии всегда. Любой разговор у него сводился к Мандельштаму, и в том, что Мандельштамовское общество организовало этот вечер, есть высокий смысл - более пламенного адепта я не встречал. Наше общение длилось недолго, в 1975 году летом он умер. И вот прошло 36 лет, и я не нахожу человека, ему равного, нахожусь постоянно в разговоре с ним. Цыбулевского я любил, как никого. Может быть, только еще одного человека так любил. Это Арсений Александрович Тарковский. И мне приятно вспомнить, что я их познакомил. Когда Тарковский приехал в Тбилиси, я посадил его в машину, привез к Цыбулевскому и с интересом наблюдал за их общением. Я помню многое. Иногда он был откровенен, иногда нет. Гуляя по Тбилиси, показывая мне разные дома, он сказал: «Я не сразу осознал необычность этого города, его особость». Он не сразу оценил то, какой грузины удивительный, отзывчивый, щедрый, великодушный, человеческий народ. Его соседи были его лучшими друзьями, близкими, как родственники. Однажды в грузинском застолье он встал на колени перед поэтом Морисом Поцхишвили, который предложил выпить за Пастернака. В нем были черты святости, но я не решаюсь сказать, что он был святой. Его святость не была суровой. Он был на редкость благородный человек. Благородных людей я делю на две категории - это те, кто поступает как должно вопреки своему желанию, и редкая категория людей, которые поступают благородно, не задумываясь, и не могут поступить иначе. Такими были и Тарковский, и Цыбулевский. Ему в голову не могло прийти, что какое-то знакомство он может «использовать». Он был совершенный бессребреник. Он много лет работал над

диссертацией о «Возмездии», глубоко прочитал Блока, он обладал чертами выдающегося исследователя литературы. Но он охладел к теме, ему не понравилась концепция Блока - он уяснил вопрос для самого себя и после этого оставил тему, над которой долго работал. Потом он взялся за диссертацию о Важа Пшавела. Я, будучи мальчишкой, привыкший писать все легко, быстро, бездумно, сказал: «Да напишите диссертацию за две недели и забудьте об этом». Он улыбнулся и написал глубочайшие исследования, которые я оценил с годами, и в своих лекциях цитирую его глубокие мысли о переводе. Я считаю Цыбулевского замечательным поэтом, автором потрясающих рассказов, но истина его призвания и значения - как человека необыкновенной пронизательности и мудрости, литературного дарования, выраженных в форме, близкой к поэзии, но не в формализованной прозе, а в жанре записных книжек. Этот жанр имеет в России замечательную традицию. Это Розанов – любимый писатель Цыбулевского, Олеша, Шкловский, Ильф. Это преступление, конечно, что самые поздние записные книжки пропали, надеюсь, безвозвратно. Нам и будущему поколению достаются книги Цыбулевского, очень хорошо, если выйдет собрание его сочинений. Такие люди встречаются раз в жизни и не во всякой жизни.

П.Н. Миша, а почему он уклонялся от переводов? Вы много переводите, а он - мало...

М.С. Он не одобрял моего занятия переводами, но мне было поздно выйти из этой колеи. Он был совершенно прав, потому что переводы, выражаясь индийским термином, «сосут прану». Покойный Тарковский мне говорил: «Сосут лимфу». Цыбулевский оберегал свое скромное поэтическое дарование от переводов, боясь его расплескать, исчерпать.

Юрий Ряшенцев. Мне кажется, что это был рубеж 60-70-х годов прошлого века, когда в гостинице Тбилиси раздался стук в дверь и вошел рыжеватый, редкой масти для этого города человек, представился Цыбулевским, и мы тотчас оказались с ним на улице и пошли гулять по городу. Он был удивительный гид. Мы пошли к моему любимому месту – Метехскому спуску. Мы мало говорили о стихах, мы говорили, как жители двух городов, которые друг друга интересуют, со всеми особенностями этих городов. Я ему сразу поверил. Он вообще был человек, которого любили все. Я только еще одного такого человека знаю – Гришу Горина. Просто все, кто его знал, относились к нему прекрасно. Он произнес один монолог, который мне запомнился. Мы вышли на Руставели, прошли несколько раз от площади Ленина до Земмеля и назад. И он сказал: «Ты знаешь, мы сейчас идем по маршруту, по которому гуляют тбилисские влюбленные. У нас ведь с девушками строго. Если ты влюблен в девушку, ты ее можешь пригласить в кино с сестрой, и, если пару раз вы сходите с сестрой, потом уже можно пригласить ее одну, но уже тогда тебя с ней «свяжут», смотри, не совершай никаких глупостей! Так вот, когда ты идешь от площади Ленина к Земмелю, а потом назад, у тебя есть возможность встретиться с той женщиной, которую ты любишь, потому что в эти же часы она идет тебе навстречу. Все, что ты можешь позволить себе – это посмотреть ей в глаза. И она посмотрит тебе в глаза. Она понимает, что ты здесь ради нее. И вот так три-четыре раза вы друг мимо друга за вечер пройдете – день не пропал даром, у тебя был счастливый день. В такие минуты Тбилиси становится вечным городом!» Я это запомнил. У меня даже было стихотворение, которое начинается со строчки: «Мне Цыбулевский говорил – «взгляни»... У меня его книжка «Владелец шарманки», я обнаружил

надпись, уже забытую мной: «Дорогой Юра, спасибо тебе за все твои хлопоты и прости за молчание. Напоминаю о Тбилиси, тбилисцах и шарманках. Обнимаю тебя, всегда твой Шура. Приезжай!» Его московские друзья, и я в том числе, хлопотали, чтобы его издали здесь, но это было невозможно. Это было также невозможно, как добиться ГБ от Шуры, чтобы он донес на кого-то. Шура – это всегдашняя неудовлетворенность поэта, сознание невыполненного долга перед фиксацией момента. Зафиксировать момент так, чтобы его все почувствовали. И, конечно, счастье от возобновления попыток. Этим только поэт и счастлив, что он, лежа на диване, как на средстве передвижения, может переноситься в любые времена и пространства. Шура это умел.

П.Н. Я хочу огласить слова, адресованные нашему собранию Евгением Сидоровым: «Тридцать пять лет назад я писал в книге, вышедшей в «Мерани», о стихах, прозе и работе Шуры о русских переводах Важа Пшавела. Он не прочел этого, ибо уже ушел. До сих пор вижу его удлинненное матово-бледное лицо, слышу негромкую медленную речь, сижу с ним в рассветной хашной, понимая, что пока мы живы, жив и Цыбулевский, и «Дом под чинарами», и великий город на Куре, который для нас без Шуры непредставим. К сожалению, меня нет сегодня в России и я не могу принять участие в вашем вечере. Но будут благославленны те, кто его устроил, и все те, кто помнит Шуру и его время».

Александр Радковский. Я познакомился в один день и с Шурой, и с его стихами. Поразила светоносность его самого и его слова. Он из редчайших поэтов, у которых слово и личность совершенно совпадают.

П.Н. Я предлагаю выступить тем, кто, в общем-то, лично не знали Цыбулевского, но полюбили его по его стихам, прозе.

Юрий Юрченко. Гия Маргвелашвили страшно любил сводить людей, чтобы они дома у него знакомились. Он называл это: «Вещий знак» овеществляется». Вот я с радостью вижу здесь авторов тех подборок «Свидетельствует вещий знак» в «Литературной Грузии» - Аню Бердичевскую, Марину Кудимову, Юрия Евгеньевича Ряшенцева... Мне было лет девятнадцать. В «Мерани» я пришел совершенно случайно, и не знал тогда, что литература будет делом моей жизни. Я работал актером в Театре пантомимы и рисовал карикатуры. В издательстве «Мерани» была выставка карикатур. И Миша Лохвицкий там познакомил меня с Цыбулевским. Он был человеком уставшим, я это заметил, но глаза – я помню их молодыми. Я не знал, что он в моей жизни аукнется очень сильно. Я много думал о том, как пересекается судьба. Весной 1955-го, в апреле, в Одесской пересыльной тюрьме родился я. И весной этого же 55-го года – освободили Шуру Цыбулевского. Маму выпустили позже, осенью, потому что вышел указ освобождать беременных и женщин с грудными детьми. Мне было восемь месяцев. Но, как я потом говорил маме, что лучше бы досиживали там, потому что жить мы поехали на Колыму, в Магаданскую область. И ничто не предвещало того, что мы когда-то пересечемся... Но мне, вообще, страшно везет на людей. Таким счастьем считаю знакомство с Гией, Этери, Эллочкой, Петей. Гия, если кого-то любил, то распахивал себя так... Я уже уехал из Тбилиси, работал в театре на Дальнем Востоке. И вот, с подачи Гии, я поступил в Литинститут, куда меня до этого два года не принимали. Я приехал однажды к Гие, был очень болен – страшная температура, а мне нужно было уже улетать. Они с Этери меня отпаивали чем-то, уговаривали остаться. Но мне нужно

было лететь. Осень, а я был в одной рубашке. И Гия сказал: «Этери, принеси пиджак». Я отказывался, на что мне Этери сказала: «Молчи, ты не знаешь, что это за пиджак». В пиджаке лежали чьи-то очки, в карманах были табачные крошки. Это был пиджак Шуры Цыбулевского. Когда мы с Шурой познакомились, я еще не отдавал себе отчет в масштабе его личности. А потом это имя окружалось легендой. И вот он уже часть моей жизни. У меня тогда уже была его книга «Высокие уроки». Я понимал, что значит этот пиджак для Гии. И я сказал, что не могу взять этот пиджак, попытался вернуть, на что мне ответили категорическим отказом. Полетел я в пиджаке, и, постепенно, знаете, начал в него вращаться. Я от Карелии до Камчатки летал в этом пиджаке, а если нужно было выглядеть более солидно, где-нибудь в издательстве, то я вынимал из кармана и надевал очки Цыбулевского. В нем, в этом пиджаке, я выступал в ЦДЛ. И эти крошки табачные – я не курил тогда уже, пить и курить я бросил на Колыме, – но эти крошки в карманах, я их не выбрасывал... Я его износил до дыр, я говорил всем, что это пиджак Цыбулевского. Я прилетал в Грузию, и Гия с Этери были счастливы, что я в этом пиджаке. Он даже уже стерся на рукавах. И вдруг, в году 80-м ко мне пришел товарищ, который работал в «Современнике», а до этого в Театре на Таганке. Он мне принес что-то в пакете и сказал: «Все. Ты уже не можешь носить этот пиджак. Я думаю, что ты теперь уже можешь носить этот. Это пиджак Любимова». И вторую половину 80-х я донашивал пиджак Любимова... Страшная несправедливость, раньше не было интернета, а сейчас Гии, например, нет в интернете. А ведь в то время на нем одном все держалось. И я посвятил вышедшую в прошлом году книгу о Пастернаке памяти Гии Маргвелашвили. Для меня эти имена святы, и спасибо за подарок – за сегодняшний праздник.

Анна Бердичевская. Я не знала Цыбулевского, но конечно, слышала о нем. Как и Юра, я была знакома с пиджаком Цыбулевского, и этот пиджак висел у меня на вешалке в хорошую погоду. Я попала в Грузию в 1984 году, и первый дом, где меня напоили чаем с вареньем – это был дом Гии Маргвелашвили. Если сейчас его нет в интернете, то тогда он точно существовал в информационном пространстве России, так как мне дали его телефон, адрес. Когда я пришла, мне открыл человек маленького роста, строгий, я даже поежилась. Меня потряс чудесный дом. У нас с Цыбулевским одно общее занятие – я фотограф. Я сделала замечательные фотографии, которые могла бы предложить тем, кто занимается историей литературных связей России и Грузии. На фото Этери и Гия в своей комнате, где висело собрание живописи. Убеждаюсь и знаю всю жизнь, что поэзия – строительница судеб. Люди, так или иначе связанные с поэзией, связаны и друг с другом. Я с удовольствием пришла сюда, хотела посмотреть на ваши лица, потому что это мой круг, если вы любите и читали Цыбулевского.

П.Н. Друзья Цыбулевского разбросаны по свету, и семья его тоже. Кира и сын Саша живут в Тель-Авиве, а до этого они жили в Иерусалиме. Очень близкий его друг, Тома Фрадкина, живет в Штутгарте, и те записные книжки, которые сейчас готовились, были переписаны с оригинала ею. И с этими источниками текстов, поскольку других в настоящий момент нет, и шла кропотливейшая и тщательная работа. Я был свидетелем и очевидцем того, как в жизнь Андрея Трейвиша вошли книги Цыбулевского. Дошло до того, что Андрей был вынужден изучить шрифтовую систему грузинского языка – и только лишь для того, чтобы кое-что подгото-

вить для нашей книги.

Андрей Трейвиш. Я получил Цыбулевского из рук Павла Нерлера. И когда мне плохо на душе, его книги у меня всегда под рукой. Подумаешь, вроде литературоведение, переводы. Но почему это такое захватывающее чтение, да еще для человека, далекого от этого мира? И я вдруг понял – кроме личности, тональности и интонации, даже пунктуации непередаваемой, там есть метод, и этот метод очень прост и очень сложен – множественное, или перекрестное, сравнение. Он сравнивает перевод с оригиналом. Четыре поэмы Важа Пшавела, четыре русских переводчика, девять переводов. Он выбрал те поэмы, которые переводили, как минимум, два больших русских поэта, а одну даже три. Многие поэты переводили по русскому подстрочнику, они не знали грузинского. А вот Цыбулевский знал. Он еще сравнивает, как это звучит у самого Пшавелы на грузинском. Это разные манеры и системы русских поэтов. Но он сравнивает еще эти переводы с их же творчеством – как они влияли, что эти переводы дают для собственного творчества. Перекрестное сравнение – очень трудоемкий метод. Цыбулевский без усталости и искрометно сравнивает.

Сергей Злобин. Многие тут рассказывали о том, как они встретились с Александром Семеновичем (не могу его Шурой называть, не получается). Я расскажу почти детективную историю о том, как я познакомился с Павлом Нерлером. Это был 2007 год. В момент раздумий о чем-то пришла в голову мысль – а почему бы мне не заняться книгой Цыбулевского? И надо было с чего-то начинать. А с чего начинают в наше время? С интернета! Я набрал «Цыбулевский», и мне «вывалились» статьи Евтушенко в «Огоньке», что-то еще, и, вдруг на одном сайте, я нахожу на форуме рассказ Георгия Парцхаладзе, сына близких друзей Александра Семеновича, рассказ о том, как его отец вместе с Цыбулевым стоял на балконе в Тбилиси и видел, как вдруг остановилась машина иранского шаха, шах вышел из машины и какое-то время смотрел на луну. Я этому человеку написал и попросил какие-нибудь координаты. У него оказался старый телефон Киры в Иерусалиме, звоню – никого нет. Тогда я нахожу Константина, который учился с Сашей Цыбулевым в одном классе. Тот дал мне координаты Саши в Тель-Авиве. Дозваниваюсь. Узнаю, что Кира в Ашкелоне. Она вывалила мне кучу телефонов, в том числе и Эллы, и Павла.

Но сказать я хотел бы о том, что в ходе подготовки этого вечера, я занимался биографиями. Александр Семенович заведовал фотограмметрической лабораторией в Институте востоковедения. Фотография была его профессией. Это и был его вклад в науку. Он ездил в экспедиции, снимал памятники. Когда на меня свалилась гора фотографий из архивов Эллы Моисеевны, Вадима, Киры, эти фотографии меня закружили, и я понял, что даже если бы он никогда ничего не сфотографировал, не нажал ни разу на кнопку, не щелкнул бы у него затвор, все равно он был бы фотографом. Непосредственно одна из лучших песен Окуджавы – «На фоне Пушкина снимается семейство» – посвящена именно Цыбулевскому. Все стихи Цыбулевского – действительно «на фоне». На фоне Блока, Мандельштама, его учителя Контарева, с которым он был в лагере и который его многому научил. И на фоне тбилисских улиц, переулков, закоулков, Светицховели... Это примерно то, что говорил Окуджава: «Мы будем счастливы – благодаренья снимку. Пусть жизнь короткая пронесется и тает». Мне кажется, что стихотворение «Лежит собака на газете» с этой вот строчкой «Еще пожить на этом свете...» – это маленький тбилисский пейзаж, который,

Тбилиси в объективе Шуры Цыбулевского

благодаря Цыбулевскому, останется навсегда.

Павел Нерлер. Я приехал в Тбилиси и познакомился с его друзьями, спустя несколько месяцев после того, как Шуры не стало, в 1975 году. Я вошел в его круг, но самого его внутри уже не было. Его стихи, книги, «Шарманка», диссертация – это все тесно связано друг с другом. Меня поразила поэтика, которую я в нем открыл. Она необычайно связана с его профессией, с фотографией. Манифестацией этой поэтики и являются его записные книжки. Это нерв, который объединяет его жизни такие разные и важные для него – центральные – вещи. Когда я его почувствовал сам, мне стало очень многое понятно, в том числе и в Мандельштаме. Он помог мне понять важные вещи не только в самом себе, потому что есть в этом некое универсальное начало. Его человеческое тепло, его поэтическая субстанция, творческая и художественная, была мне очень близкой. Я его не знал лично, но была встреча с тем, что он оставил после себя. И в этом смысле я чувствую себя одним из тех, кто сегодня здесь собрался. У каждого из выступавших были свои повод и причина быть участником сегодняшнего вечера. Спасибо всем, кто пришел, всем, кто выступал, всем, кто слушал. Спасибо Шуру Цыбулевскому, его друзьям, его семье и близким за то, что был повод для нашей встречи сегодня, и он, этот повод, навсегда с нами.

«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»

Александр Цыбулевский с сыном Александром

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ СТАРОГО РАЙОНА

Пока мы стоим в задумчивости у дома Паоло, обратим внимание на удивительное обстоятельство: почти любой дом в Сололаки так или иначе связан с литературой. Даже, если, на первый взгляд, прославлен он совсем иными делами. Так что, продолжим мы путешествие направо или налево – все равно услышим скрип пера по бумаге, вдохновенный стрекот пишущей машинки... И, как результат, нам откроются новые поэтические либо прозаические страницы.

Несколько шагов по улице Яшвили, и мы - у дома №13, в котором, как помнят старые тбилисцы, в давние времена находилась частная больница Шахпароняна. Но на нашу страницу он попал совсем не по этой причине, любовно лелеемой памятью немногих - увы!- оставшихся в живых представителей самого старшего поколения. Именно здесь, спустя десятилетия, жила семья классика грузинской литературы Константинэ Гамсахурдия. А над ней - семья первого секретаря ЦК Компартии Грузии Кандида Чарквиани. Так что, будущий литературовед, переводчик, диссидент советского периода и первый президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия рос вместе с сыновьями главного коммуниста республики. Вместе с будущим советником второго президента Эдуарда Шеварднадзе и пресс-спикером третьего президента Михаила Саакашвили – политологом Гелой Чарквиани и его братом Георгием – поэтом, журналистом, писавшим о литературе и культуре, прекрасным знатоком русской и грузинской поэзии, автором нескольких поэтических сборников и соавтором Резо Габриадзе по сценарию некогда знаменитой на весь Союз коротко-

метражки «Феола». Вот, такое переплетение сололакских судеб...

Бросим взгляд напротив и увидим дом №10, уже непосредственно связанный с русской литературой. Хотя известность ему, поначалу, тоже принесла медицина, а точнее – Михаил Гиголов, легендарный тифлисский доктор. Впрочем, он не только заведовал кафедрой травматологии в Институте усовершенствования врачей, возглавлял городскую станцию переливания крови и, вообще, был одним из основоположников трансфузиологии (одного из методов очищения крови) в Грузии. Известнейший хирург настолько любил драматургию, театр, что в 1914 году возглавил Авлабарский клуб, и именно по его инициативе там впервые в Тифлисе, поставили знаменитого «Аршин мал алана» азербайджанского классика Узеира Гаджибекова. А с большой русской литературой этот дом связан, благодаря сыну врача - Георгию Гиголову, который тоже стал легендой. Легендой литературоведения в Грузии. Тысячи выпускников филфака Тбилисского госуниверситета с благодарностью вспоминают этого человека. Десятки деятелей русской литературы и искусства побывали в этом доме, и многих из них связала затем с его хозяином настоящая дружба. А вместе с профессором гостей, по-тбилиски радушно, принимала жена профессора Светлана, фамилия которой приведет нас с этой страницы уже в энциклопедию Венгрии. Она – прямой потомок национального героя Лайоша Кошута...

Если же мы пройдем в другую сторону от дома Паоло, то окажемся у подъезда, где жил еще один знаменитый медик – уже из другого поколения, академик, представитель грузинской школы физиологии, одно-

время возглавлявший Тбилисский госуниверситет. Но при чем здесь литературная страница? – спросит читатель. А при том, что фамилия этого человека, недавно скончавшегося в Москве – Окуджава. И в доме своего двоюродного брата Важи, конечно же, бывал Булат Шалвович, без которого просто невозможно представить себе литературный Тбилиси. Более того, этот город, живущие в нем люди, как справедливо считает писатель и публицист Дмитрий Быков, не раз спасали поэта. Добавим: особенно в те времена, когда Окуджава таковым еще не был. Люди, весьма далекие от литературы и высоких слов, просто жили по тбилисским законам человечности. Жили какой-то особенной круговой порукой, не по чьему-либо совету или указу, по велению сердца защищая того, кому на данный момент хуже, чем тебе.

Но сегодня с Булатом Шалвовичем мы пообщаемся только мельком. Потому что юность свою он провел хоть и неподалеку, но все-таки в соседнем, не менее колоритном районе – у подножья Мтацминды. А по дороге туда, спустившись с улицы Яшвили на нынешнюю Ингороква, в середине прошлого века мы обязательно встретили бы удивительного поэта, стихи и судьба которого достойны того, чтобы подольше задержаться на его странице. И не только потому, что их с Булатом навсегда связала тбилисская молодость. Александра Цыбулевского, которого все всегда звали просто Шура, одна из ниточек его многочисленных дружб привела к беде. Спустя годы, именно ему Окуджава посвятит свои стихи, ставшие знаменитыми песнями - «На фоне Пушкина снимается семейство» и «Былое нельзя воротить». А вот стихи Цыбулевского,

к сожалению, не так широко известны. Но Евгений Евтушенко не случайно включил их в свою фундаментальную антологию «Десять веков русской поэзии». Предварив небольшим эссе об авторе, с которым дружил, и, сопроводив такими строчками:

Он ни троцкистом не был, ни эсером,
а всенациональная душа
бессталинским была СССРом,
Пшавелой и Ахматовой дыша.

Тбилисцем Шура стал в два года, когда его семья переехала в столицу Грузии из Ростова-на-Дону. И до конца жизни был неотъемлемой частицей этого города. С Булатом он познакомился на филфаке Тбилисского университета и близко сошелся с фронтовиком, хотя и был на четыре года младше его. Многие вспоминают, что Цыбулевский в то время был начитанней, чем Окуджава и уже писал неплохие стихи. Поэтому мы увидим, как он (надо сказать, вполне справедливо) критикует первые произведения своего друга, читает ему своих любимых поэтов и даже приобщает к иностранной литературе. В итоге, они организуют литературный кружок «Соломенная лампа». А на дворе – конец 40-х, любая неофициально созданная организация считается опасной. Тем более, что в Тбилиси существовала молодежная группа, которая и впрямь «тянула» на самый настоящий антисоветский заговор. В ней – дети репрессированных, фактически мальчишки и девчонки, попросту неспособные на какие-то действия, грозящие вредом могучей государственной машине. Но есть в них ненависть к сталинской системе, есть тайные собрания, есть даже листовки на ночных улицах и упражнения в стрельбе из «мелкашки» на Кукийском кладбище. И, конечно же, не обошлось без провокатора. Правда, по каким-то особым чекистским соображениям, ребят «берут», когда группа уже прекращает существование. Именно по этому делу арестовывают и Цыбулевского, никакого отношения к организации не имевшего. Да, Шура «садится» за то, что не донес на душу подпольной организации – очень милую, писавшую неплохие стихи и люто ненавидевшую советскую власть девушку Элли Маркман. Он не просто дружил с ней, он был в нее влюблен. Для молодого парня, да еще поэта, да еще тбилисца этим все сказано.

Лагерная страница жизни Цыбулевского оказалась, пусть ненамного, но, все же, короче, чем было предписано ее авторами в погонах – из лагеря под Рустави он возвращается через 8 лет. Он возвращается в Тбилиси, заканчивает здесь университет, и начинается тот Цыбулевский, которого запомнили не только его земляки, но и многие гости – литераторы. Прислушаемся к тому, что говорят о нем.

Станислав Куняев: «В его витиеватых стихах, сплетенных из обрывков чувств, картин и мыслей, угадывалась судьба – горестная, одинокая и даже лагерная».

И еще – Юрий Ряшенцев: «Если бы в грузинской столице не было бы такого, казалось бы, чуждого этому городу по крови поэта, то его следовало бы придумать. Он был погружен в этот город, будто был его уроженцем, и в то же время был влюблен в него, будто только вчера увидел его впервые». Вот и сегодня хочется посмотреть на Тбилиси влюбленными глазами Цыбулевского:

Вновь дерево Иудино в цвету
Очутится над улочкой крутою.
Присядет чинно дева на тахту,
Окрашенную всякий год тутою.

А под балконами наклон горы,
Чреватые подвалами панели.
Дворы, дворы. Неведомые цели
Поэзии. Еще, еще дворы.

.....
Соленый, сладкий пух, налет загара.
Но это не произносимо вслух.
Берут в полет пролеты Авлабара,
Где с адской серой смешан банный дух.

Что делаешь, что делаю? Взираю.
Седеющий пульсирует висок.
А я пишу стихи, зачем – не знаю.
Стихи, стихи, как некий адресок.

.....
Рисую вечные картины.
Арба тихонько проплыла:
Повез старик свои кувшины,
Огромные, как купола.

Я так люблю все эти вещи:
Ни взять, ни дать; ни дать, ни взять.
Но говорят – яснее, резче
Мне надо все переписать...

Теперь переписывается многое из того, что было дорого поколению Александра Цыбулевского. Даже завзятые любители его поэзии не едины во мнении, в каком именно доме жил этот прекрасный лирик. На улице, в разные эпохи носившей имена демонических личностей – Петра Великого, Троцкого, Дзержинского. Говорят, что дом снесли в 1970-х годах, когда строили новое здание ЦК Компартии, ныне – Государственной канцелярии. Сегодня это правительственное здание соединяет улицы с именами литераторов, в разные эпохи причастных к политической деятельности – писателя XVII-XVIII веков Сулхан-Саба Орбелиани и литературоведа-этнографа Павле Ингороква. А вот дома поэта Цыбулевского, столь далекого от политики и столь пострадавшего от нее, якобы уже нет.

Что ж, если хочешь что-то узнать о человеке наверняка – поговори с его друзьями детства. Тбилиси не был бы Тбилиси, если бы такие друзья не нашлись. Еще одна легенда – Грузинского телевидения - опе-

ратор Игорь Нагорный утверждает: Цыбулевские жили в доме №6, который до сих пор удивляет своей необычной архитектурой. Детская память – самая долгая и цепкая вещь на свете. И как забыть дом, где ты получил свой первый в жизни велосипед – по «наследству» от Шуры, который был старше? Семья дружили, время было трудное, и игрушки одних детей передавались другим... Спустя годы, когда Шура вернулся из лагеря, он вместе с Игорем лечил свою хандру в пивбарной, которая была недалеко от Грибоедовского театра. А на сайте «Неизвестный гений» дом №6 так и называется «домом Цыбулевского»: «Небольшой и очень аккуратный особняк в стиле модерн. Напоминает постройки западноевропейского типа конца XIX начала XX вв... Он смотрится не только выигрышно, он как будто бы попал на улицы Тбилиси откуда-то извне, из другого города или даже страны... Домик, напоминающий сказки Гофмана. Несколько нереальный для Тбилиси». Представитель наиреальнейшего Тбилиси Шура, уйдя из этого дома, жил в других старых районах – на улицах Киевской и Хетагурова. Но это не значит, что окрестные духаны Плехановского проспекта и Чугурети стали ему ближе тех, куда он из Соллаки водил приезжих русских писателей – резерв исконных городских подвальчиков был у него неисчерпаем.

Вот так посмотришь, как шествуют рядом с Цыбулевским компании гостей-литераторов, и понимаешь: а, ведь, ничего не изменилось по сравнению со страницей Паоло Яшвили, на которой мы видели, как, в 30-х годах, точно так же принимали друзей из России грузинские поэты! Евгений Евтушенко, Александр Межиров, Владимир Соколов, Белла Ахмадулина, Арсений Тарковский, Андрей Вознесенский, Давид Самойлов, Юнна Мориц... Список можно продолжать и продолжать – не просто дружеская, а кровная связь русской и грузинской литератур не прерывалась. А скольким поэтам и писателям, попавшим в Москву в официальную или полуофициальную опалу в годы «застоя», предоставляла свои страницы «Литературная Грузия»! В этом заслуга ближайшего друга Цыбулевского – Гии Маргвелашвили. Оба они стремились приобщить гостей к жизни Тбилиси даже после официальных «мероприятий», в которых участвовали Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Джансуг Чарквиани, Гурам Асатиани, Иосиф Нонешвили и другие. Именно о Маргвелашвили известный красноярский поэт Николай Еремин говорит: «Имена, которые в XX веке, своевременно поддержал своим чутким отношением наш замечательный Грузинский Друг, сейчас, в XXI веке, у всех любителей российской словесности, как говорится, на слуху». И именно Маргвелашвили и Цыбулевскому посвящены пронзительные строки Беллы Ахмадулиной. Перечтем их еще раз:

Я знаю, все будет: архивы, таблицы...
Жила-была Белла... потом умерла...
И впрямь я жила! Я летела в Тбилиси,
где Гия и Шура встречали меня.

О, длилось бы вечно, что прежде бывало:
с небес упал солнцепек проливной,
и не было в городе этом подвала,
где Гия и Шура не пили со мной.

С друзьями

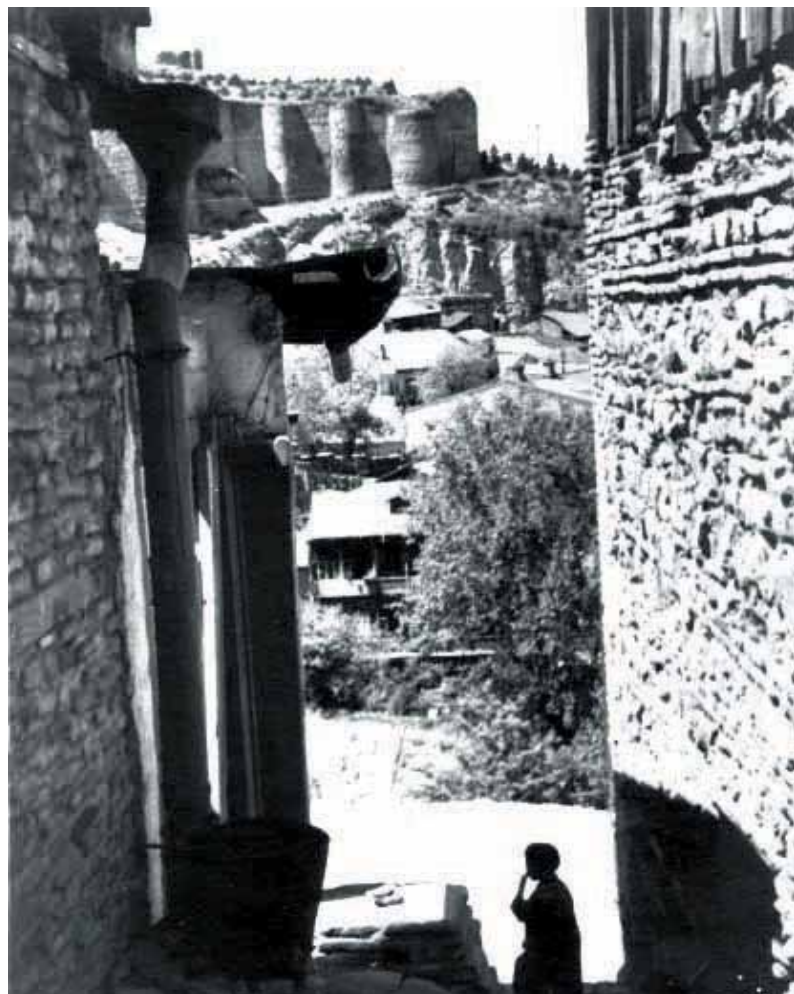
Как свечи, мерцают родимые лица.
Я плачу, и влажен мой хлеб от вина.
Нас нет, но в крутых закоулках Тифлиса
мы встретимся: Гия, и Шура, и я.

Счастливица, знаю, что люди другие
в другие помянут меня времена.
Спасибо! - Да тщетно: как Шура и Гия,
никто никогда не полюбит меня.

Согласитесь, сегодня, когда нет уже никого из
столь замечательной троицы, это звучит по-особому...

А еще на странице Цыбулевского мы прочтем
странное слово «беллогвардейцы». Нет, это не опеч-
атка. Так прозвали тбилисский круг близких друзей
Ахмадулиной. И Шура с Гией были в первых рядах
этой гвардии. Но тбилиское «войско», которое, как
и Белла, не принимало политику, уничтожающую или
унижающую людей, отнюдь не желало видеть своего
кумира на том жестоком поле брани, где есть жерт-
вы. Слишком горячи были следы происходившего
с поэтами, которых государство посчитало своими
врагами. И поэтому мы видим бланк телеграммы,
посланной из Тбилиси в августе 1968 года. Тогда
группа диссидентов вышла на Красную площадь,
протестуя против ввода в Чехословакию советских
войск. И Маргвелашвили мчится на почту, чтобы от-
править Ахмадулиной телеграмму, смысл которой:
«Белла – ты Пушкин». Это – не только очередное
доказательство того, каким было отношение к Белле
Ахатовне. Она сравнивается с Александром Серге-
евичем, чтобы предостеречь, напомнить: в 1825-м
Пушкин не вышел на Сенатскую площадь вместе с
декабристами и тем самым сохранил себя для всех
нас.

Просмотрим и иллюстрации к строчкам о том
мире, в котором жил Цыбулевский. Вот в руставский
лагерь Шура приходят письма и посылки от Булата
Окуджава. И позже он оценивает это словами, ко-
торые дороже всех витиеватых похвал: «Булат – хо-
роший товарищ»... Пожившись, Булат Шалвович и
Ольга Арцимович приезжают в Тбилиси и отмечают
знаменательное событие в духанчике у Метехи. При-
глашенных – лишь несколько человек. Среди них –
Цыбулевский и братья поэты Отар и Тамаз Чиладзе...
В первый же день знакомства с Юрием Ряшенцевым
«удивительный гид» гуляет по тбилисским улицам в
сторону любимого места гостя – Метехскому спуску.
А в трактире, заказав чачу, показывает на маленькие
стаканчики: «Вот это - точно выверенная норма, кото-
рую надо пить». И Ряшенцев, с огорчением, говорит,
что «у нас – другая норма»... С Владимиром Соколо-
вым Шура приходит к редактору издательства «Заря
Востока», художнику, стихотворцу Георгию Мазури-
ну и тот показывает им свои картины. Больше все-
го Соколова поражает портрет известного каждому
тбилисцу плехановского Кики. И гость настолько про-
никается тбилисским духом, что предлагает: «Надо
бы отыскать этого Кики, пригласить его куда-нибудь,
выпьем с ним вина, поедим хачапури, хинкали»...
Вот Александр Межиров в Москве обзывает друз-
ей, чтобы достать лекарство для Цыбулевского... А
знаменитая тбилисская художница Гаянэ Хачатурян
расписывает стену лоджии в последней, чугуретской
квартире Цыбулевского: женщины на конях, одна из
ее самых любимых тем. В 1975-м Шура умирает, а
в 90-х годах его вдова с сыном уезжают в Израиль.

Новые жильцы делают в лоджии ремонт, а потом, уз-
нав, что они уничтожили, долго сокрушаются. Прав-
да, Гаянэ успевает сделать для отъезжающих копию,
но какая копия заменит оригинал?

Не так уж часто оставляя нам свои копии, все
тише шелестят страницы того века, который на на-
ших глазах стал прошлым. Новый век принес новые
ценности: электронное мерцание Интернета вместо
пахнущих краской скромных поэтических сборников,
роскошные строения из стекла и бетона вместо уют-
ных домиков, увитых плющом... Но, по-прежнему
цепко держатся друг за друга улочки и закоулки
старого района, сплетаясь узелками памяти там, где
пересекались жизни грузинских и русских поэтов.
Где они так и остались рядом. И где по-прежнему ря-
дом на полке их книги, на страницах которых бушует
такой родной, такой непредсказуемый, такой уходя-
щий Тбилиси. На той же полке у меня – сохраненный
с детства подарок той самой Коммуналлы, сборник
Есенина вышедший в 1959-м, когда поэт перестал
быть под запретом. В маленькой квартирке Мар-
кман я впервые услышал записи Галича, привезен-
ные из Москвы, и Ахмадулиной - сделанные здесь
же, в комнатке. А на последней странице есенинско-
го сборника – след аккуратно переписанного каран-
дашом стихотворения Ахматовой: «Слава тебе, бе-
зыходная боль, умер вчера сероглазый король...»

И я очень надеюсь, что вскоре на этой полке по-
явится еще один сборник Цыбулевского. Так кто же
это там говорит, что связь времен и литератур пре-
рывается?

Владимир ГОЛОВИН

К НАИВЫСШЕЙ ЦЕЛИ

Георгий Шенгелая

Давно мне хотелось выразить свое отношение к Георгию Шенгелая, самобытному и своеобразному кинорежиссеру, художнику интересного дарования. Не знаю насколько стройным и последовательным будет это мое сочинение, но уверен, что недостатка искренности и любви в нем не будет.

Я не раз задавался вопросом – что нас столь привлекает в фильмах Георгия Шенгелая? Вероятно, прежде всего их достоинство; родная, нам близкая и понятная естественная среда, в которой живут и действуют его герои, каждый предмет, каждая пусть самая, казалось бы, незначительная деталь, без которой немислим кинематограф, обретает в его фильмах свое, точно определенное место, все продумано, взвешено. Когда талант, знание, целеустремленность, мастерство, изысканный вкус сочетается с внутренним благородством, результат всегда бывает соответственный, и все это прекрасно подтверждает пройденный Георгием Шенгелая славный путь.

Он всей душой любит своих героев, и особенно – человека трагической судьбы, Хаджи-Мурата, который все никак не удостоился жизни в кинематографе. В этом случае основой фильма является, конечно же, гениальная повесть Льва Толстого «Хаджи - Мурат». Однако с советских времен и по сей день не удается преодолеть бесконечные препятствия, которые мешают осуществить этот блестящий замысел, о чем рассказывал сам Георгий в своем трехчасовом телеинтервью.

Лев Толстой – величайший художник и мыслитель всех времен, – как и его мудрые предшественники, совершенно справедливо полагал, что историей управляют ею же созданные законы, а не воля кого-нибудь, пусть даже весьма выдающейся личности. Человек

живет рассудком для себя, и в то же время служит целям сверхличным – целям истории. От острейшего взора Толстого, разумеется, не укрылось и то, что на протяжении истории человечество проявляет подосзнательную склонность к общекомандной жизни.

Главнейшим для Толстого была верность правде жизни. Его герои не подчиняются искусственно созданным схемам, модным учениям, и потому они такие живые и привлекательные.

Автора «Войны и мира» в течение десятков лет не покидало желание написать образ героя, противостоящего безликому большинству и тиранической воле, отстаивающего свои принципы и необузданную свободу, и таким героем явился для него первый наездник среди вайнахов, прославленный смелостью и мужеством Хаджи-Мурат.

Интерес к противоречивой, сложнейшей личности Хаджи-Мурата для Георгия Шенгелая не был случайным, временным увлечением.

Поиски идеального героя – это такая же духовная потребность, как любовь, дружба, милосердие, справедливость, словом, все то, что отличает человека от животного, впрочем, должен здесь же отметить – нередко человек проявляет такую невероятную жестокость, какая, что называется, не приснится самому свирепому зверю. История сохранила тому множество примеров.

Почему мы любим и переживаем фильмы Георгия Шенгелая? Ответить на этот вопрос одновременно и легко, трудно. Легко потому, что талант четко и без усилий проявляет себя. Ему не нужен никакой макияж, чтобы произвести впечатление.

Фильмы Г.Шенгелая с первых же кадров покоряют

зрителя. Мы с неослабным интересом следим за развитием действия и ни разу наши надежды не бывают обмануты. В его работах вы не встретите безвкусицы. Актеры всегда подобраны безошибочно, костюмы тонко продуманы. Однако не только в этом проявляется бескомпромиссность его мировоззрения и поистине неиссякаемый темперамент. На мой взгляд, главное в личности и творчестве это внутренняя, духовная потребность устремленности к возвышенному, героическому, поиск того, в чем и как может проявиться героизм в нашу прагматическую, нравственно обветшавшую эпоху, когда часто представление о героизме бывает совершенно искажено, трансформировано. Это довольно сложная задача, решение которой еще начинающий, молодой режиссер поставил целью в своем дебюте и добился большого успеха. Наполовину документальный рассказ молодого, трагически погибшего грузинского прозаика Гурама Рчеулишвили «Алавердоба» предоставил режиссеру богатый материал. Слияние двух мощных талантов дало желаемый результат. О фильме «Алавердоба» я хочу сказать отдельно.

Всех нас должно заботить положение и судьба человека, потерявшего надежду, который болезненно и сильно переживает каждый признак деградации. Трагизм в тысячу раз усиливается тем обстоятельством, что опасность вырождения грозит нации в целом, однако следует видеть и то, что наша нация в этом не одинока в эпоху всеобщей отчужденности и декаданса.

Тревога, которая звучит в произведениях Георгия Шенгелая, Отара Иоселиани, в фильмах их предшественников, звучала еще в двадцатые годы минувшего века в произведениях талантливейших, здравомыслящих людей, озабоченных грядущей судьбой человечества. Величайшие ценности, возвращенные на идеалы гуманизма, ждут дальнейшего углубления, качественного обновления и развития. К сожалению, нынешнее киноискусство в условиях рыночной экономики претерпевает многие трудности – наряду с финансовыми существуют всевозможные другие проблемы. Все это не раз испытал на себе и Георгий Шенгелая.

Тревога, о которой я говорю, это тот же голос совести, который призывает нас остановиться, осмотреться и опомниться. Да, это правда, что голос совести постоянно заглушают звуки рок-музыки, истерические крики, подменяющие мелодию, и вся эта какофония работает на полное обольванивание человека, но не надо терять надежду. Невозможно, чтобы такая дьявольская вакханалия длилась без конца и чтобы подлинное искусство, гармония, столь необходимые душевному и духовному строю человека, не заняли бы своего места. Тот, кто не вовлечен в стихию этой всеобщей безумной пляски, может дать верное направление своим возможностям и своей воле и старается проследить сложные законы бытия. Именно среди таких малочисленных, но неуклонно стремящихся к цели творцов, бескорыстных и преданных служителей искусства, я вижу Георгия Шенгелая. Безмерно влюбленный в избранную профессию, он не жалеет своего таланта и опыта, чтобы достойно предстать перед будущим. Я уверен, что несмотря на большие победы, он еще не снял свой лучший фильм и держит нас, поклонников его таланта, в приятном ожидании.

***

Когда слушаешь фугу Баха, тобой овладевает непередаваемое чувство божественной красоты бытия. Ты созерцаешь необыкновенный мир, который заставляет тебя забыть о твоих переживаниях и печалях, затмевает все житейские невзгоды.

Произведения романтиков, напротив, рождают стремление замкнуться в себе самом, наедине со своим «Я», прервать связь с внешним миром и пробуждают чувство одиночества и неприютности.

Из тех же глубин возникает героический дух, когда на первый план выступает проблема выбора, в основе которой лежит смелый поиск смысла жизни. Такие искатели в глазах большинства выглядят обычно сумасбродами, однако не будь их, жизнь утратит свою притягательность, свой шарм и сделается очень скучной.

Во всем необходимо соблюдать меру. Когда в театре, например, выступают псевдогерои и звучит ложный пафос, переносить это трудно. Роберт Стура, один из великих режиссеров современности, в своих спектаклях восстал против ложной героики, очень искусно используя элементы пародии. Реабилитация подлинной героики была скорее наполнением новой формой и содержанием, чем борьба с ней (новаторское понимание героического проявляется, например, в блестящем образе Аздака – Рамаза Чхиквадзе (Б. Брехт, «Кавказский меловой круг»).

Необходимым, достойным подражания для деятеля искусства я считаю бескомпромиссность, творческую принципиальность, фанатичную преданность творческим принципам – все то, что присуще Георгию Шенгелая и что проявляется во всей его деятельности. Здесь не лишним будет вспомнить моего любимого и во многом близкого мне большого французского скульптора Аристид Майоля. Никогда не следовавший моде, даже в самые тяжелые периоды Майоль умел сохранять спокойствие и невозмутимость, не боялся никаких препон, в том числе и бедности, и с завидной последовательностью отстаивал свое кредо. Известно, сколь

В гостях у Сергея Параджанова

глубоким и тонким знатоком и поклонником античного искусства был Аристид Майоль.

Героический дух творчества Майоля с наибольшей остротой и рельефностью проявился в памятнике погибшим защитникам родного города (1930-1933). В центре скульптуры возвышается огромная обнаженная фигура раненого воина с мечом в руке, которая воспринимается символом отнюдь не поражения, падения и уничтожения, но напротив, рыцарской стойкости и борьбы.

Японский писатель, человек большого таланта и трагической судьбы Йукои Мисима, видя в собственном народе признаки вырождения, ворвался на токийскую военную базу и в крайнем возбуждении обратился к солдатам с призывом к восстанию: «Дух самураев умирает, вы превратитесь в нацию поедающих булочки!» Присутствующие ответили глубоким молчанием на

его пламенный призыв, и посрамленный Мисима вместе со своим верным другом покончили жизнь средневековым хакари.

Подобную же тревогу и боль нес в себе юный Гурам Рчеулишвили, чья трагическая гибель оставила неизгладимый след в грузинской литературе. Поразительно, насколько глубоко постиг этот молодой человек суть и дух творчества таких гигантов, как Л. Толстой и Ф. Достоевский. В дневниках Г. Рчеулишвили явственно звучит его раздражение против самодовольных любителей беззаботной и бездеятельной жизни. И не случайно Георгий Шенгелая избрал для своего первого фильма именно «Алавердоба». С начала и до конца эту замечательную новеллу пронизывает бунтарский героический дух, протест против выхолащенного от всякого смысла ленивого существования, острое желание взволновать, взбудоражить застывший безликий стереотип жизни.

То, что видит зоркий и беспощадный взор Г. Рчеулишвили вокруг великолепного храма Алаверди, поистине ужасающе. Пронзительно-оглушающие звуки зурны и доли, знойное солнце, на котором оплывают липкие, надетые на палочки красные сахарные пестушки, тут же продаются такого же рода конфеты в пестрой обертке с бахромой, скисший от жары лимонад и прочий кооперативный товар сомнительного качества. Но совершенно невероятное происходит внутри храма. Кто мог бы себе представить, что в христианском храме, перед иконостасом, могут когда-либо валяться обезглавленный петух, бараньи головы и ноги! И лишь по углам можно было заметить фигуры

Кадры из фильмов Г.Шенгелая

Е.Лансере. «Хаджи-Мурат»

притулившихся женщин в черном, молящих о чем-то Господа Бога.

В фильме безупречно переданы образы двух «паломников», совершенно ослобелых и обалдевших от питья и обжорства, которые то и дело пускаются в присядку, неуклюжие, как медведи, и являющие собой бессмысленность и пустоту происходящего.

Не выдержавший созерцания всей этой фантазмагии, главный герой (невозможно забыть пронзительно-гневные глаза актера Гейдара Палавандишвили!) отвязывает коня задремавшего тушина, вскакивает на него и мчит к лесной опушке, чтобы оттуда на диком галопе влететь во двор Алаверди, стремясь отрезать и содрогнуться этих утративших человеческий облик людей. С удивительной экспрессией написаны последние эпизоды. «Обезумевшего горского коня встречает обнаженный меч лезгина», наездник несется к храму, взлетает по узкой, петляющей лестнице, обгоняя лезгина в высокой бараньей шапке с поднятым мечом в руке и выбегает на кровлю, чтобы, подобно распятию, прикинув к куполу Алаверди, сделаться его частью». И именно здесь с особенной силой проявляется редчайший талант Гурама Рчеулишвили обращать картину, образ в музыку, талант, которым так щедро был наделен этот молодой человек, столь рано ушедший из жизни.

Мне невольно вспоминается высказывание погибшего в аварии Альбера Камю, прочитанное мною в его дневниках: «Если ты познал поражение, виновата в том твоя лень». Именно в этом вижу я основной смысл новеллы Гурама Рчеулишвили, ее пафос: мы не имеем ни времени, ни права на лень, бездеятельность, пребывание в приятном ничегонеделаньи. Мы должны работать, трудиться денно и ночью, потому что, надеясь лишь на дарованную Богом талантливость, мы недалеко уйдем и не создадим ничего ценного.

***

Примечателен и многозначителен тот факт, что непосредственно после «Алавердоба» Георгий Шенгелая загорелся страстным желанием оживить на экране последний шедевр Льва Толстого «Хаджи-Мурат». Создать образ героя небывалой смелости и отваги, фанатически преданного своим убеждениям, своему кредо, - вот к чему стремится режиссер. Именно таким героем явился Хаджи-Мурат, оказавшийся меж двух огней - российской империей и тиранией Шамиля. Он всесторонне отвечал шенгелаяевскому представлению о герое.

Л.Толстой, которому так близка была кавказская тема и который, как и М.Лермонтов сам участвовал в кровопролитных боях с чеченцами, за смелость и отвагу заслужил благодарность главнокомандующего северокавказскими войсками барона Александра Барятинского. Ему был открыт путь к военной карьере, но человек

столь могучего таланта не мог отложить в сторону перо.

Приехавший в 1851 году в Тбилиси Лев Толстой с братом оказался очевидцем исторического события: Хаджи-Мурат, бежавший от Шамиля с несколькими верными мюридами, чтобы освободить из плена жену и детей, сдался русским. Барятинский, по его же просьбе, переслал его в Нуху. Русские, разумеется, до конца не верили Хаджи-Мурату. За ним внимательно наблюдал Лорис-Меликов, который впоследствии подробно записал его рассказ.

Хаджи-Мурат со своими четырьмя мюридами жил на берегу реки Аргун в крепости Воздвиженской вместе с ее начальником Иваном Матвеевичем и его семьей. Так пожелала супруга Ивана Матвеевича, Мария Дмитриевна, женщина добросердечная, которая не осталась равнодушной к Хаджи-Мурату и позже, увидев отсеченную голову своего пленника, страшно переживала трагическую гибель героя. Хаджи-Мурату открыто сочувствовал офицер Бутлер, служивший в гарнизоне крепости. За бывшим набой русские внимательно следили. Правда, ему было разрешено посещать мечеть для совершения намаза. Однако реально ничего не делалось для освобождения его семьи из плена Шамиля. Это-то и вынудило Хаджи-Мурата бежать от русских, но очень быстро его схватили. На берегу реки Алазани, в ауле Беларджике, на топком рисовом поле, окруженный со всех сторон Хаджи-Мурат и его мюриды в течение пяти часов яростно сопротивлялись милиционерам. Хаджи-Мурат пал настоящим героем.

30 апреля 1852 года заспиртованную голову Хаджи-Мурата доставили из Закатал в Тбилиси. Наместник Михаил Воронцов переслал ее в Петербург военному министру Чернышovu (голову видел и сам Николай I).

Л. Толстой детально знал историю последних лет жизни и гибели Хаджи-Мурата и, видимо, она так глубоко запала ему в сердце, что полвека спустя воплотилась под его пером в бессмертном творении. Толчком к написанию повести послужил простой случай – дневниковая запись от 19 июля 1896 года повествует, что едучи к брату, на вспаханном поле граф увидел раздавленный колесом куст чертополоха (в средней России зовут его татарником), на котором сохранился, запыленный цветок, гордо вздымая головку, как-бы не желая сдаваться смерти. Этот цветок напомнил ему отважного Хаджи-Мурата, пронзенного четырьмя пулями, но продолжавшего сражаться до последнего вдоха и потом безжалостно изрубленного своими преследователями.

Георгий Шенгелая наряду с прочтением и анализом текста повести основательно изучил эпоху, уникальные исторические материалы, иконографию и еще в молодости был готов начать съемки «Хаджи-Мурата», но с начала же столкнулся с такими препятствиями, что вынужден был отступить. Энергии, которую он тогда затратил? хватило бы на добрый десяток фильмов.

Первым еще во времена Советского Союза выступил против министр кинематографии (тот же партработник в области идеологии) Ермаш. «Все мы живем одной дружной семьей, – сказал он, – и совершенно незачем сейчас вспоминать российско-чеченские бои».

Советский Союз распался, Россия уже не контролирует, какие фильмы снимаются в Грузии, но тут возникло новое препятствие – на авансцену вышел ислам, обрел силу культ Шамиля, и мусульмане сказали: «Мы не дадим снимать фильм о героизме бунтовщика Хаджи-Мурата». И то сказали: «Джигит, который принял газават, не должен думать об освобождении жены и детей». Толстовская правда жизни их ничуть не волновала.

Много времени спустя Георгий Шенгелая нашел спонсоров в Америке. Ему поставили условие: заказан-

ный нами фильм должен быть рассчитан на большой доход, поэтому на главную роль необходимо пригласить кого-нибудь из известных западных кинозвезд. Г. Шенгелая выполнил это условие и пригласил на главную роль актера с мировым именем – Роберта де Ниро. Американский актер итальянского происхождения Роберт де Ниро, согласился играть эту роль. Он был очень занят, и Шенгелая лишь после долгих перипетий удалось с ним встретиться несколько раз. Вроде бы все наладилось и съемки фильма становились реальностью, но тут случилось непредвиденное – 11 сентября 2001 года вахабиты взорвали нью-йоркский торговый центр. Погибли тысячи людей. После такого неслыханного варварства режиссеру категорически заявили: герой-мусульманин для нас уже неприемлем.

В телевизионной передаче Георгий Шенгелая представил множество документальных материалов. В конце первой части рассказа, как он увидел в петербургском Антропологическом музее ставший музейным экспонатом череп Хаджи-Мурата, который сохранил знаменитый русский хирург Пирогов. На черепе рукой Пирогова написана дата –1868 год и тут же обозначен номер -119. Эти скорбные, весьма немногочисленные кадры невозможно смотреть равнодушно.

Напрашивается горький вывод: судьба обошлась с похороненным без головы, изрубленным телом Хаджи-Мурата столь же жестоко, как и с фильмом о его бурной, тревожной жизни. Пока что не предвидится реальной возможности осуществить эту идею, и мы будем довольствоваться чтением гениального произведения Льва Толстого.

Мне представляется весьма значительным и интересным одно наблюдение Георгия Шенгелая: он полагает, что автор «Воскресения» имеет много общего с личностью Хаджи-Мурата, и его побег сперва от Шамиля, а позже – от русских, фанатичная любовь к свободе, сильно напоминают заранее продуманный и совершенный побег самого Толстого из Ясной Поляны и его смерть на глухой станции Остапово.

Я все же думаю и верю, что Георгий Шенгелая не вложит меч в ножны. Он непременно осуществит свою заветную мечту, и фильм «Хаджи-Мурат» станет венцом его прекрасного творчества.

Радостен и обнадеживающ тот факт, что Георгий Шенгелая сохраняет вечно ищущий задор художника, самобытность и в то же время четкое осознание своих возможностей, мощное стремление к перемене стилистических приемов. Просвященный книгочей, он обладает не только завидной эрудицией, но и прекрасным вкусом. Стремление к разнообразию в нем так сильно, что фильмы его непохожи на произведения одного и того же режиссера.

Я полностью убежден в том, что основное направление Г. Шенгелая-режиссера – это героика, и его следующий фильм (все тот же «Хаджи-Мурат») обязательно будет лучшим среди всех предыдущих, и безусловно – героического жанра. Г. Шенгелая – художник, стремящийся к наивысшей цели, и невозможно, чтобы человек такого творческого напора не добился реализации своей мечты.

Зураб НИЖАРАДЗЕ
Перевела Камилла-Мария КОРИНТЭЛИ

НАШИ «ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ»

Предлагаем читателю отрывки из воспоминаний Александра Сергеевича Величкина – русского эмигранта, покинувшего в 1920 году Россию, совместно с частями чехословацких легионеров. Вместе с ним эмигрировала и вся его семья (родители и две сестры), прожив затем всю жизнь в гостеприимной Чехословацкой Республике, приютившей в те далекие смутные времена русских людей, бежавших от коммунистического произвола. Воспоминания он написал в конце жизни и посвятил их своим детям и внукам, которые, в силу обстоятельств, хотя и не сохранили русский язык, но всегда с большим пиететом относились ко всему русскому, к русским традициям и жизненному опыту своего деда и отца.

Я родился 15 ноября 1901 года в Донской губернии. Мой отец Сергей Антипович Величкин (уроженец города Серпухова Московской губернии) закончил строительный факультет Московского университета и всю жизнь проработал инженером путей сообщения. Мать, София Николаевна (урожденная Ставрова) родилась в городе Туле и закончила Московскую консерваторию по классу фортепьяно.

Когда мне исполнилось три года, наша семья переехала из Центральной России на Урал в город Златоуст, куда получил назначение отец в качестве начальника участка железной дороги, проходившей вдоль границы Европы и Азии. Наша семья проживала в большом, 10 комнатном казенном доме с огромным садом, где прошло мое счастливое детство и юношество. Вместе со мной вырастали две мои младшие сестры Соня и Юля. И в то время ничто еще не предвещало, что нашему семейному благополучию и всей стране суждены в будущем большие испытания. Во всяком случае, нас, детей, никакие события в то время не касались. Правда, я вспоминаю, что через Златоуст по железной дороге проезжали бесконечные транспорты ссыльных, а летом проходили по дорогам по этапу в Сибирь пешие колонны закованных в наручники и кандалы измощенных людей. За ними на телегах продвигались жены и дети арестантов. Услышав издали скрежет железных оков, мы, дети, подбегали к колонне и подавали несчастным людям хлеб, пироги, яйца, воду. Так мне запомнилась первая русская революция 1905 года.

В 1907 году началась моя учеба. В те времена дети из обеспеченных семей не посещали начальную школу, а занимались с учителями на дому и готовились к поступлению в гимназию. В 1912 году я успешно сдал экзамены и был зачислен в классическую мужскую гимназию, расположенную в центре Златоуста. Сестры посещали женскую гимназию.

В 1913 году мои родители усыновили моего одноклассника сироту Сережу, с которым мы начали заниматься верховой ездой, так как летом, во время каникул, в нашем распоряжении были лошади, возившие нас зимой на санях в гимназию. Уроки верховой езды, полученные в детстве, сыграли в моей дальнейшей судьбе

Александр Величкин с супругой

большую роль, о чем я поведаю позже, описывая свою службу в кавалерийских частях чехословацкой армии. С Сережей мы верхом познавали красоты Уральских гор, выезжая зачастую с группой наших друзей в более длительные экскурсии. К сожалению, в 1915 году Сережа умер от тифа, и это было наше первое невосполнимое детское горе.

До Первой мировой войны жизнь в нашем маленьком городе протекала тихо и спокойно.

В распоряжении нашего отца находился небольшой комфортабельный железнодорожный вагон-салон с проводником. В то время проводилась комплексная модернизация российских железных дорог, строились вокзалы и депо, и отец часто выезжал по служебным делам, инспектируя участки железной дороги. Во время каникул он часто брал нас с Сережей с собой. Таким образом, мне удалось побывать в самых удаленных уголках Урала.

Лето 1914 года. Начало первой мировой войны. Все надеялись, что война быстро закончится победой, и никто не предполагал, какие последствия она будет иметь не только для России, но и для всего мира. И наша семья не избежала больших потрясений, и война определила всю ее дальнейшую судьбу

Отец, в связи с занимаемой руководящей должностью, был освобожден от военной обязанности и занимался возникшими большими проблемами транспортировки по железной дороге раненых и беженцев из западной России и Польши. Через Златоуст проходила единственная так называемая «магистраль» соединявшая западную Россию с Сибирью, и раненые находились в пути в течение нескольких недель, страдая от голода и отсутствия медицинского обслуживания.

Наша энергичная мама, наблюдая ежедневно подоб-

ную катастрофическую ситуацию несчастных, голодных и изувеченных войной людей, предпринимает решительные шаги по организации систематической помощи. Постепенно преодолевая возникающие на каждом шагу трудности, ей удается мобилизовать местную интеллигенцию и побороть косность бюрократии. Инициатива постепенно распространилась по всему Уралу. Удалось сосредоточить большие финансовые средства и пожертвования, и в 1915 году этим начинает заниматься само государство, посредством Всероссийского Союза Городов.

Все члены нашей семьи принимали самое деятельное участие в этом благородном деле. Сначала подготавливалось питание и медицинское обслуживание, затем к прибытию поезда все доставлялось на вокзал. Питание состояло из густого супа на говяжьем бульоне и одного килограмма хлеба на человека. Предстояло накормить зачастую более 300 человек в течение двадцатиминутной остановки, поэтому в первый и последний вагон заходили бригады с корзиной с хлебом и ведрами с супом, раздавали котелки и ложки, продвигаясь почти бегом к центру состава. Обычно бригады ехали до следующей остановки, успевая собрать в мешки посуду, и возвращались обратно на проходящем товарном поезде. Ждать зачастую приходилось целую ночь. Добровольные бригады работали четко и, конечно, в тесном сотрудничестве с управлением железной дороги. Во время каникул работали и многие школьники, в том числе и я со своими сестрами. Так же была организована медицинская помощь – санитарная бригада утром выезжала навстречу прибывающему составу с ранеными и успевала к прибытию поезда в Златоуст всех перевязать.

Так, в начале 1915 года мама надела форму Красного Креста и сняла ее только в 1919 году, когда наша семья покидала Златоуст с уходящими на восток транспортом чехословацких легионеров.

Я продолжал учиться в гимназии, посетил с родителями Москву, где у нашей семьи было много друзей молодости. Мне удалось также побывать в Большом театре, где в роли Бориса Годунова выступал великий Шаляпин.

Несмотря на занятость, мама воплотила свою кипучую энергию в организацию любительского театра, в котором я принимал деятельное участие, что впоследствии, уже в зрелые годы, помогло скрасить мою невеселую долю. Но об этом позже.

Естественно, до нас доходили отголоски событий в Москве и Петрограде, взрослыми бурно обсуждались дела на фронте и жизнь царской семьи, расправа над Распутиным, отречение царя от трона.

1917 год. В Петрограде начинаются волнения, демонстрации, народ протестует против затянувшейся войны. Все это приобретало политический характер, растет недовольство, и большая часть русской интеллигенции приветствует революционные изменения и приход к власти Временного правительства. Однако, на фронте ситуация становится критической. В связи с нехваткой оружия и массовым дезертирством армия вынуждена отступать. Единственным активным событием стала битва у Зборова, когда чехословацкая бригада, при поддержке русского (финского) полка, перешла в наступление и разгромила австрийские укрепления. Однако и этот временный успех не изменил ситуацию на фронте, и чехословацкие части также отступали на восток.

Наш вокзал был забит бегущими с фронта солдатами и беженцами. Благотворительная деятельность Красного Креста прекращается, наступают хаос и анархия. В это время у мамы впервые пошла горлом кровь – она заболевает открытой формой туберкулеза. Через год болезнь отступает, и мама снова энергично берется за работу.

Вот я и подошел к основному сюжету моей Летописи - причине и следствию событий, приведших нашу семью в Чехословацкую Республику.

Именно в это время через Златоуст проезжают на восток к морю транспорты чехословацких легионеров, откуда они должны быть направлены во Францию, где еще продолжатся военные операции. Во время остановки их военные оркестры зачастую выступали на вокзале с концертами. Молодежь, естественно, с удовольствием такие концерты посещала, время, правда, было неспокойное, в городе стояли части красной армии, на окраине бесчинствовали банды. Однажды и на нас во время возвращения с такого концерта было совершено нападение. Во время драки мы были арестованы, и только благодаря авторитету отца нас удалось освободить.

25 мая произошло событие, предопределившее дальнейшую судьбу нашей семьи: состоялся вооруженный конфликт между чехословацкими легионерами и красной армией, переросший впоследствии в военные действия длительностью более года. Борьба была жестокой и кровной. Пленных не брали, война шла на уничтожение. В рядах красной армии было много бывших пленных венгров, немцев и даже китайцев, ожесточившихся во время боев, а в плену совершенно потерявших человеческий облик.

Наш Златоуст избежал подобных ужасов, так как именно 25 мая был занят частями чехословацких легионеров, удержавших его вплоть до зимы 1919 года, когда линия фронта подошла к нашему городу. Именно в это время моя семья и пустилась в долгий и тяжелый путь через Сибирь на восток в составе транспорта чехословацких легионеров.

Незадолго до этого мама, несколько оправившись после очередной атаки болезни, снова приступает к работе по организации ухода за ранеными легионерами. На собственные средства и пожертвования она открывает в доме небольшой госпиталь, через который прошло немало проезжающих на восток раненых. Близкое знакомство с некоторыми из них и сыграло в дальнейшем немалую роль в судьбе и жизни нашей семьи.

Постепенно наш частный госпиталь был переведен в здание школы, где была открыта больница на двести человек. Мама работала в ней сестрой милосердия.

Обстановка в городе становилась все более опасной, по вечерам слышны были выстрелы, поездки в гимназию прекратились. Составлялись списки учеников старших классов, подлежащих призыву в белую армию, части которой периодически весьма безуспешно воевали на стороне чехословаков. Поняв, что мобилизации мне не миновать, я принял решение вступить в ряды чехословацких легионеров. Родители мое решение одобрили, посчитав его гражданской обязанностью.

Итак, 16 октября 1918 года я вступил в ряды 1-го чехословацкого запасного полка, расквартированного в Омске. Оттуда я был направлен в унтер-офицерское училище, которое закончил во второй половине декабря. Затем был зачислен в состав 7-й боевой роты, где и получил первое боевое крещение. Несмотря на объявленный нейтралитет из соображений собственной безопасности пришлось взять под контроль лагерь пленных немцев и венгров, где свирепствовал брюшной тиф.

На Рождество мне удалось получить кратковременный отпуск и побывать в последний раз дома, в Златоусте. Семья уже готовилась к отъезду в Сибирь, поэтому свидание было очень грустным. После Нового года я вернулся в свою часть, а в начале февраля меня неожиданно посетил в казарме отец, получивший назначение на железнодорожную станцию Иннокентьевка возле Иркутска. 4 000 километров пути от Златоуста до Иркутска семье предстояло проехать в товарном вагоне.

В другом вагоне нам разрешили разместить багаж, мебель и даже мамин рояль. Во время полтора часовой остановки в Омске мне удалось поведаться с родителями и сестрами. Из Златоуста им удалось выехать в последнюю минуту перед вступлением в город частей крас-

ной армии.

Для того чтобы быть ближе к семье, я воспользовался призывом и добровольно записался на курсы телефонистов и телеграфистов в Красноярске и вскоре приступил к своим новым обязанностям. Но и здесь в округе бесчинствовали различные вооруженные банды, совершались нападения на поезда и поселки, так что нас перевели в телеграфную роту штаба армии в Иркутске. Наконец-то семья воссоединилась!

Здесь, так же как и в Златоусте, стараниями мамы образовался своеобразный центр чехословацких легионеров.

Наступила осень 1919 года. Легионеры в военных действиях уже практически не участвовали, продвигались на восток к морю, все дальше от линии фронта. Первые транспорты начали переправляться в Чехословакию. В первую очередь отправке подлежали самые «старые» полки. А именно 1-й и 2-й.

Наступила осень 1919 года. Именно в это время появился у нас легионер Карел Подземски, которого с нашей семьей связывала крепкая дружба, и который впоследствии оказал всем нам неоценимую помощь. В то время он был медиком и служил в должности врача при техническом подразделении 1-й чехословацкой дивизии. Ожидая отправки в Чехословакию, он вместе с еще одним легионером Милошем Бажантом, по приглашению мамы, поселился у нас. Здоровье мамы желало лучшего, и Карел оказывал ей большое внимание, доставляя необходимые лекарства из военной аптеки.

В декабре хаос в Сибири достиг своего апогея. Остатки белой армии отступали все дальше на восток, в Манчжурию. В частях чехословацких легионеров нарастало недовольство медленным продвижением к морю. Люди устали, стремились попасть домой в свою вновь образованную Чехословацкую Республику. Проблемы России были им чужды. Перед нашей семьей встала острая проблема – оставаться в Иннокентьевке или отступить дальше на восток в составе чехословацких транспортов, а, возможно, вообще эмигрировать из России. Решено было добираться до Владивостока, где жил наш дядя, мамин брат. В это время отец лишился работы по причине симпатий к чехословацким легионерам. На этот раз с ним расправились не красные, а белые. И вновь семье оказало помощь военное командование чехословацких частей. Был предоставлен товарный вагон с возможностью его переоборудования в теплушку. Мебель пришлось продать, и только рояль разрешил один из благодарных легионеров погрузить в свой транспорт. Этим он оказал нашей семье большую услугу, так как по приезде во Владивосток нам его пришлось продать, что спасло нас от неминуемого голода.

В середине января 1920 года теплушка была прицеплена к одному из эшелонов и наша семья (родители и две сестры), няня с дочерью Надей, бывшая прислуга, супружеская пара наших друзей и друг отца отправились в дальнейшие «хождения по мукам», в дорогу длиной 3 000 километров. Весь их багаж остался на месте с тем, что его пришлют следующим эшелонам позже.

Я остался со своей ротой в Иркутске, но вскоре был направлен на одну из телефонных станций около Байкала, откуда мы должны были выехать с последним эшелонам на восток. Из старого товарного вагона мы, в условиях 50 - градусного мороза, оборудовали очередную теплушку, которую и прицепили к последнему уходящему на восток эшелону. Через три недели мы прибыли в Харбин, откуда я, после долгих мытарств, добрался, наконец-то, до Владивостока. Весь мой багаж состоял из плащ-палатки, ружья, пистолета, 4-х ручных гранат и маленького деревянного чемоданчика. Мою семью я нашел в весьма бедственном и жалком состоянии. Питались они хлебом, чаем и изредка сухой колбасой, что, естественно, сказалось и на ухудшении здоровья мамы. Дядя поселил маму

у себя, остальные спутники постепенно покинули наш «Ноев ковчег». Я обратился к чехословацкому руководству с просьбой разрешить нашей семье столоваться в столовой при военной части, так что после 3-х месячной жизни впроголодь все стали получать горячую пищу и несколько воспряли духом.

Родители решили окончательно эмигрировать в Чехословакию, где их чешские друзья обещали оказать сильную помощь при устройстве на новом месте. Я подал представителю чехословацкого правительства прошение о возможности поместить всю нашу семью на одном из отплывающих из Владивостока кораблей, получил разрешение и мы стали ждать распределения. Наш скудный багаж отплывал на разных кораблях, так что мы остались с одним деревянным сундуком и с самыми необходимыми вещами. Ожидание было томительным, тем более что деньги были абсолютно обесценены и нам грозила полная нищета. В июне, после трехмесячного «сидения на чемоданах», мы наконец-то получили предписание эвакуационной канцелярии готовиться к посадке на корабль 31-го транспорта «Томас». Наступило время прощания с родными и друзьями. Особо тяжким было расставание с няней (она нянчила еще и нашу маму) и ее дочерью Надей, которым выехать с чехословацкими легионерами не позволили. Забегая вперед, скажу, что с Надей мы встретились только в 1966 году, когда она, найдя нас посредством журнала «Огонек», приезжала к нам в гости в Прагу и в деревню, где я проживал уже много лет.

20 июня 1920 года мы наняли на последние деньги трех китайских носильщиков – и пешком через весь город отправились к пристани. Маму нес один из носильщиков, так как передвигаться самостоятельно она не могла. Наш корабль стоял у берега. Это был пассажирский пароход для транспортировки 3 000 военных. Пароход имел 3 класса: первый – для высших военных чинов, второй – для офицерского состава и семей эмигрантов, а в третьем размещались мы, солдаты.

Нашей семье предоставили четырехместную каюту. После полугодового проживания в товарном вагоне нам всем показалось наше жилье невероятно комфортным. В 8 часов вечера наш пароход медленно отчалил от берега, сопровождаемый маленьким пароходиком, на котором играл военный оркестр. Смеркалось. Многие плакали.

Прощай навсегда, Россия!

НАШ ПУТЬ В ЭМИГРАЦИЮ

Итак, из Владивостока мы отправились 20 июня, а до Триеста добрались 7 августа. Длительность нашего путешествия пароходом – 49 дней. Остановок в пути было немного – Сингапур, Коломбо, Порт-Саид, Триест. В итоге длина нашего пути от Златоуста до Праги составила 27 000 км!

Наш пароход проплыл через Желтое море, Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море.

Слава богу, нам всем удалось избежать морской болезни, так как море и океан были сравнительно спокойными. Даже наша большая мама перенесла столь длительное путешествие неплохо. Остальные пассажиры переносили даже незначительную качку по-разному – многие отказывались от еды, поэтому питания было для всех достаточно. Во время остановки в Сингапуре к нашему пароходу тотчас подплыло большое количество лодочек местных жителей, которые стали предлагать разнообразные южные фрукты и деликатесы. Было очень жарко (более 40 градусов) поэтому всем выдали тропические шляпы, без которых не разрешали выйти на берег.

15 июля мы добрались до Коломбо. На берегу нас окружили местные жители, которые, к нашему большому удивлению, прекрасно говорили по-русски! Оказалось, это потомки от смешанных браков, так как многие чайные плантации, принадлежали русским фирмам, и многие ра-

ботники остались здесь навсегда уже в прошлом столетии. Поразило нас также местное увлечение курением длинных черных сигар, причем для удобства их раскуривания на каждом доме были закреплены постоянно тлеющие канаты. Курили не только мужчины, но и женщины и даже дети!

После трехдневной остановки в Коломбо мы приплыли в Аден, однако в порт не заходили, и сразу вошли в Красное море, направляясь в Суэцкий канал. Пройдя канал, мы совершили остановку в Порт-Саиде. К сожалению, у мамы снова пошла горлом кровь, и она была помещена в корабельный госпиталь. Все очень перенервничали, так как из Триеста нам предстояло добираться до Праги еще около 1 000 км.

Состояние мамы было критическим. Как нам повезло, что главой госпиталя бы очень опытный доктор Мотэйл, которому удалось в течение двух дней остановить кровотечение. Маме не разрешали даже сидеть. В Триесте, в ожидании распределения на поезд, мы продолжали жить на пароходе. Состояние здоровья мамы становилось понемногу лучше.

Совершенно неожиданно мы встретили в Триесте Карела Подземского, что нас, с одной стороны, очень обрадовало, а с другой огорчило, так как по нашим предположениям он уже должен был быть в Праге, где он нас обещал встретить, разместить на квартире и оказать всяческую помощь. Опять же, скажу, что мир не без добрых людей – Карел успел договориться со своими друзьями, и мы по приезде разместились с грехом пополам у них.

10 августа нас загрузили в поезд (маму положили в санитарном вагоне) и после трехдневного пути через Италию и Австрию мы доехали до заветной цели – до Праги!

В ЧЕХОСЛОВАКИИ

После целого ряда недоразумений и приключений, связанных с незнанием языка и поиском нужных людей, а также сложностями, возникшими из-за размещения мамы и ухода за ней, мы столкнулись с новой проблемой – необходимо было разыскать весь наш багаж, отправленный на разных пароходах. Нам оказало неоценимую услугу управление военными складами Республики – в результате все было найдено и доставлено. Наконец нам нашли подходящую квартиру, и необходимо было предпринимать решительные меры по устройству на новом месте. Отец стал подыскивать работу на железной дороге, я подал заявление в военную академию в городе Границе на Мораве. Основной трудностью для всех нас было незнание чешского языка, поэтому нам пришлось форсированно им заниматься. Сестра Юля сдала экзамен в консерваторию, а Соне пришлось занять место мамы и взять все заботы о хозяйстве и папе на себя. Я поступил в академию, и уехал из Праги.

Квартира в пригороде Праги (Мотол) состояла из кухни и большой комнаты, которую пришлось перегородить. Стараниями все того же нашего ангела-хранителя Карела Подземского удалось поместить маму в туберкулезный санаторий в городе Мнишек, где она провела около трех месяцев. Состояние ее несколько улучшилось, но всем было ясно, что долго она не протянет. Так прошел год. 13 августа 1922 года состоялась торжественная церемония по выпуску первых чехословацких офицеров в звании лейтенанта. Меня распределили в 1-й кавалерийский полк, но после отпуска предстояла годовая подготовка в специальном училище верховой езды. В отпуск я, естественно, приехал в Прагу, но, к сожалению, застал маму в плохом состоянии, и через две недели она тихо скончалась буквально на моих руках.

В конце 1923 года семья переехала в Прагу Виногра-

Татьяна Прикрылова

ды, на Колинскую улицу.

Тем временем я закончил училище и был направлен в 1-й кавалерийский эскадрон, размещенный в пражской казарме в Карлине, так что наша семья снова воссоединилась.

Отцу удалось получить работу в управлении железной дороги и, кроме того, он некоторое время преподавал в железнодорожном училище на русском языке, где проходили подготовку молодые специалисты из России, изучая одновременно чешский язык. Интересно, что одним из преподавателей этого училища была господин Ипатьев, бывший владелец дома в Екатеринбурге, где была расстреляна царская семья.

Еще во время стажировки в кавалерийском училище я познакомился и подружился с одним из аспирантов, который впоследствии, много лет спустя, стал моим шурином. Аспиранта звали Вацлав Шлайс, мы с ним снова встретились в Праге, в Карлине, он стал приглашать меня в Пльзень, где проживали его родители, братья и сестры. На одном из балов я познакомился с его младшей сестрой, ставшей впоследствии моей супругой.

Я был очень увлечен своей работой, ведь уже в детстве очень любил верховую езду. Основную работу по обучению азам верховой езды выполняли младшие офицеры, так что молодым выпускникам академии приходилось трудиться в поте лица. Кроме того, уже зимой мы в манеже стали усиленно готовиться к кавалерийским маневрам и скачкам.

Помимо основной работы я получил почетное задание: мне было поручено сопровождать в Праге с кавалерийским взводом иностранных послов на Градчаны, на аудиенцию к президенту Масарику.

Ездили мы через всю Прагу и получали удовольствие от возможности покрасоваться перед девушками!

Моей обязанностью было точно определить и рассчитать маршрут и время, и сообщить данные в соответствующее посольство и канцелярию президента, чтобы успеть к президенту в назначенное время. Ездить на скачки и бега мне приходилось по всей Республике. Бывали и падения, и ранения, но все обычно заканчивалось благополучно.

В 1927 году, во время повторного избрания президентом республики Томаша Масарика, мне посчастливилось сопровождать его выезд из Градчан до Национального собрания и обратно.

В этом же году моя сестра Соня вышла замуж за Василия Савицкого, выпускника Пражского политехнического института, воевавшего в рядах добровольческой армии. Познакомились они во время возведения православного храма в Праге на Ольшанах, где оба работали добровольцами. Наш отец был одним из первых проек-

тантов храма.

Осенью я был переведен в город Терезин, а в 1929 году состоялась моя свадьба с Анной Шлайс. У нас двое детей – сын Александр и дочь Анна.

В 1930 году выходит замуж младшая сестра Юля. Ее супругом стал Николай Победимов, выпускник Петербургского Пажеского корпуса, а затем Пражского политехнического института (строительный факультет).

С тех пор семья жила отдельно, а отец до самой смерти (1944 г.) жил совместно с семьей Сони. У Сони в 1932 году родилась дочь Наталия, у Юли в 1941 году дочь Мария, в 1949 году - дочь Татьяна.

Все праздники мы проводили вместе, часто встречались, поддерживая друг друга в тяжелые моменты жизни. Моим лучшим другом был Сонин муж Вася, и в 1932 году я стал крестным отцом его дочери.

В течение всего довоенного времени я переезжал с семьей из одного гарнизона в другой, проживал во многих городах Чехии и Словакии, но регулярно бывал в Праге и по мере сил участвовал в жизни русской эмиграции.

Особо следует упомянуть 1938 год, снова полностью перевернувший мою жизнь. Все мечты, надежды, военная карьера – все рухнуло в одночасье.

Я оказался непосредственным участником мобилизации чехословацкой армии. В это время я был командиром 9-го драгунского полка в Моравии. Мне было поручено снабжение нашего полка мототехникой и формирование запасного кавалерийского эскадрона. Германия сосредоточила у наших границ большое количество военных подразделений, а в пограничной области начались конфликты между местными «судетскими» немцами и коренными чешскими жителями.

Затем наступил роковой сентябрь 1938 года. Гитлер открыто выступает против Чехословацкой Республики, и 23 сентября президент Э.Бенеш объявляет о немедленной и всеобщей мобилизации, что было воспринято народом с большим энтузиазмом и патриотическим подъемом. Пришлось преодолевать целый ряд проблем и трудностей – отключение энергоснабжения (из опасения бомбардировок), дезертирство военных немецкой национальности,

На этом личные воспоминания А.С.Величина обрываются и остальные сведения о дальнейшей жизни всей семьи записаны со слов его сына Александра и старшей племянницы Н.В.Савицкой.

Папа умер 30 лет тому назад и я понимаю, что надо было раньше обо всем как следует папу расспросить, как он попал в Чехословакию, как ехал сюда через Польшу еще в 1917 г. В России он закончил пажеский корпус, продолжил традицию своего отца и старшего брата. Среди них Николай Михайлович Победимов – мой папа. Знаю, что русских эмигрантов морально и материально в Чехословакии поддерживал премьер - министр Крамарж и таким образом папе удалось в Праге закончить два факультета – сначала лесной, а потом строительный.

Когда начали в Праге – опять с поддержкой Крамаржа и его жены – строить русское кладбище на Ольшанах, то активное участие принимали все студенты и там же где-то встретились сестры Величины (моя будущая тетя Соня и мама Юлия) с моим будущим папой. Тетя Соня вышла замуж за Василия Савицкого и у них родилась дочь – Наталия, которая сейчас живет в Праге. Подробности описаны в летописи моего дяди Александра – брата Сони и Юли.

В 1941 г. родилась сестра Мария, а в 1949 -м я – Таня.

Мама – Юлия Величина училась в Праге в консерватории – на фортепиано. Все детство у меня связано с музыкой дома – мама с папой оба очень хорошо играли на рояле, пели, мама преподавала игру на рояле, жили мы в «русском» доме, где было много семей русских эмигрантов, дома я разговаривала по-русски, а выходя на улицу – по-чешски. Мария с детства изучала французский, даже детский сад был французский, в будущем ей это очень пригодилось.

В Праге она училась на стоительном факультете, но после вторжения и оккупации Чехии советскими в 1968 г. эмигрировала во Францию, вышла замуж за Танасия Космаса, грека, живущего в Париже, и они вместе в 1972 г. переехали в Канаду, в Монреаль. Танасий три года тому назад умер, а Мария переехала в прошлом году обратно в Прагу, она на пенсии, но преподает французский. Я изучала языки в 1968-1969 гг.

В 1982 г. я вышла замуж за Яна Пржикрыла, инженера - сторителя и у нас в 1983 г. родился сын Марк. Он в прошлом году закончил факультет архитектуры, но продолжает учиться в Академии искусств – школе архитектуры. Он успел поучиться и поработать в Генеу у Ренцо Пиано, полгода учился в Мехико, в этом году проходил стажировку в Колумбии - в г. Медеин. Говорит прекрасно по-испански, по-английски, по-итальянски, пытается говорить и по-русски.

В 1972 г. я закончила философский факультет Карлова Университета в Праге, с 1995 г. работаю администратором Русской службы Радио Свободная Европа/Радио Свобода в Праге.

Мой дядя Александр Сергеевич Величин – отрывки из воспоминаний которого я вам переслала в переводе с чешского - покинул в 1920 году Россию. Вместе с ним эмигрировала и вся его семья (родители и две сестры). Младшая сестра Юлия Сергеевна – это моя мама.

Ее супругом стал Николай Михайлович Победимов (1900 - 1980), выпускник Петербургского Пажеского корпуса, покинувший Россию в 1918 г. В Праге он закончил сначала землемерный, а затем строительный факультет Пражского политехнического института. Студенты - эмигранты принимали участие при строительстве Храма Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах. Там папа с мамой познакомились и в 1930 г. поженились. У них родились две дочери: Мария в 1941г. и Татьяна в 1949 г.

Папа умер в 1980г., а мама в 1993г. Оба похоронены в крипте Успенского Храма.

Татьяна ПРИКРЫЛОВА

Марк на вручении диплома

отъезд словаков и организация их транспортировки.

Наступает фатальный день 28 сентября 1938 года, праздник святого Вацлава. Все с нетерпением ожидают объявленное по радио сообщение... Голос популярного артиста Зденька Штепанка озвучивает постановление Чехословацкого правительства о принятии условий мюнхенской диктатуры четырех держав. Всеобщий шок, разочарование, горе, слезы, хаос... В октябре изгоняют чешское население из Судет, а 15 марта 1939 года страну оккупируют германские войска. Наступает смутное военное время так называемого протектората Чехии и Моравии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

**КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ
ГЕРАСИМОВ (1924-1996) -
ВЫДАЮЩИЙСЯ ЛИТЕРАТурОВЕД,
СОНЕТОЛОГ, ПОЭТ, БИБЛИОФИЛ,
ПЕДАГОГ, ЭРУДИТ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ,
ПРОФЕССОР ТБИЛИССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ.
ИВ.ДЖАВАХИШВИЛИ. ОН БЫЛ ШИРОКО
ИЗВЕСТЕН В НАУЧНОМ МИРЕ И ПО
ПРАВУ СЧИТАЛСЯ ОДНИМ ИЗ ВЕДУЩИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И
ИСТОРИИ СОНЕТА, ИСТОРИИ КНИГИ.**

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» при поддержке Фонда «Русский мир» осуществил издание художественно-документального сборника «Возвращение», в который вошли большей частью ранее не публиковавшиеся материалы из архива К. С. Герасимова – поэтические произведения (стихотворения, стихотворные циклы, поэмы), записные книжки, научные статьи, а также воспоминания ряда его коллег и учеников.

В память о замечательном поэте и к радости истинных ценителей русской словесности вышло в свет второе издание книги стихотворений «Из глубины» — единственного прижизненного (1992) поэтического сборника К. С. Герасимова, составленного и прокомментированного автором.

Издание книги «Возвращение» осенил своим благословением Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II:

«15 лет назад, в возрасте 72 лет от нас ушел выдающийся ученый, библиофил, поэт, профессор Константин Герасимов.

Он воспитал целую плеяду поколений учеников и оставил глубокий след в деле изучения русской литературы и истории книги.

К. Герасимов занимался педагогической деятельностью и в Тбилисской Духовной Академии, Семинарии, и не случайно значительная часть его уникальной личной библиотеки впоследствии была передана в дар именно этим учебным заведениям.

Константин Сергеевич принадлежит к высокому рангу тех избранных, чья жизнь продолжается в этом мире и после кончины и для многих является примером добра и милосердия.

Да охранит Господь его бессмертную душу и да упокоит ее в сонме праведных».

Презентация книги состоится 20 сентября в Пушкинской гостиной Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и 19 октября в Тбилисском русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова.

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

* * *

«Благословенны – час, день, лето...»
Благословен вечерний свет.
Как можно было жить без света?
Как – если света больше нет?

Палило солнце, молний блеском
Когда-то вспыхивала тьма.
Был щедростью их королевской
Я ослеплен, сведен с ума,-

Но, хоть и не в потемках прожит
Был век – все суета сует,
Что гаснет. И всего дороже
Последний, предзакатный свет.

Наталья Чиквадзе

ОНА БЫЛА ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ...

Когда ранним утром мне позвонили и сообщили о внезапной кончине Наташи Чиквадзе – супруги актера Рамаза Чиквадзе, в первые минуты я просто не могла это осознать, ведь буквально на следующий день вместе с Рамазом она собиралась возвратиться из Чехии в Тбилиси. «Обширный инфаркт? Нет, не может быть!...» - лихорадочно стучало в мозгу. Хотя мне, человеку тесно общавшемуся с Наташей в последние месяцы, было известно, что она серьезно больна. Недавно ее госпитализировали в предынфарктном состоянии – это было в Германии, где Рамаз проходил очередной курс лечения. Но Наташа в больнице долго не задержалась – не захотела лежать под капельницей... Да она вообще не обращала никакого внимания на свое здоровье – все ее мысли, чувства были направлены на то, чтобы «вытащить» из болезни Рамаза Чиквадзе... Признаться, не часто встретишь такого любящего, самоотверженного, верного человека, какой была по отношению к мужу Наташа. Это было самосожжение! Она упорно боролась за здоровье и жизнь мужа, не жалея себя, постоянно переходя от надежды к отчаянию... Эта мужественная женщина просто не мыслила жизни без Рамаза! Все это происходило у меня на глазах – Наташа не раз в критические минуты обращалась к Богу с мольбой спасти Рамазика, как она его называла. Выкуривала огромное количество сигарет, чтобы как-то справиться со своими страданиями и страхами. Она ведь всегда и во всем была победительницей и не могла смириться с тем, что в этот раз проиграет схватку с коварной болезнью горячо любимого человека. А вместе с тем к ней самой подкрался смертельный недуг... И Наташи в одночасье не стало – сердце просто не выдержало бесконечной мучительной борьбы.

Да, Наташа Чиквадзе жила Рамазом... Но было еще одно, что составляло смысл ее жизни – это театр имени Шота Руставели. Она в качестве театрального менеджера внесла значительный вклад в грузинскую культуру, ее популяризацию за рубежом. Прожила яркую, насыщенную, сложную жизнь, встречалась с интересными людьми, много сделала для того, чтобы звезда лучшего театра Грузии – театра имени Ш. Руставели - засияла во многих странах мира... Наташа Чиквадзе, конечно, вместе с Рамазом Чиквадзе, - неотъемлемая часть театра Руставели, его истории. Она близко к сердцу принимала все, что связано с этим театром. Переживала не только из-за того, что Рамаз слишком рано покинул сценические подмостки, ее глубоко волновало и то, что происходит в современном грузинском театре, новые тенденции, про-

явившиеся в театральном процессе.

Последние события, связанные с увольнением Роберта Стуруа с поста художественного руководителя, потрясли Наталью Чиквадзе. В эти напряженные дни она не могла молчать, будучи вдалеке от Грузии – сначала – в Германии, затем – в Чехии.

В последнем своем интервью медиасоюзу «Объектив» она выступила в поддержку Стуруа, была как всегда эмоциональной и острой: «Рамазу сейчас очень плохо, завтра перевезем его в Тбилиси. Я говорю, и с трудом сдерживаю слезы, так как не хочу, чтобы он увидел хотя бы одну мою слезинку. Нам очень тяжело из-за того, что произошло с Робики, так как мы провели вместе лучшие годы нашей жизни, и бок о бок. Может, были и обиды или недоразумения, но это очень личное и субъективное. Рамаз и Робики создали целую эпоху в мировом театре. У меня сохранено все – все статьи, в которых писали, что это новый театр, который не похож ни на Станиславского, ни на другой. Они покоряли мир, и мир был у их ног. Тогда фактически мало кто знал о Грузии, и все знакомилось с Грузией через их спектакли. Робики, мой дорогой друг, знаю, что Рамаз, в таком тяжелом положении, в котором он находится, крайне переживает все. Это не должно было произойти... У режиссеров бывают провалы, моменты, когда их спектакли не для этапа, но есть история, которую никто не сделает заново, и никто не перечеркнет, никто не сотрет. Можно создать новые страницы истории, но они пройдут так же, как и новое время», - сказала она.

Интервью она начала со следующих слов: «Сегодня уже надо спрашивать, давать интервью на русском языке или нет, но за 54 года, что я жила в Грузии, я делала только добро для грузинского народа и грузинского искусства».

Наташа Чиквадзе подчеркнула, что всему миру известно то, что сделал Роберт Стуруа вместе со своим единомышленником Рамазом Чиквадзе. Отметила, что никого не должно удивлять подобное отношение к выдающимся мастерам, так как ни один человек не позвонил и не поинтересовался, чем можно помочь Рамазу Чиквадзе, которому очень плохо.

«Почему я должна удивляться тому, что произошло с Робики Стуруа. Мне больно, что мы живем в такое время, я сожалею, что мы дали жизнь деятелям искусства этой страны, которых сразу выкидывают на помойку, - с горечью сказала она. - Робики, будь крепок, не сдавайся, мой дорогой, знай, что дверь открыта для тебя. Ты даже не можешь представить в каком Рамаз состоянии. Он постоянно думает о тебе. Будь здоров и пойми, никакими новыми спектаклями и театрами они не смогут написать новую историю искусства – никогда. История остается историей. Вы создали огромную историю, которую никогда не сотрут», - сказал Наташа Чиквадзе.

В конце передачи она поблагодарила зрителей, своих сторонников - тех «кто может помнить, ценить», и добавила «пусть Бог будет судьей всем тем, кто предал, кто не помнит».

Буквально через полчаса после этого интервью Наташа ушла из жизни... Она так и не завершила работу над книгой, посвященной театру Руставели и Рамазу Чиквадзе. Дальнейшее – молчание... Сколько осталось несказанного! И уже никогда не будет сказано. Вместе с Наташей Чиквадзе ушла целая эпоха театра Руставели. Горько... Только сейчас приходит острое осознание того, каким ярким, незаурядным человеком была она. Для нее не было ничего невозможного! Ее умом, волей, целеустремленностью невозможно было не восхищаться, нельзя было не стремиться подражать этим ее качествам. Наверное, эти качества воспитала в ней жизнь – далеко не всегда легкая. Но Наташа всегда была победительницей. Такой и ушла из жизни.

Инна БЕЗИРГАНОВА

актрисой, Зинаида, тем не менее, соглашалась на маленькие роли в спектаклях Михаила Ивановича. Так, она прекрасно сыграла Шакалицу в «Чинчраке»... Ее присутствие в спектаклях Туманишвили имело огромное значение – вместе с Эроси Манджгаладзе, Серго Закариадзе, Рамазом Чхиквадзе, когда они, исполняя маленькие роли, создавали общий фон, и это поднимало уровень спектакля и создавало качественную высоту театра Руставели.

Антигона Зинаиды Кверенчхиладзе – одна из выдающихся женских ролей на грузинской сцене. Это великое произведение сценического искусства – спектакль в постановке Михаила Туманишвили шел на малой сцене театра Руставели. Зинаида Кверенчхиладзе составила конкуренцию и даже в какой-то степени превзошла самого Серго Закариадзе, который играл Креона.

Кроме того, что Зина была замечательной актрисой, хорошим педагогом, она останется в памяти и как замечательный человек – добрый, приветливый, общительный, дружелюбный. Думаю, что уход такого человека из жизни – большая потеря для общества, для профессионального грузинского театра. Честно говоря, я не вижу в обозримом пространстве человека, способного заменить артистку такого класса. Я буду всегда помнить ее роли и образы...

К сожалению, в последние годы Зина играла на драматической сцене немного и переключилась на концертную деятельность, выступая с чтением стихов. Потерять такую актрису для грузинского театра было большим расточительством! Зинаида вознеслась к славе очень быстро. Когда Дмитрий Алексидзе ставил «Бахтриони», перед самым выпуском спектакля заболела Медея Чахава, игравшая Лелу. Вместо нее срочно ввели Зину. С одной репетиции она играла просмотр, после чего стала ведущей актрисой театра Руставели, звездой. Из хорошей актрисы Зинаида вы-

Зинаида Кверенчхиладзе в ролях

ТРАГИЧЕСКАЯ АКТРИСА

Ушла из жизни выдающаяся актриса, народная артистка Грузии Зинаида Кверенчхиладзе. О ней вспоминают те, кому посчастливилось работать с ней, видеть ее на сцене...

Теймураз Абашидзе, режиссер, педагог:

- Зина Кверенчхиладзе в последней четверти XX века – одна из самых талантливых актрис, самых востребованных и профессионалов на грузинской сцене. На мой взгляд, в театре Руставели актрисы-профессионала более высокого класса не было никогда. А если говорить о том, каково место Зинаиды Кверенчхиладзе в театральном искусстве Грузии, то можно вспомнить разве что актрис марджановского театра Елену Кипшидзе и Софию Чиаурели. В последние десятилетия XX века эти три актрисы по-настоящему выражают лицо профессионального грузинского театра.

Я знал Зину очень много лет и всегда с большим вниманием следил за ее творческим ростом. Она всегда была востребованной и, я бы сказал, штатной актрисой Михаила Туманишвили. Почти во всех его спектаклях Кверенчхиладзе была занята, до самого конца.

росла в актрису выдающуюся... Даже в концертной деятельности, которая, как мне кажется, уступает ее творчеству в качестве театральной актрисы, она все равно была замечательной и неповторимой. После ухода Михаила Ивановича из театра Руставели Зина меньше стала работать, иногда играла в спектаклях Темура Чхеидзе на малой сцене... Позднее малая сцена, созданная Туманишвили в противовес большой, перестала быть актуальной. Назревала необходимость в поиске новых театральных форм. Зина была большая актриса собственно драматического театра, который, увы, уступил в последние годы свои позиции...

Гоча Капанадзе, режиссер:

- Зинаида - потрясающая трагическая актриса, отзвучивый, принципиальный человек со своим кодексом чести. По жизни она шла с высоко поднятой головой... Мне посчастливилось работать с ней над спектаклем «Старые паяцы» - она играла в моей постановке одну из главных ролей. Я бы сказал, что Зинаида - гениальная актриса XX и XXI веков. Пластичная, музыкальная, импровизировавшая на сцене. Обладая опытом работы с разными режиссерами, Зинаида часто подсказывала, как сделать ту или иную сцену, была умной, интеллектуальной, а не только эмоциональной актрисой, соавтором режиссеров, с которыми работала. Уход Зины - это не только

мое горе, это потеря мирового искусства. Если бы она была актрисой англо-немецкого или русского происхождения, то была бы известна всему миру. Потому что это была действительно потрясающая актриса!

Александр Кантария, режиссер:

- Мы потеряли одну из лучших актрис нашего времени, и это очень печально. От нас ушла великолепная, я бы сказал, правдивая актриса. Жаль, что это поколение уходит... А кто приходит взамен? Никто! Зинаида Кверенчхиладзе – прежде всего, замечательная драматическая, трагическая актриса. И созданные Зиной образы всегда будут помнить те, кто видел спектакли с ее участием. А как смогут воспринять ее искусство молодые – с записей на телевидении, видео – это уже другой вопрос. Наверное, театроведам нужно очень много поработать для того, чтобы будущие поколения помнили, кого мы потеряли!

Джансуг Чарквиани, поэт:

- Зинаида была фантастической актрисой. Она прекрасно читала стихи, замечательно знала и любила грузинскую поэзию, вообще – поэзию. Когда она читала мои стихи, у меня возникало ощущение, что я пишу их снова. Во всем Зина была прекрасна! Ничего не поделаешь, наше поколение уходит! Я всегда очень любил ее. Мы часто бывали вместе, и я горд тем, что Зинаида ценила мою поэзию. Сейчас я плачу...

Георгий Шалуташвили, режиссер:

- Я горжусь тем, что знал этого человека. Для меня Зинаида Кверенчхиладзе – синоним высокого профессионализма, духовности, человечности. Очень большого, открытого сердца! Я мог бы поставить ее имя рядом с такими именами мирового значения, как Анна Маньяни. Если бы у Зинаиды были возможности, какими обладают на Западе, то она была бы удостоена не

меньшего почета, чем эта потрясающая итальянская звезда. Горько, что старшее поколение безвозвратно уходит. Искусство на то и искусство, что заменить его чем-то другим невозможно. Потому что существует какая-то статика каждого поколения. Несмотря на то, что сегодня на дворе XXI, а не XV век, у нас нет мастеров уровня Фидия, Леонардо да Винчи, Микеланджело. Так что все, что касается культуры, спонтанно для каждого поколения. Дрожь пробегает по телу, когда вспоминаешь Антигону в исполнении Зинаиды Кверенчхиладзе. Это просто высочайший актерский класс! Так что нам остается только скорбеть, что такого художника больше нет рядом с нами.

Гурам Батиашвили, писатель, драматург:

- В театре Руставели всегда были замечательные актрисы. Но драматической актрисы такого плана, как Зина Кверенчхиладзе, не было! Она была прекраснейшей актрисой и таким же человеком, очень лиричным. Мы были в дружеских отношениях, и я всегда, как говорится, чувствовал ее локоть. Она из тех театральных деятелей, которые постоянно думают о театральной жизни всей Грузии. В 80-е годы Зинаида создала драматический театр-студию «Квемо Картли» в Дманиси – очень интересный. Я был на открытии, выступал и подарил новому театру свечи, которые привез из Иерусалима.

Мы потеряли очень хорошего человека! Вспоминаю, как вместе с актрисой Мери Ломидзе и Зиной мы создавали театральный кружок. Я был тогда начинающим литератором. Собирались на улице Грибоедова, 20 и готовили поэтический вечер. Тогда Зина начинала, как замечательная чтица. Ей было лет 27-28, но она уже тогда заметно выделялась среди других. Я видел Зинаиду в последней работе в спектакле «Старые паяцы». Ее роль, сыгранная в этой постановке, была скорее ностальгией по тому, что она делала на сцене раньше. Она была великой в «Федре», «Антигоне», «Бахтриони», «Медее»... Я хорошо помню ее лучшие роли. Это был высший класс актерского мастерства в грузинском театре!

Сандро Мревлишвили, режиссер:

- Зина – яркая актерская индивидуальность, очень темпераментная, очень национальная! Все это и пришло ей любовью зрителей. К тому же Зина была настоящим бескомпромиссным человеком... Очень больно, что мы ее потеряли!

Маквала Гонашвили, председатель СП Грузии:

- Это невосполнимая потеря для всей грузинской культуры. Зинаида Кверенчхиладзе была из «последних могокан» - мастеров высокого декламационного искусства. Это большая потеря и для меня лично. Я училась в четвертом классе, когда увидела Зинаиду Кверенчхиладзе в роли Антигоны на сцене театра Руставели. Я никогда не забуду, как на моих глазах она в мгновение превращалась в царственную особу. Она сохраняла эту царственность, природную, естественную красоту и благородство до преклонных лет, в то время когда нынешние молодые «звезды» часами наводят на себя искусственную красоту.

Для меня подлинное театральное искусство началось с образа, сотворенного Зинаидой Кверенчхиладзе, и это останется навсегда.

Коллективы Тбилисского академического русского драматического театра имени А.С.Грибоедова и Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» выражают глубокое соболезнование Георгию Маргвелашвили в связи с кончиной его матери Зинаиды Кверенчхиладзе.

Кутаиси меняется на глазах ...

Фото Александра Сватикова

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»